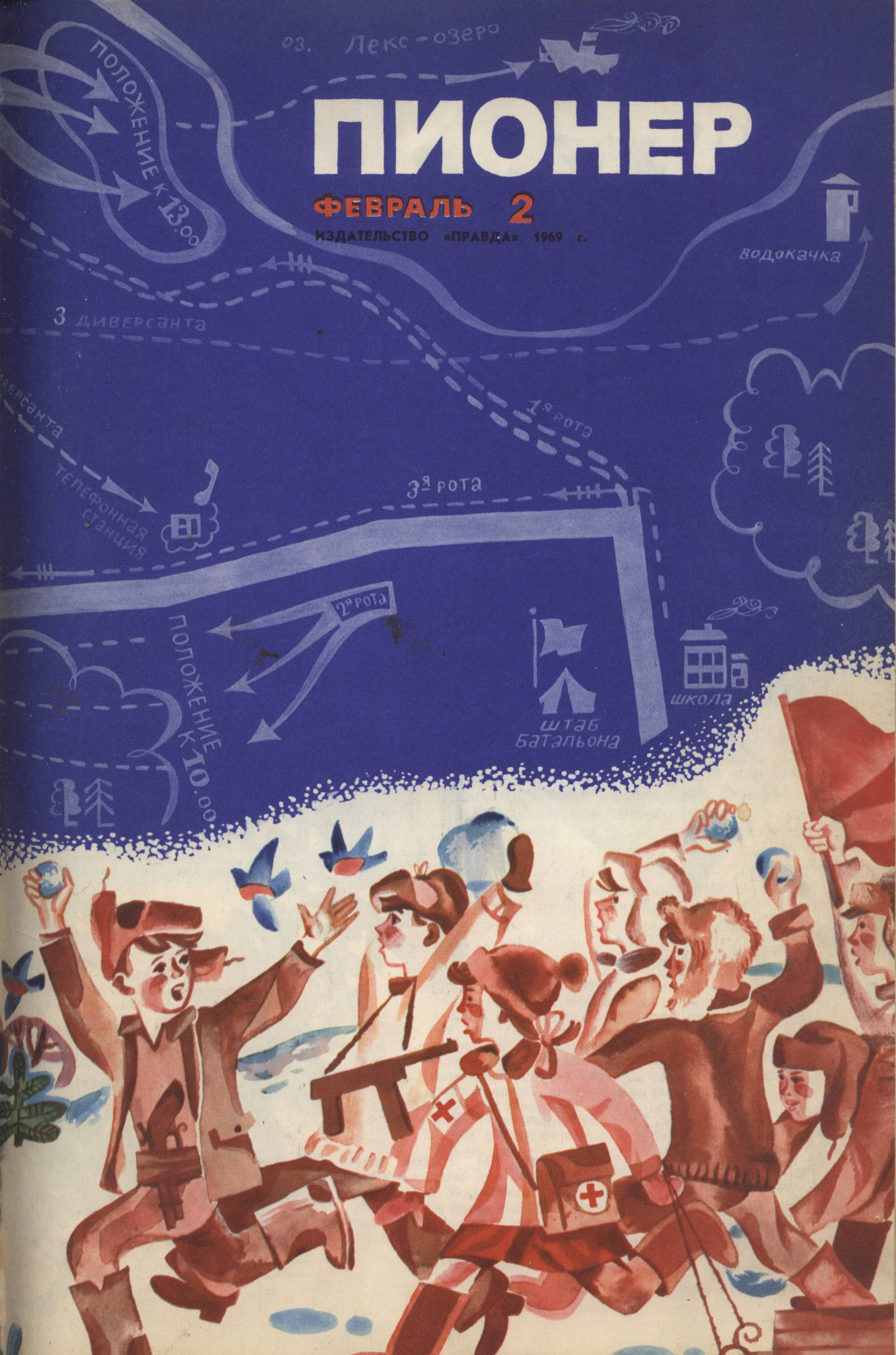
ПИОНЕР

ФЕВРАЛЬ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1969 г.

ДЕСАНТ БЫЛ СБРОШЕН в 8.00. В районе станции Реболы появился диверсионно-разведывательный отряд противника. О замыслах диверсантов рассказал обрывок карты...

ОН ЖИЛ, ОН СРАЖАЛСЯ С ВРАГОМ — юный пулеметчик с торпедного катера. О его удивительной храбрости знала вся флотилия. «Не может этого быть»,— сомневались многие. «Может,— говорили им.— Было!»

ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ НАПИСАТЬ ПИСЬМО? Сесть и написать письмо. А если оно шифрованное, если оно должно пройти через руки царской цензуры? Тогда нужно: 1) написать письмо, 2) подчеркнуть в нем все, что надо зашифровать, 3) зашифровать все это, 4) проверить, нет ли пропусков и ошибок, 5) написать письмо «внешнее» — для отвода глаз и 6) между строчками поместить тайный текст химическими чернилами. Теперь посудите сами, какую работу выполняла **Надежда Константиновна Крупская,** отправляя из редакции «Искры» по 300 писем в месяц.

ЭТУ БАСНЮ ТЫ ЗНАЕШЬ НАИЗУСТЬ. И еще сто миллионов людей знают ее наизусть. А было такое время, когда сам автор ее **Иван Андреевич Крылов** не знал, какая будет в ней следующая строка.

А. Б.

ВОТ ОН, ПЕТЬКА ВОРОБЬЕВ, который однажды прочитал в газете одно очень загадочное объявление. ...Ты понимаешь, конечно, что с этого-то все и началось.

ЭТО ПОРТРЕТ ПУТЕШЕСТВЕННИКА ИЗ МАРИТТИМЫ. Приключения продолжаются. Они будут веселыми и грустными и снова веселыми. А в конце... Не хочется говорить о конце...

В МИРНОЕ ВРЕМЯ, на мирной земле гремят орудийные залпы. Пушки расстреливают горные склоны. Там враг. Опасный, коварный...

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ФЕВРАЛЬ 2

Издательство «Правда»

1969 г.

Эдуард КОРПАЧЕВ

ЮНГА С БРОНЕКАТЕРА

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

★

Ленинградские сны

1.

Хотя Олег Ольховский и привык за два военных года к костромской земле, к станции Николо-Полома, приютившей их, эвакуированных ленинградцев, все-таки он еще раз подосадовал на то, что все прежнее, связанное с жизнью мирной и безбоязненной, становится как бы нереальным и вымышленным. Нет, он знал и помнил, что была Курляндская улица, что и вправду они, мальчишки, отправлялись после уроков на поиски ненужной бумаги, называемой каким-то сухим, костлявым словом — «макулатура», но он знал еще, что теперь Курляндская улица, должно быть, изранена, загромождена битым кирпичом, стволами вывороченных труб. Все это он видел на газетном снимке и опасался, глядя на снимок, как бы не узнать покалеченную Курляндскую улицу.

Соскочив на пол и вспоминая сон, приснившуюся школу на Курляндской улице, Олег уже наяву как бы продолжил свой сон, свое воспоминание о том дне, когда с мальчишками шли они на поиски бумаги с тем рвением, точно шли на поиски сокровищ. И помнится, ему, Олегу, удалось больше остальных раздобыть макулатуры, и когда кто-то из мальчишек позавидовал ему и сказал досадные слова о том, будто Ольховский умеет клянчить, он приотстал от ребят на лестнице, пахнущей плесенью, подумал о том, как легко может нарушиться дружба, и без колебания вывалил в окно лестничного пролета туго набитое в сетку бумажное добро. А когда сошел во двор, все ребята стояли с задранными головами, какие-то ликующие: был ветер, и бумажная стая долго носилась в каменном, замкнутом с четырех сторон пространстве, отдельные листы льнули к окнам, словно искали свои

прежние комнаты, а потом опять соскальзывали и реяли над орущими, праздничными мальчишками, которые так восхищены были внезапным бумажным десантом.

Этот образ довоенного Ленинграда был прочен в памяти и нерушим, и таким же довоенным ленинградцем вставал перед глазами отец — механик торгового порта. Как ждали Олег с матерью возвращения отца из заграничного плавания, как задолго приходили они в порт, как узнавал Олег отца еще на трапе — высокого, с этой его едва уловимой, едва выдаваемой сомкнутыми губами улыбкой! Как хорошо было потом, вышагивая к дому, держать в своей руке отцовскую руку, дубленную заморским ветром!

И вот, расхаживая по комнате, которую покинет он сегодня, потому что ехать ему в дальнюю дорогу, в незнаемый город Баку, в школу юнг, представил он, как хорошо было бы, если бы по пути, где-нибудь на Волге, удалось ему повидаться с отцом, который плавает где-то в составе Волжской военной флотилии.

Повеселевший от этой мысли, Олег еще раз перекладывал скудные свои вещички, касался их и вспоминал, как вчера касалась их мама такими особенными, ласковыми движениями. И смотрела на него печально, и он не понимал ее скорбного взгляда, потому что не на войну ведь ехал, а в школу юнг, и ехал не один: их тридцать набралось, самых выносливых, годных к морской службе, и каждому, как ему, тринадцать лет или примерно столько.

А теперь, когда бесцельно перекладывал он сам свои вещички, смотрели на него серьезно и печально младшие — Генка и Лида, родной брат и родная сестра, и были их взрослые сегодняшние глаза, как мамины вчерашние.

Чтобы не показаться Генке и Лиде грустным, Олег выглянул в окно, за которым открывались деревья в майской, салатовой зелени, но и тут же обернулся, тут же вновь уловил на себе взгляд как бы маминых глаз: все в этой комнате просило его внимания.

И как только раскрыл он старую, с выветрившимся запахом конфетную коробку, где хранились фотографии, то опять оказался в Ленинграде, в строгом, возвышенном своем городе.

И ожила та заветная фотография, которая напоминала об одном из самых прекрасных впечатлений раннего детства и на которую теперь, во время войны, и глядеть не хотел он, потому что сделана была фотография где-то в немецких морских водах, на борту советского судна «Пионер», в таком далеком тысяча девятьсот тридцать пятом году.

Тогда было дозволено членам экипажа «Пионера» взять в рейс своих детей. И вот оказался он, Олег, в путешествии, на борту, в компании своих сверстников, и если не верите, то глядите: их трое на палубе, и день солнечен, а море, заштилевшее, недвижное море, лежит за леерным ограждением, такое неохватное, а здесь, на палубе, где видны канаты и спасательный круг, Олег стоит в сандалиях, в черном берете, в белоснежной матроске, белоснежных коротких штанах и шваброй как бы попирает палубу.

Теперь, в мае сорок третьего года, Олег совсем по-иному переживал то мгновение, запечатленное фотографом, и так завидовал мальчишке с белесой челкой, выглядывавшей из-под черного берета.

2.

Когда мама, пришедшая из интерната, где она работала, посмотрела на него вчерашними, обеспокоенными глазами и попросила всех: «Ну, присядем на дорогу»,— показалось Олегу, что вместе с ними со всеми присел и отец.

И не было в том ничего удивительного. Где-то на Волге плавал отец на одном из минных катеров, и письма приходили от него из разных пристаней. Письма эти заучивал Олег наизусть, не раз на дню припоминал их, и стоило мысленно произнести отцовские строчки — и вот уже словно беседа начиналась с отцом, словно приходил к ним домой отец, звучал его родной голос, был вкусен табачный дым, и так хорошо было! Нет, присутствие отца ощущалось всегда и здесь, на станции Николо-Полома, хотя вслух о нем почти не говорили, но твердо знал Олег, когда видел задумчивость на мамином лице, о ком она думает сейчас.

Мама, мама! Я знаю, об отце ты думала вчера и позавчера, как думал о нем и я, а еще я знаю, что не уходит из твоей памяти наш Ленинград и что раздумья о непокоренном городе и о живом отце — это твой хлеб, твоя вера и твоя сила. И когда я гляжу на тебя, такую упорную, то и сам хочу сделать что-нибудь невозможное.

Но однажды ты все же не выдерживаешь, и вот становлюсь я для Генки и Лиды домашним начальником, бегаю к тебе в больницу, приношу тебе тот школьный сахар, что удалось мне сберечь за неделю,— он тебе так нужен теперь, говорят врачи. В больнице я тебе читаю новое письмо от отца, читаю, почти не глядя на листок,— и это письмо, которое для нас дороже хлеба, дороже сахара, возвращает тебе силы.

Вдруг проносится слух о наборе в школу юнг, все мальчишки поселка носятся

Вот таким он был, Олег Ольховский,—он и его приятели в довоенную пору детства с безоблачным небом и тихо дремлющим морем и солнцем, от которого нельзя не зажмуриться.

А рядом — все тот же и совсем другой Олег — уже встречавшийся с врагом не в одном бою, а в многих трудных и тяжелых схватках, не струсивший, ни разу не сплоховавший — бывалый, уверенный в себе воин.

На берегу у самой воды и поныне стоит на постаменте бронекатер Днепровской флотилии — неподвижный боевой корабль. На нем сражались люди, которых знал и любил юнга Ольховский, с которыми сражался бок о бок и погиб.

со справками, всех одолевает какая-то счастливая лихорадка, но только тридцать отбирают врачи, только тридцать годны к морской службе. И когда я вхожу на домашний порог, уже незнакомый, не принадлежащий дому, ты встречаешь меня тем тревожным взглядом, который буду чувствовать я на себе все эти дни, и особенно сегодня.

Я должен ехать туда, в далекий город, на Каспий. Волга впадает в Каспийское море. Пойми это, мама!

Кажется, ты понимаешь, ты не упрекаешь меня, ты говоришь просительно: «Ну, посидим на дорогу».

Мы садимся — ты, Генка, Лида и я,— а вместе с нами садится и отец, чтоб всем нам легче было прощаться.

3.

На станции уже была суматоха, уже начиналось расставание, уже смотрели матери на своих юнг страдающими глазами, уже готовы были броситься к ним и прижать покрепче их головы, бредящие морем.

Все мальчишки показались ему в этот миг незнакомыми — чуточку взвинченными, потрясенными своим решением ехать за тридевять земель. Они переглядывались, браво кивали друг дружке, но все это было натянутым, и если бы опоздал хоть немного поезд,— мальчишки не выдержали бы, проглянули бы у них грустные мины.

Но поезд не опоздал.

В грохоте, шипении подошедшего состава потонули громкие голоса матерей, чей-то исступленный крик, чей-то всхлип — все то, что могло разжалобить любое сердце, а слабость недостойна мужчины.

И вот, когда уже из вагона, из приспущенного оконца, увидел он маму с Лидой на руках и Генку, увидел других матерей, что-то кричащих, приникших к запыленным, копотным телам вагонов, увидел чьи-то остановившиеся в коротком безумии глаза, он вспомнил, что вот так же прощались женщины с солдатами, которых ждали бои и неизвестность, и лишь теперь понял, глубоко понял печаль маминых глаз, их крик, их мольбу вернуться, вернуться, вернуться.

Лишь теперь он понял мамино бессловесное заклинание, но было поздно, станция с женщинами и сухопутной ребятней начала отодвигаться. Олег стал часто взмахивать из окна рукой, а рядом взмахивали другие ребята, и казалось, что это трепещут белые крылья птиц.

Бескозырка

1.

Они ехали, а потом плыли, потом пересадили их на волжский пароход, следующий вниз по реке, и здесь, на палубе, каждый чувствовал себя уже чуточку матросом, каждый хотел в рубке постоять или в машинном отделении. Олег с нетерпением ожидал остановок, сходил на берег и у речников спрашивал про Ольховского Петра Ефимовича, который механиком,— не у вас ли случайно? Только номер полевой почты был известен Олегу, а где, на каком судне ходит отец, в каком порту швартуется,— ничего этого он не знал, но ведь Волга — это не море, здесь труднее разминуться.

И хорошо было грезить о встрече с отцом, хорошо было вновь и вновь вспоминать отцовские привычки и слова, запах его папирос, щелканье его заграничной зажигалки. Каждый хочет воображать своего отца героем, необыкновенным человеком, а у него, Олега, отец действительно был необыкновенным человеком: не раз бороздил он дальние, чужестранные моря, ходил в составе ледокола «Красин» на выручку экспедиции Умберто Нобиле, оказавшейся в ледовом плену.

Помнятся, твердо помнятся торжественные слова, начертанные в грамоте: «...отмечая Ваше непосредственное участие в героическом деле по спасению экипажа дирижабля «Италия», а также команды и пассажиров потерпевшего аварию парохода «Монте-Сервантес»...» Сколько раз брал он отцовскую грамоту в руки, и как замирало сердце каждый раз, как волновали и тоже звали в поход эти названия: дирижабль «Италия», пароход «Монте-Сервантес»!

Чем ниже по Волге, тем шире открывались берега, и в ясную погоду на голубую, осиянную солнцем воду ложились темные тени бакланов и чаек, а иногда крупным подобием птичьей тени ложилась тень пролетающего самолета. Голоса бакланов то и дело заглушались вверху рокотом краснозвездных металлических птиц, и Олег, отрывая глаза от распахнувшейся, налившейся весенней синькою Волги, от зеленых тальников берегов, следил за самолетами, стремящимися туда, в сторону фронта.

В дождливый, серый денек, когда остановился пароход в Саратове, отпросился Олег на берег и пошел по причалу, уже не надеясь на встречу, уже по привычке спрашивать, заглядывать в лица моряков и спрашивать.

Он и сам не заметил, как остановился у причала, где замерли на воде продолговатые, узкие силуэты катеров, и дождь не мешал ему стоять и думать. Наверное, так и покинул бы он причал, если бы вахтенный в лоснящемся от влаги плаще не окликнул с ближнего катера тихонько, чтоб не спугнуть:

— Может, поесть чего хочешь, пацан?

— Нет, я так,— вздрогнул Олег.— Я с парохода, нам дальше...

— Тогда зачем тут? Не положено.

Олег передернул плечами зябко, повернулся уходить, но привычка, выработанная в этом плавании, заставила его сказать те обычные и уже бесстрастные слова, которые говорил всюду — на пристанях и в портах:

— Отца ищу. На Волге он. Ольховский. Может, слыхали?

— Ольховский? — живо отозвался вахтенный.— Петр Ефимович?

— Ну да! — пораженно воскликнул Олег.— Ну да, Петр Ефимович.

— Так он у нас,— как будто удивился и вахтенный.— Хотя, может быть, просто совпадение. Ты стой-ка, я сейчас!

И едва сказал добрый этот вахтенный, что у них, на катере, самый главный для Олега человек, словно бы начался какой-то сон среди бела дня, какое-то наваждение, и Олег оцепенело следил, как поднимается из кубрика отец, как идет навстречу — такой близкий, такой прежний, такой настоящий отец.

Ах, не может этого быть, и все это сон, все это примерещилось ему, потому что слишком сильно желал он этой встречи, так сильно желал, что теперь и поверить в нее нельзя! Никакая не правда весь этот день, этот катер, этот чудом возникший

на борту катера отец,— все это сон, несбыточный сон...

— Алька! — крикнул отец, и голос этот пробудил Олега, и он увидел — да, увидел отца.

И когда бросили с катера на берег трап, когда оба метнулись навстречу и столкнулись на середине трапа, когда уткнулся Олег в жесткое сукно отцовской одежды и когда сильные руки приподняли его и перенесли на палубу,— вот тогда и поверил он немножко в свое счастье.

Еще не было сказано толком ни слова, еще какие-то сдавленные восклицания, какой-то клекот родили их онемевшие рты, а уже успел подумать Олег, что вот и конец его пути, что никуда ему дальше не надо, что здесь, на катере, он хочет быть юнгой, быть другом отцовских друзей и что об этом надо просить высокого белокурого человека с лейтенантскими погонами, который, наверное, командир.

— Ну, ну! — булькающим голосом произнес отец, снова привлекая его к себе, руками как бы приглаживая неровности его спины.— Какой ты, Алька! Какой ты у меня, Алька!

2.

Высокий белокурый лейтенант, очень молодой, с юношески свежим лицом, и вправду оказался командиром катера. И он, командир Игорь Алексеевич Чернозубов, как бы сразу понял молчаливую, но такую понятную Олегову просьбу, понял взгляд умоляющих его глаз и тотчас сошел на берег, кому-то доложил, кого-то упросил, чтоб дозволено было сыну остаться при отце.

Фантастическим был этот день, эта встреча, это плавание на борту минного катера, и Олег нетрезвыми глазами все глядел на отца, все оглаживал его суконный рукав с краснофлотской нашитой звездочкой, все спрашивал растроганно:

— Ну, как ты, папка? Ну, как воюешь? Ты говори!

Он так просил отца непрестанно, потому что отец непрестанно просил рассказывать о доме, о маме, о брате и сестре, и они комканно, восторженными и случайными словами отвечали, пока не удостоверились, что все родные живы и невредимы. А потом уже спокойнее, глядя вприщур на раздающуюся с каждой милей в берегах Волгу, отец говорил о службе, о войне, которая обагрила и Волгу, о том, как ходят минные катера и вылавливают притаившуюся смерть.

Не померещилось ли все это Олегу? И не сон ли весь этот день, этот чудом возникший на борту катера отец?

На минуту Олег покидал отца, шел по палубе, ловя настороженным слухом дрожь мотора, посматривая на распадающийся за кормой переднего катера снежный след, а когда возвращался к отцу, следившему за ним неотрывным взглядом, то получалось, что вновь они встретились,— и вот с новой жаждой спрашивали друг у друга о том же: о доме, о войне.

Когда отец спускался в машинное отделение, Олег шел следом, смотрел на все жадно. Так верилось, что отец понимает металлическую речь мотора и может любую неисправность обнаружить!

А в рулевой рубке, где находился и высокий белокурый командир, Олег оробело посматривал на приборы, на штурвал, и так замирало сердце, когда он себя представлял за этим штурвалом...

— Хочется у нас служить? — угадал командир его желание.

— Еще бы!— вырвалось у него.— И отец тут и вы. Да и в Баку ведь ехал я служить...

— Тогда считай себя юнгой! — сказал ему командир, и по голосу его понял Олег, что это еще не все, что готовится для него какая-то счастливая неожиданность.

Он уже начал догадываться обо всем, когда кто-то из матросов подошел к нему и, как портной, измерил бечевкой его плечи, рукав и рост. Он уже догадывался обо всем, когда замечал, как перешептываются моряки, как переглядываются меж собой, как таят от него, Олега, добрый свой сговор.

И все-таки какая радость была для него, когда кликнули его в кубрик, приказали сбрасывать барахлишко и надевать вот эту перешитую форму, эту тельняшку, эти широкие брюки с широким ремнем, эту бескозырку.

Ах, бескозырка! Над тобою носились волжские ветры, плыла над тобою гарь, была не раз ты купана в воде, и будут опять носиться волжские ветры над тобою, будет плыть копоть пожарищ, будут пули свистеть...

В этой форме, так удобно охватившей его тело, в бескозырке, с этим плотным ремнем с тяжкой бляхой, на которой проступает тисненый якорь, вышел он на палубу встречать приближающийся Сталинград. А Сталинград — господи, да это вовсе не город был, это были руины, обожженные камни, гигантская груда камней. Вот и смотрел Олег на развалины, вот и думал с помрачневшим лицом о том, как сражались за этот город наши краснозвездные каски, как падали на камень краснозвездные каски и поднимались вновь, чтобы отстоять израненную эту твердыню...

Встреча с ровесником

1.

Весною следующего, 1944 года Олег уже был полноправным членом команды на бронекатере БК-92. И рулевой Тихонов нередко передавал штурвал в его руки, и Олег вел боевой катер по речной воде. У каждого из них, бывалых моряков, учился он: у командира Чернозубова, у отца, у комендора Насырова. Он стал военным человеком, моряком, и он знал, что, как только начнется бой, его место в рулевой рубке, у пулемета.

А стрелять из пулемета он умел метко: всю зиму, пока катера, на платформах переброшенные с Волги на Десну и вошедшие уже в состав Днепровской военной флотилии, стояли в затоне, всю зиму шли боевые учения, и не раз по боевой тревоге поднимался Олег и приникал к затыльнику пулемета...

И вот катера стремились уже к линии фронта.

Зелень буйствовала на побережьях, повсюду была ранняя, светлая зелень, кутавшая в защитный цвет и пожарища и руины.

А маленькие белорусские города, в которых останавливались на короткий час катера, нравились Олегу желанной тишиной мощеных улочек и невообразимо шумными базарами, точно там, на базарах, было средоточие местной жизни. Но особенно пленил его тот маленький город, весь в яблоневых рощах, который открылся с Днепра, с реки, и назывался Речица.

Олег сразу полез в гору, наверх, сразу оказался среди яблоневых рощ, встающих за штакетниками, и улицей меж этих яблоневых рощ пришел в другую, парковую рощу. Здесь, в парке, на прибрежной возвышенности, произошла у него встреча с ровесником и земляком, которая помнилась и потом очень долго.

На ровесника этого, тощего мальчика с бледным лицом, он обратил внимание потому, что мальчик уж очень упорно и приветливо рассматривал его, и догадался Олег, что понравились мальчику и бескозырка и ремень с широкой бляхой. Он был моряк, он был военный человек для этого мальчика! И, как бы глянув на себя чужими глазами, он отметил свое превосходство в этой броской черной форме юнги, он посочувствовал мальчику, его доброй зависти и, подойдя к нему, сказал покровительственно:

— Хороший ваш городок. И название мне нравится.

— Хороший,— блекло, рассеянно улыб-

И тут же спрашивать обо всем потянуло Олега — о блокаде, о страшных зимах, о жизни той недавней, мучительной поры; но не надо было спрашивать о прошлой жизни, чтоб не будить в мальчишке горя. Можно было глядеть на его лицо, на его руки, глядеть в его бесстрастные глаза не отошедшего после голода человека, и все понимать, все знать, и соглашаться, как нужен этому мальчику этот город, где все лето ягоды и яблоки.

Потом они все-таки сумели завязать безболезненный разговор — и все о прошлом: о довоенном Ленинграде, о довоенной школе, припомнили разные забавные истории...

Распрощавшись с ним, Олег поспешил на катер, но и потом, когда катер снова шел по Днепру, все вставал перед ним блокадный этот мальчик, и он вспоминал тех своих школьных приятелей, которые тоже остались в Ленинграде, среди людей, защищавших город и оружием и своим упорством. И теперь все встреченные пристани и села Олег как бы отводил блокадному мальчику для его жизни, видел на берегу зелень садов и повторял для себя: здесь тоже все лето ягоды и яблоки...

Они все-таки сумели завязать разговор — Олег и этот мальчик с бледным лицом, ровесник Олега и его земляк.

нулся мальчик.— Тут ягоды все лето, яблоки...

— А что, войну здесь прожил? Или в партизанах?

— Я всю войну в Ленинграде прожил. А сюда недавно приехал. Здесь, говорят, все лето ягоды, яблоки...

— Ну, здравствуй! — вырвалось у Олега, он руку протянул земляку, стал жать слабую и клейкую руку ровесника, глядеть с восторгом в его бледное лицо.— Я ведь тоже ленинградский...

Трофейный автомат

1.

Фронт был и там, на Припяти, но главное наступление начиналось на Березине, и танки, и стремительные металлические птицы, и бронекатера Днепровской флотилии неуклонно рвались вперед, все тесня и тесня линию фронта, отвоевывая с боями пядь земли, пядь воды.

Какой густой свинцовый ливень встретил наши катера у районного города Паричи, как взрывались вражеские снаряды на воде, как вдруг заблистала вся река от множества оглушенной, всплывшей на поверхность рыбы!

Фашисты заградительным огнем прикрывали свайную переправу, этот единст-

венный мост, занятый вражеской техникой, самоходками, машинами, которые спешили укрыться от наступающих краснозвездных частей. Гвардейскому дивизиону катеров было поручено смести эту переправу, разрушить ее, приостановить бегство фашистов.

Боевой кораблик, маленькую бронированную крепость, неукротимо посылающую огонь по немцам, по переправе, вел Олег, чуткий к голосу командира, к его командам, и пули, чужие пули, стучали о стальную преграду, о рубку.

Она уже видна была издалека, переправа, эта единственная надежда отступающих немцев, и чем ближе к ней, тем яростнее хлестал с берега вражеский свинцовый ливень, но и бронекатера отвечали смертоносным огнем. Так надо было смести переправу, разбить ее сваи, опрокинуть в воду машины, мчащиеся с одного берега на другой, спасительный берег!

И когда заметил Олег, что два наших катера вдруг остановили свой ход, застыли на воде, он подумал с трезвой, четкой ясностью, каким нелегким и упорным будет бой. И еще подумал о том, что теперь надо бросить катер вперед — и пройти этот огненный заслон, и прорваться к переправе, и поразить продолговатое, членистое тело переправы.

Тотчас же выстрелила пушка. Олег увидел пленку пламени, метнувшегося вслед за незримым снарядом и тут же сникшего, и он представил Насырова там, в артиллерийской башне, как он наводит орудие и бьет по переправе, и поверил в то, что Насыров поразит, обязательно поразит протяженную плоскую дорогу над водой. Он только захотел, чтобы и Чернозубов поверил в это и дал приказ идти самым полным ходом вперед, и потому взглянул на Чернозубова, на его оцепеневшее от напряжения лицо с желанием попросить о том, чтоб Чернозубов поскорее отдал решающий приказ. Наверное, и услышал бы Олег чаянные слова командира, уже предвещающие иной поворот боя, как в эти мгновения еще два наших катера потеряли управление и, раненные, остались на воде, превратились в удобные мишени. По ним, раненым катерам, и били, били с берега немецкие пулеметы...

— Дымовую завесу! — распорядился Чернозубов, и сразу же с палубы БК-92 бросили шашки, вдруг затмившие реку, застлавшие ее подобием приземлившихся туч, и понял Олег, что в этой неестественной наволочи они подойдут к ближнему раненому катеру и возьмут его на трал.

Да, так и было, и Чернозубов отдал приказ выручать БК-14, который особенно близок был к вражескому берегу, и вот подошли в черном тумане к неподвижному катеру, а потом и отошли назад в черном тумане, таща на буксире свой, родной кораблик. Но и в черном этом тумане посвистывали пули, поклевывали броню...

Из черного тумана вышли в светлый, лишенный хмари день, и это уже было подальше от огня, поближе к своим позициям, и Олег уводил из боя как будто погрузневший свой катер и все равно мысленно там находился, в бою. Все вставала перед ним картина боя: стремящиеся к переправе катера, росчерки пуль по воде, заходящийся в грызне пулеметов вражеский берег.

Он полагал, когда вел катер уже опять в бой, что вот теперь-то они прорвутся к переправе и Насыров совершит тот долгожданный, самый точный выстрел, но, едва оказались они в рассеивающемся, дырявом, неестественном тумане, Чернозубов отдал приказ швартоваться к БК-41, который тоже покачивался на воде и открыт был свирепеющим фашистам, их огню с берега.

И он прав был, Чернозубов. Они должны спасти подбитые катера, а переправа все равно не устоит и рухнет в воду — сегодня или завтра. Не устоит переправа!

И вот, когда готовы были подойти к БК-41 и соединиться с ним братским, надежным тралом, Олег разглядел на берегу упряжки лошадей, тащивших пушку, разглядел, как выпрягают гнедых лошадей и разворачивают пушку в сторону реки. Он мгновенно оповестил Чернозубова, чтоб тот отдал такое же мгновенное приказание комендору Насырову.

Ожидал недаром Олег единственного, точного выстрела, которым поразит Насыров членистое тело переправы, и пускай не по переправе был этот выстрел, а по берегу, но был он удивительно точен.

Опять дымовые шашки укрыли плесы во тьму, и два соединенных бронекатера отошли под этим пологом к безопасному своему берегу, и опять все время, пока шли на базу, гремел в ушах Олега, мнился ему неутихающий бой.

Не утихал бой у переправы, не уставали катера обстреливать протянувшуюся над водой дорогу, и вскоре БК-92 тоже вступил в бой, вернулся на освистанную пулями воду, над которой разбредались кучерявые остатки дымовой завесы.

— Смотри! — крикнул ему Чернозубов и показал на один из катеров, особенно близко продвинувшихся к переправе. Катер этот вел огонь из пушки, из пулеметов, и видно было, как поворачиваются пулеметные башни, ищущие цель.

— Давайте и мы! — повернул он к Чернозубову истомленное ожиданием решительной схватки лицо.

И командир ответил кивком: давай!

Подошли, и стали вровень с тем отважным катером, и заговорили на беспощад-

ном пулеметном языке, и утробные возгласы пушки наполнили речное пространство. Всюду гремело, охало, пришепетывало, отрывисто стенало, рвалось, и казалось, не могли уцелеть бронекатера в этом аду, но бронекатера жили и вторили один другому пальбой. И переправа тоже не исчезала из виду, не распадалась, не опускалась в воду обломками своими. Все так же лежало членистое тело переправы над водой. Невероятно!

Если бы оставались на борту снаряды и пулеметные диски, то и катера оставались бы до той минуты у переправы, пока не осталось бы от переправы ничего, но вот был отдан приказ отходить, повернули бронекатера, и БК-92 тоже повернул...

Ночью, такой тревожной ночью, когда на берегу лязгали гусеницами танки и освещали мгновенным зыбким светом фар дол, кусты, воду, Олег не спал, жил прошлым боем, жил новым боем. И слышал изредка птичий посвист пуль.

Ранней же ранью, вновь ожившие по властному приказу командования, пошли катера в атаку, пошли полным ходом. И когда от дружных залпов пушек рухнула на глазах у Олега переправа, увлекая вниз машины, бронекатер БК-92 одним из первых прошел над потопленными обломками переправы, над потопленными машинами на новый, отвоеванный водный плацдарм. Тут Олег и увидел на воде разный сор: папиросные размокшие пачки, пилотки, неотправленные конверты.

2.

Здесь же, поблизости от потопленной переправы, у левого берега Березины, сошлись катера и встали.

На левом берегу уже курились, как вулканы, разгорающиеся костры, уже чистили моряки выловленную рыбу. Олег посмотрел на курящиеся начальным дымком костры, на сборища тихих, таких неразговорчивых моряков, взял маленькую шлюпку и направился в ней к середине реки, к правому берегу, загребая широко и сильно. Уж очень хотелось ему взглянуть на тот, вчерашний берег, который встречал катера таким густым огнем. Все там, должно быть, изрыто, искромсано осколками!

Вода всплескивала под веслами, сеялась с них дождем, когда весла описывали взмах над водою, и таким ласковым был этот плеск, так хотелось вслушиваться в капель. И хорошо было откидываться назад спиною, хорошо было ощущать жар в ладонях, хорошо было слышать затем, как наползает шлюпка острой грудью на мокрый береговой песок. С каким-то наждачным звуком проскрипели гнутые борта шлюпки о песок.

Тишью встретил его правый берег, немыслимым покоем, и Олег осторожно, крадучись, пошел по зарослям, готовый опять услышать пулеметную трескотню, но трещали под ногами лишь усохшие прутики, валежник. И птицы вспархивали из-под ног, как будто не могли развеять их по другим, дальним зарослям вчерашние выстрелы, вчерашние залпы. Попадали под ноги стреляные гильзы, еще хранившие пороховой дух, Олег швырял эти пустые гильзы, летевшие теперь с безопасным посвистыванием. И всюду открывались взгляду пулеметные укрепления, окопчики, всюду были следы кованых ботинок.

В заросли, в густые заросли влекло Олега. Он продирался через лозняки, брел наугад в тишину, в покой. И в тот самый миг, когда показалось ему, что он ушел наконец-то из вчерашнего боя, ушел от грохота, воя, лязга — от всего этого, прекратившегося лишь теперь,— открылась перед ним полянка, не заросшее лозою пространство, и хоть тиха была эта полянка, но Олег оцепенел на секунду, и в голове пронеслось: нет, не вышел из боя.

Нет, не вышел он из боя, потому что вышел внезапно на поляну, занятую фашистами. Их было наверняка больше сотни, многие из них лежали или сидели, оружие их было в общей груде, и Олег лишь успел подумать: нет, не вышел из боя...

Он бросился к чужому оружию, схватил автомат и резким, непривычным голосом крикнул:

— Хенде хох!

Потом ему будет смешно, что вырвались у него эти слова, которые он знал, но никогда не произносил, которые он произнес так властно, будто произносил не в первый раз, будто уже сотнями брал в плен гитлеровцев, приказывая им на немецком языке: «Хенде хох!» Потом он будет удивляться тому, как властный его окрик поднял опешивших немцев с земли и заставил их вытянуть руки, как и приказывал им он, мальчишка в черной матросской форме. Будет удивляться, что пришли на память единственные эти слова: «Хенде хох!» — хотя лишь потом узнает истинный их смысл и убедится, что только эти слова и должен он был произнести, стоя перед немцами с направленным на них автоматом.

Они все не опускали рук, плененные эти немцы, но каждый миг могли опустить, могли броситься к оружию, и Олег, сознавая это, дал устрашающую автоматную очередь в воздух, и эта очередь прибавила ему отваги.

Затем он снова прошил воздух внушительной очередью и стал призывными криками подзывать к себе своих — Чернозубова, Насырова, отца, Тихонова.

И Чернозубов с Насыровым услышали его выстрелы, его крики и тотчас примчались на помощь,— Олег даже не ожидал, что так скоро они окажутся здесь, на правом берегу.

Потом, немного погодя, Чернозубов расскажет ему, что они с Насыровым, как только послышались выстрелы, тут же вскочили в полуглиссер, стоявший у борта БК-92, и устремились к правому берегу, выпрыгнули на берег и полезли через кусты, через кусты, и хорошо, что он, Олег, подавал все время голос или посылал короткую очередь.

И как только оказались Чернозубов и Насыров рядом, как только они тоже взяли на прицел своих автоматов гитлеровцев, понял Олег, что теперь не так страшно стоять перед гитлеровцами, не так опасно держать их на месте. А то ведь один он был против сотни! Нет, и не сотня была их здесь, а больше, и Олег прикидывал на взгляд, сколько их собралось на поляне этой, и уже спокойнее мог разглядеть растерянные и злобные лица пленников.

Подоспели моряки с других катеров и быстро направились к гитлеровцам, стали отыскивать у каждого оружие и бросать с лязгом в железную груду, а Олег все не отводил дула автомата от пленной толпы.

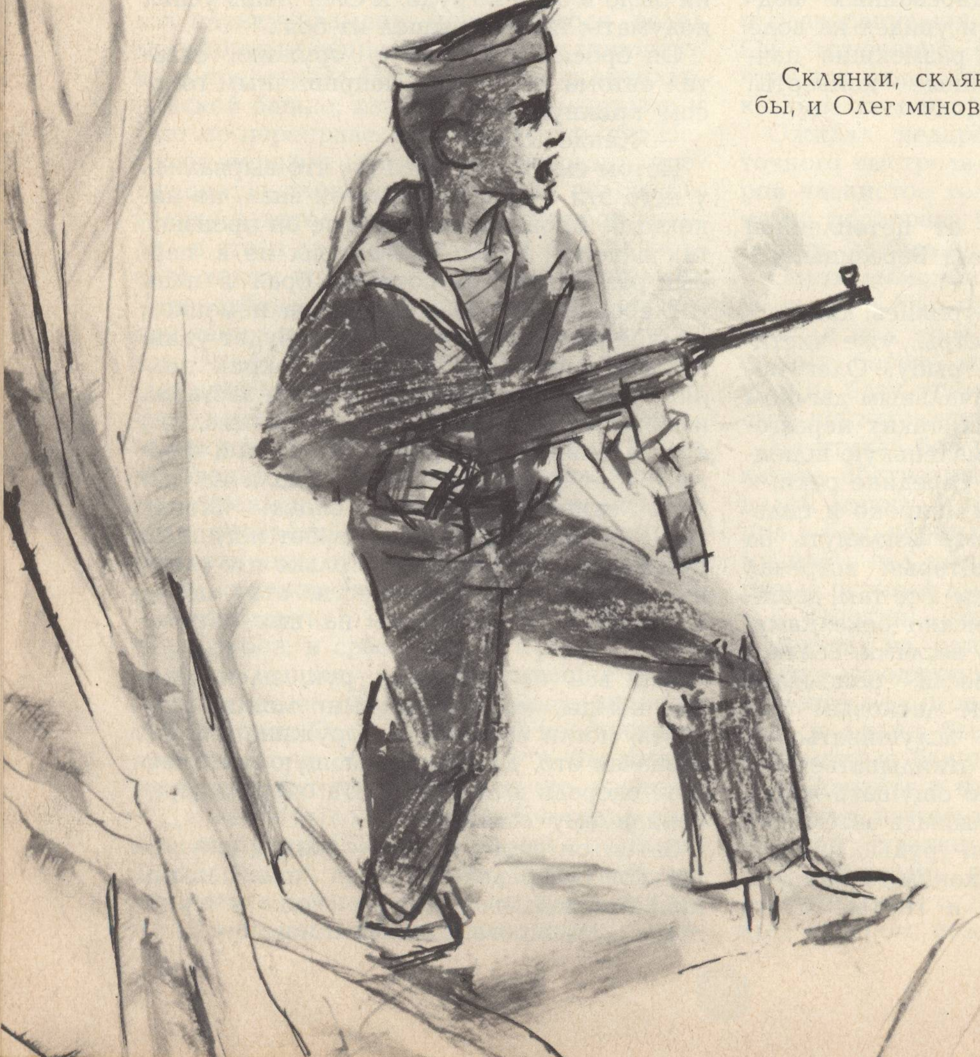
И когда подоспел сюда и отец, Чернозубов на виду у отца обнял Олега за плечи и сказал с торопцой, волнуясь:

— Ну, Олег! Ну, мальчик! Один против целого войска!

И снова обнял мужскими крепкими руками.

3.

Склянки, склянки послышались с палубы, и Олег мгновенно вскочил на ноги, по-

Эти слова Олег произнес так властно, будто произносил не в первый раз, будто сотнями брал в плен гитлеровцев, приказывая им на немецком языке:
— Хенде хох!

правил тельняшку, надел форму. Шумно стало в каютах, в кубрике от утренних шагов, от голосов, и все смотрели на него восхищенными глазами, все улыбались, кто-то положил на плечо руку: ай да юнга! Он отвечал им доброй улыбкой, он поворачивался на голоса, он чувствовал, что в этот день ждут его опять, как вчера, слова признания, восклицания, прикосновения дружеских рук...

Но день оказался щедрее, чем он предчувствовал.

Когда построилась вся команда на палубе, когда занял Олег свое место левофлангового, вахтенный Тихонов доложил командиру:

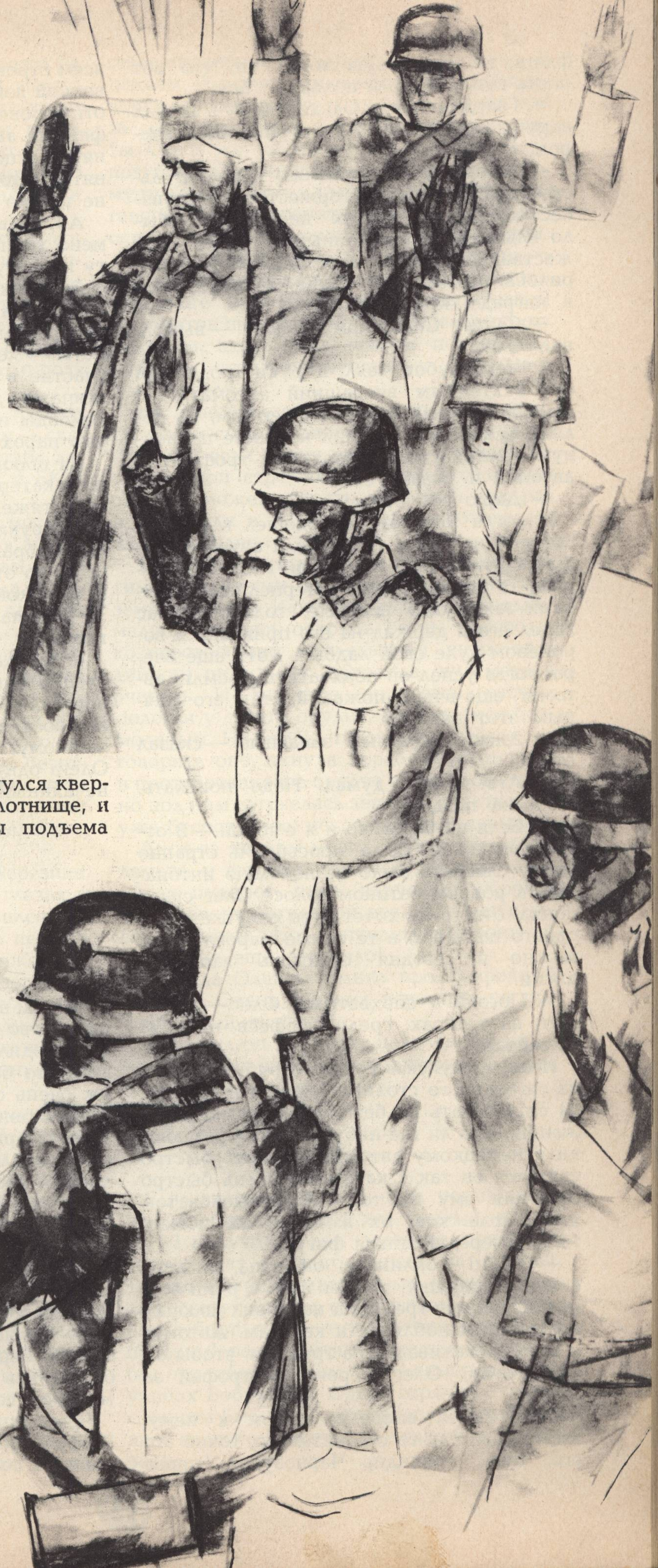
— Товарищ лейтенант, команда бронекатера 92 построена к подъему флага.

Командир поздоровался и, выйдя на середину, скомандовал:

— На флаг — смирр-но! Флаг поднять.

И поднес руку к козырьку, отдавая честь знамени, а моряки замерли, держа равнение.

Флаг с тихим шелестом потянулся кверху, Олег смотрел на боевое полотнище, и так волновали его эти минуты подъема

Рисунки С. ТРОФИМОВА

флага, так остро чувствовал он, что вот опять готов катер к походу, к бою...

— Гвардии юнга Ольховский! — вызвал вдруг командир, и Олег ступил шаг вперед.

— За отвагу представляю к правительственной награде, — торжественно произнес командир, и так непривычно было слышать напряженный в своей торжественности этот голос, и даже не поверилось, что это его, Олега, представляют к награде, к ордену.

— Служу Советскому Союзу! — вымолвил Олег.

А Чернозубов взял в руки поданный ему вахтенным вчерашний автомат, тот самый, который схватил Олег там, на поляне, и которым держал на месте плененную толпу; взял Чернозубов трофейный автомат и сказал еще:

— Дарю это оружие.

И когда Чернозубов подошел к нему и повесил на грудь трофейный автомат, когда ощутил Олег на груди весомое оружие, то коснулся его нетерпеливыми руками так, будто впервые, только сейчас видел его и держал на его прикладе и вороненом дуле свои ладони. Хотя еще вчера, когда успел он подхватить с земли автомат, еще вчера, пожалуй, стал его личным этот автомат.

— Диски нужны запасные, — сказал отец.

— Ага! Я уже думал. Надо поискать, пока не поздно.

— Если на берег, то и я с тобой.— В отцовском голосе была просьба, и странно Олегу слышать было незнакомую интонацию в родном батином голосе. Олег сразу понял, отчего не хочет отец отпускать его одного на берег, в те самые заросли, где можно и сегодня отыскать запасные диски.

— Погоди! — спохватился Олег.— А может, на катерах, среди трофеев найдем? Я сейчас!

И он метнулся в рулевую рубку, достал из сигнального столика флажки и принялся спрашивать на безгласном языке движений, есть ли где-нибудь на катерах диски к немецкому автомату. Очень быстро связался он так с катерами, очень быстро ответили ему на том же замысловатом языке флажков, их взмахов, их моментально чередующихся фигур.

— Идем! — окликнул он отца, и двое сошли в шлюпку, и Олег взял в руки весла и сильными гребками направил шлюпку к стоявшим поблизости катерам. Автомат у него раскачивался на груди, и, чтобы он не тяготил, Олег перекинул трофей за спину.

Отец сидел впереди, лицом к нему, взглядывал как-то стеснительно, точно это его, отца, командир Чернозубов перед всем строем представил к ордену Отечественной войны второй степени и точно ему, отцу, повесил командир Чернозубов трофейный автомат на грудь. И была так понятна отцова стесненность, было так понятно, что все это словно бы произошло не только с ним, Олегом, но и с отцом...

Ах, ведь и он, Олег, в те довоенные времена хранил бережно отцовы награды и ту грамоту, которой отец был отмечен за рейс в составе команды ледокола «Красин». И так помнились, так звучали в нем прекрасные, чеканные строчки из той грамоты: «...отмечая Ваше непосредственное участие в героическом деле по спасению экипажа дирижабля «Италия», а также команды и пассажиров потерпевшего аварию парохода «Монте-Сервантес»...»

На шлюпке они подгребали к борту одного катера, другого, и сверху им сбрасывали тяжеленький диск, Олег тотчас брал его в руки, убеждался: подходит! Так у них набралось полдесятка запасных дисков, но этого было мало, и Олег спросил с улыбкой у отца:

— А на берег все-таки сойдем? Вдруг повезет!

— Сойдем, Алька,— кивнул головою отец и снова стеснительно посмотрел на него, так что Олег почувствовал особую нежность к нему, такому сильному, выдержанному, но опасающемуся отпускать Олега одного на тот берег, где был добыт нечаянный трофей.

Пули хлещут по броне

1.

Как бы ни пытался отец скрыть свое беспокойство за военную судьбу сына, как бы ни отводил взгляд, все равно проскальзывало это беспокойство в его мимолетном, уж очень сердечном взгляде. И мысленно Олег словно бы отвечал отцу: «Ведь мы с тобою моряки, папа. Мы на войне!» Порою Олег запальчиво думал о том, что отцу не хватает твердости, и пытался долгим, придирчивым взглядом внушить ему эту подобающую каждому моряку твердость. И все-таки отец чаще всего в эти дни находился рядом с ним, на одном кораблике, хотя ему, главному механику отряда катеров, надо было и на других корабликах ходить, но чаще всего он вместе с Олегом шел по Березине — и все потому, что приближались катера к Бобруйску и ждали моряков горячие бои.

Чем выше по Березине, чем ближе к Бобруйску, тем чаще обстреливали немцы моряков, тем привычнее становились нале-

ты пикирующих самолетов с крестами на фюзеляжах. Притерпелся Олег ко всему: к этому пронзительному стону пикирующих самолетов, к близким взрывам, когда колоссальный столб воды восходит у самого форштевня корабля, к бормотанию пулеметов, тяжким вздохам артиллерии, к заревам пожаров. «Мы на войне!»

Бобруйск уже был заметен с реки высокими трубами и высокими зданиями на высоком правом берегу, и всюду там, на правом берегу, был враг, который отстреливался и удерживал город в своих руках до поры до времени. Краснофлотцам был отдан приказ поддержать пехотинцев до подхода их главных частей.

— Задача такая: прорваться к городу, обстрелять немцев, вызвать панику,— сказал Чернозубов, вернувшись из штаба дивизиона.— С нами пойдут БК-93 и БК-2. Всем по местам!

Всем по местам — это значит: мотористам — к машинам, комендорам — в артиллерийскую башню. Всем по местам — это значит: прильни к прорези прицела, возьмись за рукоятку пулемета и будь каждую секунду начеку!

Еще прогревались моторы машин, еще стоял бронекатер у берега, а уже смотрел Олег в сторону Бобруйска, в сторону железнодорожного моста, уже ждал той минуты, когда припадет он надолго к пулемету. Он знал, что пулемет будет безотказен, а еще знал, что на обратном пути они из орудия обстреляют мост, разгромят эту взметнувшуюся над рекой железную махину.

Но едва устремились вверх по Березине, как железнодорожный мост на глазах у Олега подскочил в воздух, искривился, обнажив в страшном грохоте голые перебитые ребра свои, и все это — искореженное, больное железо, фантастически изогнутые сваи, заломленные рельсы — рухнуло в ахнувшие воды Березины, загромоздило фарватер. Всем, кто видел взрыв, понятно стало, что немцы сами взорвали махину, чтоб не смогли пройти катера по воде.

И Олег ждал нового приказа командира, всматривался вперед, в железный хаотичный лом, преградивший дорогу, и надеялся отыскать в хаосе рухнувших конструкций удобную для узкого катера щель, и не находил свободного места на воде. Все-таки он надеялся, что катера не свернут с пути, пойдут на задание, и верил в необыкновенный, новый приказ командира.

Но приказ командира оставался прежним, катер шел на задание, хотя следовавший впереди БК-2 уже повернул назад. Наверное, там, на БК-2, разглядели, что нет никакой возможности прорваться сквозь железный затор.

Катер уже подходил к нежданной преграде, уже осталось слева по борту городское окраинное кладбище с его вечным покоем. И вдруг ожило мертвое кладбище, вдруг застучали отовсюду—из-за оград, из-за гранитных плит — фашистские пулеметы. Сразу же, не дожидаясь команды Чернозубова, Олег приник к своему турельному пулемету, стал на мушку ловить выдвигавшиеся из-за гранитных плит чужие каски, стал строчить экономными очередями.

Сеево свинца стучало о борта катера, о башни, о броню, а катер, маневрируя вдоль огненного берега, отвечал спорым огнем пулеметов и орудия. И Олег стрелял по отдельным, вдруг попадающим под прицел фигурам, стрелял и чувствовал, как удачны очереди.

Но и немецкие пулеметы не умолкали, сыпали и сыпали свинцовые пригоршни по броне, и если броня укрывала моряков от пулеметной стрельбы, то перед снарядом она не сможет устоять. А немцы как раз и наводили в сторону реки противотанковое орудие.

Тут Олег не стал жалеть патронов и долгими очередями заставил приникнуть к земле немцев. Как только они приподнимались, пытаясь открыть огонь, как только неосторожно выглядывали из-за орудийного щитка, их находила пулеметная очередь. И так все они, весь расчет, полегли у своего орудия, оставшегося безмолвным. Но чтобы никогда не смогло заговорить оно, ахнула корабельная пушка, и противотанковое орудие вскинулось, точно под ним затряслась земля, и откатилось, уже бесполезное, исковерканное взрывом.

Диск за диском менял Олег в своем пулемете, и говорил, говорил, говорил в его руках пулемет, пока вдруг не оборвал скороговорку огненной речи. И Олег с досадой понял, что кончились патроны. А кладбище еще стреляло!

И тогда Олег вспомнил про трофейный автомат. Очень вовремя вспомнил он про трофейный автомат!

Вытащил он из гнезда накаленный пулемет, вставил вместо него автомат и снова стал нажимать на спуск.

2.

Едва закончился бой, едва установился на кладбище все тот же вечный покой, БК-92 получил новое задание: переправлять солдат с левого берега на правый. Только с марша, запыленные, обожженные июньским солнцем, солдаты ждали погрузки на борт, чтобы тут же, оказавшись на правом берегу, пойти в наступление. Пальба, орудийный гром уже слышались на улицах Бобруйска. Очень горячие схватки с врагом были там, на городских улицах, и враг не хотел отступать, враг обстреливал реку.

Катер подошел к правому берегу, Олег тут же бросил трап, и первый сбежал на песок, и стал поторапливать солдат, которые вылезали из кают, из кубрика, теснили друг дружку, прыгали на песок, звякая котелками, оружием, и бежали, полусогнувшись, вперед, вперед. Удивительно, какой вместительный кораблик!

И как только опустел кораблик, Олег убрал трап и ступил в рубку, занял свое место рядом с командиром и рулевым. Но вот рулевой Тихонов, смахивая пот со лба, отступил в сторону, и Олег положил руки на штурвал. Катер снова двинулся к тому, левому берегу, где толпились в ожидании посадки солдаты, которые тоже должны были вступить в этот главный, решительный бой за освобождение Бобруйска. И они смотрели с берега на приближающийся катер, и оттого, что слепило солнце, у всех были гримасы на лицах, и солнце высвечивало звездочки, медали.

Олег опять первым соскочил на берег, стал следить, чтоб не толпились бойцы на трапе, чтоб мгновенно заняли места на борту, и руки его, касавшиеся солдатских гимнастерок, ощущали теплую и жесткую материю.

Но вот и этих бойцов катер доставил на огненный берег, они ушли в сторону города, в сторону боя. Олег посматривал вслед им, казавшимся сутулыми от скаток, а затем снова убрал трап, чтоб через несколько минут опять соединить трапом землю и палубу, и так — бессчетно много раз.

3.

Там, в городе, опять и опять возникала стрельба, хотя вечерние потемки ложились на реку и первые латунные звездочки замерцали на таком чистом, таком недосягаемом небосклоне.

Катер стоял у самого берега, маскируемый сумерками, но его надо было замаскировать по-настоящему, и Олег рубил лозу, откидывал ее в сторону, а затем понес охапку шелестящей и пахнущей горьковато свежими срезами лозы на палубу. Здесь моряки принялись устилать палубу зеленью, камуфлировать боевые башни, пулеметные стволы. Олег еще сошел на берег, в заросли, еще нарубил молодой лозы, которая и завтра будет неувядаемой, которая превратит катер в зеленый островок.

Ночью ему не спалось в душной каюте, выходил он на палубу, под тихое, совсем не военное небо, и смотрел в сторону города, где отдыхала война, и заговаривал с вахтенным, а ночь в июне коротка, словно взмах птичьего крыла, и в свете начинающегося дня уже совсем не хочется спать.

Все-таки немного он вздремнул, хотя и сквозь этот зыбкий сон слышал соловьиное неистовство, страстные раскаты изумительной серой птахи, а пробудился не от трелей соловья, а от блуждающего в утренней выси самолетного гула.

Вахтенных словно сдуло с корабельных палуб: летала над закамуфлированными катерами вражеская «рама» — разведывательный самолет. Летала «рама» над зелеными берегами, поросшими лозой, над катерами, тоже поросшими лозой, и все возвращалась, все заходила на новый круг, и можно было ожидать, что сейчас эта «рама» приведет бомбардировщиков. Уж очень упорно кружил странный этот, двухфюзеляжный самолет, кружил и кружил над зеленой лозой, над палубами в зеленой неувядаемой лозе!

На БК-92 уже все были на местах, все отрешились от сна, все поглядывали вверх, в небо, в тревоге: не появится ли вновь нелепый вражеский самолет?

Но появилась целая стая истребителей, небо заполнилось раздраженным самолетным гулом.

Они еще не появились, истребители с крестами на фюзеляжах, а уже перехватила армейская наша разведка радиограмму, переданную открытым текстом, и уже стало ясно, что «рама» разглядела у берега замаскированные корабли.

И как только был отдан приказ отходить, как только двинулись украшенные зеленью катера, появились истребители и с грозным гулом понеслись над рекой, над катерами.

Олег со стиснутыми зубами слушал этот надсадный вой заходящих в пике самолетов, и так больно понимать было, что катер открыт для ударов с неба и ничем не может ответить! Он мог маневрировать, катер, уходить от свинцовых трасс и этим спасаться.

— Будем петлять по воде! — распорядился Чернозубов, и видел Олег, как молча кивнул рулевой Тихонов, и сознавал Олег, что теперь умение рулевого должно хранить катер от очередей с неба, уводить из-под огня.

Катер пошел вниз по реке, потом развернулся и направился полным ходом вверх по реке. И как только очередь ударила градом по броневой обшивке, катер вновь изменил свое направление. Сверху, наверное, нелегко было на прицел брать петляющий, стремительный зеленый островок. И остальные катера петляли, уходя из-под обстрела пикирующих истребителей.

Так злился Олег, так ругался вполголоса, слыша, как заходит в пике самолет и бьет, бьет, и он не мог спокойно видеть выходящий из пике самолет и брался за рукоятку пулемета, строчил, пытаясь достать очередью своего пулемета вражеский самолет, хотя и было это безнадежно. И все-таки увереннее чувствовал себя Олег, если

Петляющий, стремительный кораблик ловко увертывался от пикирующих самолетов и ушел, ушел-таки из-под огня цел и невредим.

катер не молчал, если катер говорил на огненном языке, и это было похоже на бой, хотя в неравном этом бою лишь умение рулевого спасло катер от опасных попаданий.

4.

Когда вошли они с отцом в Бобруйск, ступили на эти чадные улицы, где несколько часов назад гремел бой и танки штурмовали каждую пядь улиц, Олег покрепче прижал к груди автомат, как бы ожидая, что ему придется полоснуть очередью по выбитым окнам. Все еще напоминало в освобожденном городе о фашистах: эти израненные, пустующие дома, за выбитыми стеклами которых видны были растущие внутри, в комнатах, цветники ленивого огня; эти завалившиеся набок, сплюснутые взрывами штабные «виллисы»; эта бешеная лошадь, которая мчалась, распугивая солдат, с непереносимо-ликующим ржанием, мчалась мимо рычащих танков, мимо столбенеющих людей и, наверное, по всему городу пронеслась бы в диком аллюре, выкатывая потрясенные свои очи и как бы посмеиваясь при ржании, если бы чья-то короткая очередь не прервала ее катастрофический бег.

Уже несколько часов не было в Бобруйске фашистов, уже несколько часов гремели сапогами по булыжнику мостовых бойцы, отвоевавшие город. Они шли дальше, через весь город, на запад, вдогон оставившему город врагу, и двигались туда же, на запад, танки с открытыми люками, из которых вставали по грудь танкисты в своих черных шлемах, и двигались туда же, на запад, автомашины, самоходки, бронетранспортеры.

У здания, над крыльцом которого свисал флаг с алым крестом, Олег с отцом остановились, и Олег с тоской повел взглядом по рядам окон, уцелевших или залатанных наскоро фанерой, и что-то подсказало ему, что здесь, конечно, была когда-то школа.

Он даже в полусон какой-то погрузился, стал грезить о своей ленинградской школе на Курляндской улице, и опять таким неомраченным, радужным представилось ему далекое время учебы, время особенных мальчишеских радостей. И, улыбнувшись, он вообразил уже другое, скорое время, когда вернется он в Ленинград, пойдет, задыхаясь от небывалого счастья, по Курляндской улице, взбежит на третий этаж, в учительскую, в этой моряцкой своей форме, при широком ремне с бляхой, при ордене, с зажатой в руке бескозыркой! Ах, это будет, будет: встреча с Курляндской улицей, и появление в школе, и радость возвращения, и боль от множества утрат — все вместе! И, может быть, остался жив кто-нибудь из прежних учителей, кто-нибудь из прежних друзей, и будут они опять вместе.

Как только подъехала к зданию санитарная машина и двое санитаров вынесли из нее недвижного, с каким-то желтым ликом и точно бы спящего моряка, Олег, переглянувшись с отцом, словно сбросил с себя несбыточное наваждение и подумал о том, что не станет отсылать матери последний номер флотской газеты «Красный днепровец», где и о нем, об Олеге, написано, о том недавнем бое, в котором он поло-

жил немало фашистов на кладбищенскую землю. Нет, не станет он отсылать матери флотскую газету, потому что мама не сумеет представить боя, а представит то, что женщины могут легко представить: госпиталь, флаг с алым крестом, кровь, бинты и как выносят из санитарной машины моряка...

— Петр Ефимович! Алька! — вдруг окликнули их так, что вздрогнул Олег от неожиданности, и какое-то нехорошее предчувствие коснулось его в эту минуту, когда смотрели они с отцом на санитарную машину и когда внезапным окликом заставили его вздрогнуть, словно от толчка.

Олег повернулся с тревожным лицом, увидел вспотевшего Насырова, который тяжело дышал, переводя дух от быстрой ходьбы, от бега, отчего волновалась на груди рябенькая тельняшка.

— Не так громко, Набиюлла Насыбулинович! А то как крикнете... Я подумал: опять стреляют! — серьезно сказал Олег.

— По всему Бобруйску бегаю, вас ищу. Скорее на корабль! — все тем же резким голосом выпалил Насыров.

И Олег с отцом снова переглянулись с пониманием и без слов поспешили за Насыровым. На бегу Олег пытался выведать у комендора, какая беда заставила Насырова разыскивать их по городу, но комендор помалкивал, и лишь на корабле, когда Чернозубов пояснил им, что дан срочный приказ опять идти на Припять,— лишь на корабле Насыров уже спокойнее сказал:

— Вот помнишь: ты говорил, что фронт на Припяти, а почему идем мы на Березину? А я тебе говорил: главный фронт на Березине. А теперь он опять на Припяти, самый главный фронт. Понимаешь, Алька?

— Понимаю, Набиюлла Насыбулинович,— отозвался Олег.— Где нужны моряки, там и есть главный фронт!

«Да! — подумал он все с тем же нехорошим предчувствием, которое закралось в сердце, едва на Бобруйской улице, у госпиталя крикнул за спиною Насыров.— Опять по Березине, потом по Днепру, потом по Припяти. Опять идем на Припять! Там главный наш фронт, и мы идем туда. Так надо!»

Если дан приказ, моряки не мешкают, моряки выполняют приказ. И вот уже снялись бронекатера с якорей, тронулись вниз по Березине, и Олег, став на вахту, все оглядывался назад, на отплывающий и уже не грозящий огнем город, на его правый берег, где не было, наверное, ни одного вершка земли, не вскопанного пулей или осколком. И очень пристально смотрел Олег на место памятного своего боя — на это кладбище, такое тихое теперь и покойное. Оно отплыло, кладбище, и пропало за излукой, вскоре исчезли и зеленые волны кладбищенской рощи, а все еще держался Олег за леера так цепко, точно рукоятку пулемета удерживал...

Олег примечал взглядом и хаты на бугре, и аистов, пролетающих над рекой с поджатыми ногами, и рослые, неубранные травы в лугах. Все было немного знакомо здесь, на мирной земле, и только непривычно до вскрика, до изумления было видеть на берегу женщину с косою в руках. Женщина эта в длинной, сборчатой ситцевой юбке и белом ситцевом платочке, повязанном шалашиком, широкими взмахами косы, благородно посверкивавшей на солнце, рушила пойменную траву, взмахивала серебряной, драгоценной косою и рушила, рушила траву. Так удивительно было смотреть на сноровистую женщину и знать, что поет, поет коса в спелых травах, где еще совсем недавно пели пули. На миг женщина оставила работу, из-под руки взглянула на реку, на неотвратимый ход катеров и снова склонила голову к траве, и снова в покосах взблеснула коса.

И хорошо, грустно так подумалось Олегу, что теперь, может быть, и другие женщины, с других берегов, оставив на минуту свое дело, будут застывать в напряжении и следить за военными катерами.

Будут мирные берега, будут женщины на этих зачарованных долгожданной тишиною берегах, будут сады и лозы с привядшей, подсохшей от пожаров и зноя листвой, и будет город Речица на круче, густой, тесный от вековых деревьев парк, и мальчик в этом парке — блокадный мальчик, приехавший в Речицу на ягоды и яблоки, еще не оправившийся от голодного своего помешательства. Ему, речицкому ленинградцу, который каждодневно ходит в парк и оттуда взирает на Днепр, Олег помашет рукою: привет, ленинградец, привет!..

★

Там, где сливаются Пина и Припять, в белорусском городе Пинске, похоронены в братской могиле Олег Ольховский и Петр Ефимович Ольховский.

В июле 1944 года катерам Днепровской флотилии был дан приказ высадить десант для штурма вражеских укреплений в Пинске. Ночью бронекатер БК-92 подошел к пинскому берегу, высадил десант, а когда немцы открыли сильный огонь из своих укреплений, моряки ответили огнем корабельных пулеметов и пушек. В бою погибли в один день отец и сын...

На берегу реки, вблизи братской могилы, на месте высадки десанта, установлен на постаменте один из бронекатеров Днепровской флотилии.

Всем судам, всем буксирам и теплоходам виден с реки этот неподвижный боевой корабль.

★

НОВЫЕ СТИХИ

Каждый год в феврале мы отмечаем день наших Вооруженных Сил, рассказывая о жизни и службе военных людей. Так и в этот раз: вы увидите в журнале рисунки художника Ю. Рогозина, сделанные на севере нашей страны, там, где несут службу моряки-пограничники. На этой странице мы публикуем первые стихи Сергея Федотова. Он молодой поэт и недавний военнослужащий, солдат-ракетчик.

Сергей ФЕДОТОВ

★

Штаб окружен.
Колечка не разжать.
Багряный флаг в грязище догорает...
А там,
в окне второго
этажа,
Наган красноармеец заряжает.

И все бы так, да выстрелов в обрез —
Не подавить нацеленные дула.
В окошке рама вычертила крест
И неубитого
перечеркнула.
Вот хлопнет выстрел вражий —
и свинец
Ударит в грудь и остановит сердце.
Конец...
Конец?
Нет, только не конец...
И я беру наган красноармейца.

★

В небо голубое,
в небо голубое
Вколот самолетик тонкою иглою.
И по голубому,
выгнутая броско,
Пролегла над домом белая полоска.

Пролегла над домом
и взметнулась выше,
Прогремела громом по железной крыше.
Громом по железу,
А за ней вприпрыжку
Кинулись, как птицы,
легкие мальчишки.
Легкие мальчишки,
как стрижи весной,
Небо голубое,
крылья за спиной.

Рисунок П. БАГИНА.

Н. К. КРУПСКАЯ.

Рисунок Н. ЖУКОВА.

Надежда Константиновна

**Ты хочешь знать: какой она была в детстве?
Ты спрашиваешь: что привело ее в революцию?
Как стала она надежным и верным другом Ленину?
И что сделала для революции?
И почему вызывала восхищение всех, кто ее знал и кто с ней работал?
Чтобы рассказать тебе об этом, мы отправились на тихую московскую улочку Стопани. Там, в старинном особняке, в небольшой комнате на третьем этаже, нас поджидали Витя Дуксин, Андрей Есион, Марина Басюкова, Ира Коновалова, Люда Минаева, Лена Аксельрод, Саша Иванов, Володя Шурин.
Кто они, эти ребята, и почему мы решили записать их рассказы, ты скоро поймешь.**

Фото С. КАРАСЕВА.

Ребята рассказывали, а мы слушали и вели стенограмму...

Надя-Надежда

ЛЮДА МИНАЕВА. Странная это была семья, по тогдашним понятиям, очень странная. Дворяне, а у самих ни гроша. Но в доме всегда шумно, гости. И публика — эти гости — тоже преудивительная: о царствующем доме говорят пренебрежительно, дворянство поносят, над высшим офицерством издеваются.

Ходят толки, что и сам хозяин дома — убежденный атеист и бунтовщик. Русский офицер, он был послан в Польшу усмирять восставших поляков, а вместо того тайно помогал им: отпускал пленных, устраивал побеги,— хорош усмиритель!

Новорожденную дочь свою он назвал Надеждой. Из самого раннего своего детства Надя Крупская помнит хорошо переезды. Из города в город, с квартиры на квартиру. У папы опять отняли работу — придется съезжать...

Началось все с судебного обвинения в «превышении власти». Отец служил тогда в польском городе Гроец.

В суде ему зачитали, в чем он повинен. Даже старые, видавшие виды судейские чиновники и те не скрывали ухмылки — настолько смехотворны и глупы были обвинения: подсудимый танцевал мазурку, в царский день не зажег иллюминацию, он не ходит в церковь, сам он и дочь его говорят по-польски. И этого было вполне достаточно, чтобы лишить отца права занимать государственные должности.

С той поры Константину Игнатьевичу пришлось браться за любую работу. Был он и страховым агентом, и ревизором на фабрике, и ходатаем по судебным делам.

Надя помнит: они с мамой живут в Русанове, имении помещицы, у которой мама служила раньше гувернанткой. Помещица недобрая, с крестьянами обращается жестоко, а в столовой за обедом притворяется щедрой и ласковой.

— Отчего ты со мной не здороваешься, мой друг? — спрашивает она Надю умильным голосом.

Но пятилетняя Надя считает, что эта толстая дама ей никакой не друг. Ее друзья живут в деревне, в крестьянских избах. И притвору-помещицу не любят и боятся. И Надя не хочет ни здороваться с ней, ни прощаться, ни благодарить за обед.

Мама была рада-радешенька, когда приехал отец и можно было уехать из Русанова.

Была зима, и ехать решили санным путем. По дороге кибитку остановили русановские мужики. Они думали, что едут хозяева имения, и собирались убить их. Да разобрав, в чем дело, отпустили. Надя заметила: отец не был испуган случившимся; обняв дочку, он говорил с матерью о вековой ненависти крестьян к помещикам, о том, что помещики эту ненависть заслужили. Надя конечно, считала, что отец и с ней говорит.

Ошиблись, господа!

МАРИНА БАСЮКОВА. В ту зиму Крупские переехали в Углич, где Константин Игнатьевич получил место ревизора на фабрике Говарда. Мы разыскали рисунок дома, где они тогда жили. Маленький, желтый двухэтажный домик. Сейчас его уже нет. На его месте построена огромная плотина, и он оказался под водой. А зимой 1875 года тут, на узких, кривых улочках с маленькими своими приятелями играла шестилетняя Надя Крупская. И опять ее друзьями были дети фабричных рабочих, а сынки фабричного начальства— врагами.

Отец, возвращаясь со службы, часто рассказывал о дикой и трудной жизни рабочего люда, о лихоимстве и грубости управляющего. Надя молча слушала, а потом на улице собирала друзей, чтобы из-за угла забросать мордастого управляющего жесткими снежками.

Отцу говорили:

— Невоспитанная у вас дочь растет. Детей надо сызмальства воспитывать. А то бог весть какими вырастут...

Константин Игнатьевич соглашался:

— Это вы верно, что сызмальства. С самых ранних лет.— А про себя думал: «Невоспитанная? Вот уж нет! Тут вы ошиблись, господа...»

...Позже Надежда Константиновна не раз говорила, как с раннего детства помнит она отца, его слова, как крепко она была с ним дружна.

1877 год — Наде восемь лет.

В гимназии

ИРА КОНОВАЛОВА. Наде было восемь лет, когда семья обосновалась в Киеве. К этому времени она уже прекрасно читала. Давным-давно была прочитана написанная мамой и выпущенная в Варшаве книжка о девочке Наде, которая начиналась стихами:

Солнце лишь в окошко глянет,
Надя вмиг с постели встанет,
Не лежит напрасно в ней
И оденется скорей.

В стихах Надя узнавала себя. А в восемь лет она одолела уж и «полного» Робинзона, читала Некрасова и успела горячо, навсегда полюбить Пушкина.

Тогдашние Надины подружки, дочери зубного врача, знали, что́ из Пушкина ей больше всего нравится.

— Надь, скажи стихи про рыцаря,— то и дело просили они ее.

Надя забывала о подвохе.

— «Жил на свете рыцарь бедный,— начинала она, воодушевляясь,— молчаливый и простой, с виду сумрачный и бледный, духом смелый и прямой».

— Ухом? — в диком восторге кричали подруги.— Ухом смелый?

Надя злилась, бросалась драться. А назавтра та же история. Впрочем, трудно долго потешаться над простодушием и доверчивостью... Девочки перестали.

Школа на Крещатике, куда отдали восьмилетнюю Надю, оказалась на редкость скучной. В ней учили длинные, невразумительные французские стишки и без конца списывали с книги.

В Мариинской гимназии в Петербурге было ничуть не лучше. Болезненно застенчивой, ей было одиноко в классе, где никто ни с кем не дружил. На уроках нужно было сидеть, не шелохнувшись, спрашивать учителей ни о чем не полагалось. Классная дама — жуткая придира — откровенно подлизывалась к дочкам богачей, которые приезжали в гимназию на своих лошадях, и то и дело набрасывалась с руганью на девочек победнее.

Отец, заметив, что Надя чувствует здесь себя неважно, перевел ее в другую — частную гимназию Оболенской.

Это было совсем другое дело! Учителями здесь были люди, входившие в общество «Земля и воля», и учились в гимназии большей частью дети передовых людей. Тут старшие не кричали на младших, и все были дружны. Учиться в такой школе было очень интересно. Став взрослой, Надежда Константиновна с добрым чувством вспоминала гимназию Оболенской.

— Тут дали мне знания и умение работать, сделали меня человеком общественным,— говорила она.

Нам удалось разыскать в Киеве дом, в котором жили Крупские, и школу, в которой училась Надя...

Что делать?

САША ИВАНОВ. Надя растет. Стремительно, бурно. Папа умер. Как все изменилось дома! Мама почему-то видит в ней ребенка. Если бы знать ей, о чем бесконечно, мучительно думает, бредит ее четырнадцатилетняя дочь!

Как, что надо делать, чтобы изменить жизнь? Всю. Совсем. Как помочь народу сбросить тяжкий груз бедности, беды?

Хорошо, что у Нади есть единомышленник — гимназическая подруга, самая близкая, Саша Григорьева. Вместе они набрасываются на книги. Лермонтов, Полежаев, Огарев... Удивительно, как точно, безошибочно угадали подруги главное в этих книгах — мятежность!

Жадными, острыми глазами девочки вглядываются в окружающее: куда идти? Но трудно, невероятно трудно было в ту пору найти правильный путь, а помочь им тогда было еще некому.

Дома у Саши собирались старые народовольцы — люди, пережившие царские тюрьмы и ссылки. С любопытством и благоговением смотрела на них Надя, жадно прислушивалась к их речам. Но слышала лишь одно: усталость.

Однажды она спросила кого-то из гостей:

— А что же надо делать? Как надо работать, чтобы перевернуть жизнь?

— Не надо гнаться за невозможным,— услышала она ответ.— Не нужно стремиться перевернуть все в корне — это невозможно. Надо делать то, что под руками: хорошо учить, помогать людям...

Это была известная в то время проповедь «малых дел». Слушать ее, писала потом Надежда Константиновна, из уст человека, просидевшего немало лет в тюрьме за борьбу с самодержавием, было тяжело. «Тоской веяло от его советов и от всех этих бывших людей; люди они были хорошие, но с вынутой душой. Я была подростком, но отлично видела это».

Надя взялась за Л. Толстого. Он гневно обличал роскошь и праздность богачей, он был полон искреннего сочувствия к людям труда.

«Толстой прав,— размышляла она,— надо трудиться. Прежде всего трудиться самой, вот он, путь к самосовершенствованию и, значит, изменению мира». И летом, в деревне, она бралась за самую тяжелую крестьянскую работу, дома делала все за себя и за маму. Она решительно изгнала из жизни роскошь, стала терпелива, внимательна к людям.

Но какой же это был выход?! Вокруг-то ничего не изменится. Несправедливость по-прежнему будет существовать; жестокость, угнетение, бесправие народа сами собой не исчезнут.

Однажды в студенческом кружке Надежда Константиновна впервые услышала имя — Маркс. И начинает изучать его работы.

Ранней весной 1890 года в деревне, где они живут с мамой, она усердно читает «Капитал». Читать приходилось по вечерам, после дня тяжелых крестьянских трудов.

Но усталости нет — какая там усталость! Грозной и радостной музыкой фанфар звучат для нее слова Маркса: «Бьет смертный час капитализма: экспроприаторов экспроприируют».

На траву ложатся длинные предвечерние тени. Надя сидит на крыльце хозяйского дома и не слышит, что говорит ей примостившаяся рядом нянька-подросток с хозяйским младенцем на руках.

— Почему молчишь, не понимаешь? — недоумевает та.— Ну, слушай. По-нашему — щи, по-вашему — суп... По-нашему — челн, по-вашему — лодка... По-нашему — весло, не знаю уж, как по-вашему...

Нет, Надя не понимает. Перед ней сейчас в удивительной, прозрачной ясности открывался новый, истинный ее путь.

«Марксизм дал мне величайшее счастье, какого только может желать человек: знание, куда надо идти, спокойную уверенность в конечном исходе дела, с которым связала свою жизнь».

За Невской заставой

ВИТЯ ДУКСИН. Теперь было ясно, что делать. Идти к рабочим. В Петербурге за Невской заставой, в селе Смоленском, действовала вечерняя школа для рабочих.

Надежда Константиновна пришла туда учительницей. Здесь, не употребляя крамольных слов «царизм», «стачка», «революция», можно было раскрывать рабочим суть революционного учения Маркса. Было удивительно, как легко и естественно принимали рабочие марксистские взгляды. И как заботливо и любовно относились они к своим учительницам.

— Вы книжек сегодня не раздавайте, — встречая перед уроком молодую учительницу, предупреждал кто-то из учеников.— Тут новый пришел. Кто его знает, в монахах ходил, мы про него разузнаем.

— При этом черном ничего не говорите: он в охранку шляется.

Пять лет проработала Надежда Константиновна в школе за Невской. «Эти пять лет влили живую кровь в мой марксизм, навсегда спаяли меня с рабочим классом»,— писала она после революции.

Тем временем складывалась в Петербурге организация активных марксистов. В августе 1893 года из Самары прибыл сюда Владимир Ильич. Дело пошло гораздо лучше.

Надежда Константиновна познакомилась с Лениным на квартире инженера Классона. Работать им пришлось в одном районе, и скоро, очень скоро они подружились.

Ученики Надежды Константиновны — Бабушкин, Грибакин, братья Бодровы — ходили в кружок Владимира Ильича. Социал-демократическая организация марксистов, не прекращая пропагандистской работы в кружках, переходила уже к широкой агитации рабочих масс с помощью листовок.

Надежда Константиновна, работая в школе, хорошо знала условия жизни и труда рабочих. Повязав платок вместо обычной шапочки, ходила она в гости к своим ученикам.

Особенно трудно жилось рабочим на фабрике Торнтона. Побывав у своего ученика Кроликова, она рассказала Владимиру Ильичу обо всем, что видела и узнала от рабочего. Собранный ею материал Владимир Ильич использовал в своем листке к торнтоновским рабочим и работницам.

В ту пору они много говорили вдвоем о методах пропаганды и агитации, о содержании пропаганды.

Общие ученики Надежды Константиновны и Владимира Ильича, конечно, догадывались об их знакомстве.

Когда в декабре 1895 года был арестован Ленин, а вместе с ним и Кржижановский, и Старков, и другие члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», Бабушкин пришел к Надежде Константиновне. Именно с ней советовался он о том, чем ответить на этот арест... Некоторое время спустя арестовали и Надежду Константиновну. Ее и нескольких ее учеников выдал все-таки провокатор.

...В тюрьме Надежде Константиновне передали с воли тайное послание — Владимир Ильич просил ее стать его женой.

Иногда люди, даже знавшие, видевшие Крупскую, ошибались, считая ее чересчур спокойной, невозмутимой, может быть, даже чуть-чуть флегматичной. Они плохо ее знали.

Царский прокурор, которому было поручено дело Надежды Константиновны, разобрался в ней лучше.

Надежда Константиновна — 90-е годы.

— У вас под маской наружного холода скрыта бесконечная любовь к революционному делу,— сказал он ей на допросе.

Что ж, бесконечная, страстная, всепоглощающая любовь к революции и вправду пронизала всю ее замечательную жизнь.

В ссылке в Шушенском Надежда Константиновна вышла замуж за Владимира Ильича. «С тех пор моя жизнь,— писала она,— шла следом за его жизнью, я помогала ему в работе чем и как могла. Рассказывать об этом — значило бы рассказывать историю жизни и работы Владимира Ильича».

В ссылке и эмиграции Надежда Константиновна помогала Владимиру Ильичу налаживать «Искру», создавать партию, вести ее к победе в революции.

На II съезде Советов, в те волнующие, радостные минуты, когда Владимир Ильич Ленин объявил о победе социалистической революции, Надежда Константиновна вспомнила впервые прочитанные ею слова Маркса о смертном часе капитализма. «Думала ли я тогда, что доживу до момента экспроприации экспроприаторов?» И уже смотрела вперед, в будущее: «Сколько еще шагов осталось до цели?»

По следам фронта

АНДРЕЙ ЕСИОН. Я хочу рассказать об одном из заданий, которое Надежда Константиновна получила после революции. Летом 1919 года она по поручению Владимира Ильича выехала в агитинструкторский рейс в Поволжье.

Так встречали «Красную звезду» всюду, где она делала остановки.

В конце июня был оборудован специальный пароход «Красная звезда». Путь его начинался в Нижнем Новгороде, потом шел по Волге до Камы и вверх по Каме — насколько будет позволять положение на колчаковском фронте. Закончить рейс думали в Царицыне, тоже если позволит ход гражданской войны.

Почему был избран именно этот маршрут?

Казань — Нижний Новгород — Самара — Саратов — Царицын — это крупнейшие промышленные города России. А все Поволжье было только что освобождено от белых.

Рейс проходил все время по следам фронта. Опасно было ехать, и все же Ленин посылает туда лучших агитаторов — настолько важно было ему знать, что́ думают крестьяне и рабочие о жизни, как относятся к молодой Советской власти.

«Перед отъездом мы долго толковали с Ильичем,— писала Надежда Константиновна,— как и что надо делать, чем помогать населению, на каких вопросах больше всего останавливаться, во что особенно вглядываться. Ильича самого тянуло поехать, да нельзя было работы ни на минуту бросить. Накануне отъезда проговорили всю ночь, поехал Ильич провожать нас на вокзал, заказал регулярно писать ему, разговаривать с ним по прямому проводу».

Пароход был двухколесный, с баржой на прицепе. Шли медленно, только ночью, днем все работали. Надежда Константиновна писала потом: «Мы двигаемся черепашьим шагом. А как тут нужны мы!»

Как только пароход причаливал к берегу, собирались люди: и стар и млад. На пароходе открывали библиотеку, работал кинозал невиданных по тем временам размеров — на 150 мест! Было радио, типография, в пути выходила бесплатная газета «Красная звезда», работали мастерские, маленькая электростанция. В трюмах были книги, листовки. Это была живая агитация за новую, советскую жизнь.

Утром, днем и вечером шли митинги — в коммунистических клубах, на учительских курсах, на фабриках и заводах. После такого митинга в Николо-Березовке крестьяне решили послать баржу с хлебом для рабочих Москвы.

Надежда Константиновна работала тогда в Наркомпросе. И, конечно, встречалась с учителями, среди которых были и старые, дореволюционные, и молодые, — убеждала их строить новую школу.

Однажды остановились у деревни Пещеры. На пароход пришло много народу, женщины с детьми. Ходили по пароходу, мастерские смотрели, потом кино. После картины ребятишки робко, потихоньку подходили к экрану и заглядывали за него, думая, что там люди представляют все то, что видно с этой стороны. Первое время по окончании картины они и разговаривали-то между собой только на пальцах, а не вслух.

Н. К. Крупская ехала с пароходом до Перми. Там она заболела тифом, и по просьбе Владимира Ильича ее увезли в Москву. Рейс «Красной звезды» продолжался в направлении южного фронта, до Царицына.

После возвращения Надежда Константиновна писала: «Владимир Ильич расспрашивал меня подробно обо всем — особенно интересовало его то, что я рассказывала о Красной Армии, о настроении крестьян, о настроении чувашей, татар, о том, как растет в массах доверие к Советской власти».

Наши ребята отправились в Горький, чтобы узнать, не сохранилось ли что-нибудь, связанное с этим рейсом.

Узнали, что до сих пор существует маршрут — теперь уже теплоходов — от Горького до Перми.

Когда стали спрашивать о «Красной звезде» 1919 года, выяснилось, что пароход «Красная звезда», который сейчас ходит по этому маршруту, и есть тот самый, исторический. Это было так неожиданно, так счастливо, что пароход жив и ходит!

Во время второй нашей экспедиции до Перми ребята нашли школу, которая была создана по предложению Крупской. Закончился второй поход тем, что мы точно узнали, где сейчас находится пароход. К 1965 году он был в Горьком и встал на прикол, его сделали плавучим домом отдыха, а в каюте Надежды Константиновны наши ребята помогли устроить выставку.

Душа Наркомпроса

ЛЕНА АКСЕЛЬРОД. Главной работой Надежды Константиновны после революции была работа в Наркомпросе. Крупская делала в Наркомпросе очень много.

У нас есть фотография участников первого учительского съезда. Когда мы показываем ее, немногие, даже из москвичей, узнают, где она была сделана. А это вход в Большой театр. Колонны облупились

Люди, изображенные на фотографии, в шинелях, в буденовках,— они только что с фронта. Их прислал комсомол, их прислала партия учиться и учить других. Вот среди других—человек в киргизской национальной шапке. Половину состава съезда составляли, как тогда говорили, инородцы — люди самых разных национальностей. В центре снимка — Крупская и Луначарский, они были организаторами этого съезда. В Наркомпрос шли люди — десятки, сотни людей ежедневно.

— Вы к кому? — спрашивали их.

— К Надежде Константиновне за советом.

Она принимала всех. Со всеми разговаривала. Неторопливо, совсем по-домашнему, как она одна только умела, внимательно слушала, записывала все просьбы и всем, как могла, помогала.

На одном из наших стендов есть фотография Надежды Константиновны с блокнотом и ручкой. Мы считаем, что у нас лежит эта ручка, хотя, может быть, и не эта, но мы точно знаем, что у нас, во всяком случае, ручка, которой писала Надежда Константиновна.

Один товарищ зашел как-то к Надежде Константиновне и написал у нее докладную записку, а когда пошел домой, ручку сунул в карман. Дома он увидел: чужая ручка. Позвонил Надежде Константиновне (у нас, кстати, экспонируется и аппарат, который стоял в ее кабинете):

— Надежда Константиновна, я у вас ручку унес.

— Ну и пишите на здоровье,— сказала она, — а я себе другую нашла.

Человек этот много лет хранил заветную ручку, а в день открытия нашего музея принес ее нам и рассказал эту историю.

Надежду Константиновну очень любили в Наркомпросе. Но не думайте, что она была из тех добреньких женщин, которые одно простят, а на другое махнут рукой. Нет. Мягкая и душевная, она могла быть твердой, когда нужно, и всегда добивалась результата. По пять, по шесть раз заставляла переделывать работу. И как радовалась, когда получалось все, как надо!

Но главным для нее, для человека революционной школы, была требовательность к себе. Каждый день расписан по часам. То, что сделано за день, записывается в особую тетрадку: какая статья написана, какое заседание проведено, на сколько писем отвечено. И вот итоги. В январе 1939 года: статей — 20, выступлений — 16, заседаний — 12, писем — 240. Это было за месяц до ее смерти...

Надежда Константиновна за свою работу была награждена орденом Ленина и — одна из первых женщин — орденом Красного Знамени.

Письмо с улицы Красина

ВОЛОДЯ ШУРИН. У нас в музее есть очень интересные детские письма к Крупской. Она получала до четырехсот писем в день! Были письма-приглашения, письма, сопровождавшие различные подарки, просто письма, в которых что-то рассказывалось, высказывались какие-то просьбы. Ни одного письма она не оставляла без ответа и в каждое вкладывала нарядную открытку. Они всегда стопками лежали у нее на рабочем столе.

Не так давно у нас появился подлинник одного письма Надежды Константиновны.

В 1935 году она получила письмо от маленьких москвичей с улицы Красина.

Авторы письма сообщали: «Ребят у нас много. В свободное время нам нечего делать, и мы катаемся на трамвае, играем в деньги, катаемся на перилах — один уже упал и разбил себе голову. Мы вас очень просим нам помочь устроить красный уголок или клуб, где бы с нами занимались...»

Надежда Константиновна ответила им, что постарается помочь, и отдельно написала письмо домохозяйкам: «Ребята Вашего дома... просят устроить им клуб или красный уголок. Думается, что если домохозяйки возьмутся за это дело, они быстро смогут это наладить. Дело нужное».

Мы прочитали это в книжке писем Крупской, заинтересовались и пошли в этот дом.

Оказалось, что красный уголок существует до сих пор там, где его тогда организовали. И теперь работают детские кружки, и в доме живут те же домохозяйки. Теперь совсем уже старушки. Мы выпросили у них письмо, которое хранилось у одной из домохозяек. Уговаривать, понятное дело, пришлось долго.

И рабочий и крестьянин должны быть и будут грамотными!

Книгу «Наш друг Владимир Ильич Ленин» Надежда Константиновна написала по просьбе ребят.

Надежда Константиновна очень беспокоилась, какими растут дети в Советской стране. Готовятся ли они стать настоящими ленинцами?

Вот почему таким великим делом считала она пионерскую организацию, где ребята научатся быть коллективистами, думать о других, об общем деле. Себя Надежда Константиновна всегда считала партприкрепленной от ЦК партии к пионерскому движению.

Мы слушали рассказы ребят, вместе с ними переходили от витрины к витрине, от стенда к стенду, рассматривали пожелтевшие брошюры, фотографии, самодельные карты.

Теперь вам ясно, что мы находились в Музее Н. К. Крупской. Нашими экскурсоводами были ребята из Бауманского Дома пионеров. Десять лет назад бауманцы вместе со своим руководителем В. Г. Лариной отправились в первую экспедицию.

Побывали в Шушенском и Уфе, Калинине и Киеве, Гродно и Угличе. В Польше прошли по ленинской тропе в Татрах, в Гроеце нашли дом, где жила Надежда Константиновна с родителями, были в Варшаве, Поронине, Кракове. И шаг за шагом открывали для себя прекрасный образ Надежды Константиновны — страстной революционерки, соратницы Ленина. Вот почему мы сегодня и предоставили этим ребятам свои страницы.

★

А. ЯБЛОКОВ

Мы — лавинщики

Фото автора.

Рисунки П. БАГИНА.

Лавины поднимают
Свои седые, ветровые лапы...

В. ЛУГОВСКОЙ.

В клубящейся жгучей поземке сквозь ледяной ветер летит по горной дороге мотоцикл. В мотоцикле трое. Широкие очки закрывают почти все лицо водителя, видны только сжатые жесткие губы. Большие широкие руки — и как только налезли на них краги! — крепко сжимают руль. «Уши» теплой меховой шапки не опущены — знай наших! Это Виктор Сокол, начальник высокогорной снеголавинной станции Итагар. Рядом с ним, вернее, за ним — Володя Тынянов, старший техник-лавинщик. А давно не бритая мрачная личность в коляске — это я, автор, инженер станции.

В нашем путешествии нет ничего необычного. Просто мы объезжаем свой участок. Тридцать пять километров. Туда и обратно — семьдесят. При нормальной скорости это расстояние можно проехать часа за полтора. Но с Соколом мы давно забыли понятие «нормальная скорость». Вернее, сама норма у него оказалась несколько иной. И когда я в отпуске поднялся на борт «ТУ-104» и сквозь круглый иллюминатор увидел, как рванулась под колеса серая полоса бетона, а затем и весь мир, — я сразу вспомнил наш мотоцикл. Вещи, как и домашние животные, привыкают к своему хозяину. И мне кажется, что наш зеленовато-голубой

«Урал» уже давно разучился тихо ездить. Характер у него теперь, как у истребителя с вертикальным взлетом.

❄

Дорога наша продолжает известный Памирский тракт Хорог—Ош, наискось рассекая хребты Тянь-Шаня. Четыре снеголавинные станции охраняют дорогу от снежных обвалов. Две с севера и юга, третья стоит на перевале Ала-Бель, и четвертая, наша,— на дне долины реки Чичкан. Мы всех ниже — всего две тысячи метров над уровнем моря, а остальные три — выше трех тысяч. Но зато мы самые дальние — 243 километра от Фрунзе, у нас самый длинный участок, самое большое количество лавин, самые большие лавины, самые трудные прогнозы лавин и еще много всего самого-самого... Одно имя чего стоит — Итагар! Звучит красиво, романтично, солидно! Если не вспоминать, конечно, что по-киргизски это значит Утонувшая Собака. Так что мы — итагарцы.

❄

А мотоцикл все мчится. Проносятся мимо темные скалы, высокие ели, согнутый снежными «шапками» кустарник, встречные машины (нас-то, конечно, никто не обгонит) обдают нас снежными вихрями.

Каждые пять дней мы объезжаем свои владения, осматриваем и описываем распределение снега на склонах, его высоту, характер, места скопления, изучаем на отдельных площадках его свойства. А свойств разных у снега немало: тут и структура, и температура, и плотность, и силы сопротивления разрыву. Мы бы добавили сюда коварство, хитрость, строптивость, упрямство, все то, за что один из известных лавинщиков назвал снег даже не волком в овечьей шкуре, а тигром в шкуре ягненка. Вот с этим тигро-ягненком мы и имеем дело.

Наше техническое оснащение, к счастью и к сожалению, несложно. К счастью потому, что легче его осваивать, удобнее работать, реже поломки, проще ремонт, дешевле и надежнее приборы. А к сожалению потому, что приборы далеко не всегда так точны, как того требует современная наука, тяжелы, порой нескладны, требуют однообразного ручного труда. Но ведь наш прибор должен быть легок, чтобы с ним без особого труда можно было карабкаться по заснеженным склонам, должен не бояться тряски и ударов, если вместе с хозяином свалится с кручи, не бояться сырости, ибо снег — это вода, не бояться резкой смены температур. И, конечно, дешев. Смогут ли электроника и автоматика удовлетворить такие не слишком скромные требования? Утешает нас лишь то, что многие главнейшие законы природы были открыты самыми примитивными приборами. Поэтому да здравствуют яблоко Ньютона и ванна Архимеда! И какой простор для собственной изобретательности!

Каждые два-три дня мы получаем из управления по радио прогноз погоды. Из двух слагаемых — состояния снега и ожидаемой пого-

Лавина — это всегда чудовищный снежный поток, то сухой, пылевидный, как вверху, то тяжелый, из плотного старого снега.

ды — определяем возможность появления лавин. Решения сообщаем по радио в управление и по телефону — дорожникам. В случае лавинной опасности движение по дороге прекращается. С лавинами не шутят.

...Мотоцикл вздрагивает и, протестующе взвизгнув тормозами, останавливается. Я с трудом вылезаю из коляски, поднимаю тяжелый артиллерийский бинокль, подношу к глазам.

Перед нами очередной лавиносбор — громадный овраг с крутыми скалистыми склонами. В один далеко не прекрасный день срывается целый склон, а то и все склоны, кипящий снежный поток с грохотом проносится по дну лавиносбора и обрушивается на дорогу.

Я веду биноклем по склонам. Есть! В круге появляется нечто похожее на воткнутую в снег гребенку с выщербленными зубцами. Только высота гребенки метра три. Это наши дистанционные рейки, по которым мы определяем зимой высоту снега в недоступных местах, откуда срываются лавины. Делений даже в бинокль на таком расстоянии не различишь, поэтому мы прибиваем через каждые полметра поперечины различной величины. Наблюдать-то нетрудно, но каково нам было затаскивать на себе эти «гребенки» куда-то под самое небо. Но кто же их еще будет ставить, кроме нас, лавинщиков, знающих точно, где и как должна быть установлена каждая рейка? Ежегодно мы ставим десятки реек, и ежегодно лавины «выпалывают» половину из них.

❄

Снег... Обычный, знакомый всем, белый, пушистый, холодный снежок.

Белый? Присмотритесь! Снег — зеркало, отражающее не форму, а цвет. Удивительно, как сильно освещенность и окраска неба изменяют цвет снега. Днем в ясный зимний полдень он белый, искрящийся, с чуть заметным фиолетовым оттенком и глубокими синими тенями. Облака несколько притушевывают его сияние, осветляя тени. На закате снег окрашивается в багрянец, а позднее, на грани вечера и ночи, становится лиловато-пепельным. Лунный свет делает его зеленоватым, в тени — мутно-лиловым.

Утром снег сияет розовым и золотым, а непогода отражается в нем унылой желтизной. Бывают и другие краски. Как-то в экспедиции в дебрях Западного Тянь-Шаня я шел по дну долины, заваленному плотным слоем глубокого снега. Поверхность снега имела какой-то странный, красновато-синий оттенок, а обувь оставляла на нем ярко-оранжевые, почти красные следы. Даже резиновые подошвы кед стали оранжево-красными. Потом специалисты мне объяснили, что снег был окрашен бактериями, выбравшими для своего местожительства такую, казалось бы, неподходящую среду.

...Пушистый? Тоже далеко не всегда — всего несколько дней или даже часов после снегопада. На земле снежинка попадает в новые условия — тут иная температура, влажность. В тес-

ноте сугроба лучики у нее ломаются, углы округляются, и через неделю это уже довольно плотная масса ледяных кристалликов, совсем не похожих на звездочки.

Весной тающий снег похож на прозрачную перловую кашу.

В некоторых случаях, особенно в горах, снег превращается в тонкие и хрупкие ледяные частички, образующие целые гирлянды внутри снежного пласта, так называемую глубинную изморозь. Во время снегопада иногда вместо звездочек выпадают снежные иглы, призмы или шарики — снежная крупа, дробно барабанящая по крыше, или большие хлопья, плавно опускающиеся на землю. Не зря существует столько лыжных мазей! Путь по разному снегу различается не меньше, чем путь по песку и путь по асфальту. Ведь одних только форм снежинок насчитывается более тридцати тысяч!

Снег холодный? Если вам приходилось в ясный мартовский день бродить на лыжах в горах, вы, конечно, заметили, что от снега словно «пышет жаром». Берете в руку — обыкновенный снег с температурой, как и положено, отрицательной. Обман чувств? Нет. Поверхность снега может отражать более девяноста процентов падающих на нее солнечных лучей, в том числе и тепловые, инфракрасные. Это отраженное тепло и создает иллюзию «горячего снега».

О снеге можно рассказывать бесконечно.

Необычайно разнообразны формы его поверхности. То это мелкая рябь, словно подернутое ветром озеро, то барханы, то причудливо вырезанные ветром заструги, то своеобразные «чаши вытаивания» или даже «кающиеся снега» (а снегу есть, в чем каяться).

Для изучения простого, всем известного и в то же время удивительного и загадочного снега потребуются еще десятки лет. Романтики, мечтающие об открытиях! Вот оно, неведомое, тихо село белой звездочкой на ваш рукав.

*

Снова остановка. Наш «Урал» фыркает, словно горячий конь. Да и действительно, от цилиндров веет жаром. Ну, пусть отдохнет, остынет.

На этот раз рейки отмечает Сокол, а мы с Володей по снежной целине лезем на склон, где виден небольшой шурф в снегу — квадратная ямка примерно метра два на два. Здесь мы каждые десять дней наблюдаем за характером снега. Достаем приборы, погружаем в снег термометры. Я вынимаю увеличительное стекло с делениями, ложусь на бок, чтобы лучше рассмотреть структуру снега. Десятилетний опыт позволяет читать белую стену шурфа, как книгу. А Володя уже возится с динамометром, тянет им различные рамки, скобы, взвешивает снег плотномером.

— Сан Саныч! — не оборачиваясь, обращается он ко мне.— А зачем столько лавинных станций? Ведь можно в одном каком-нибудь месте снег изучать.

— Ну, лавинных станций не так уж и много, десятка полтора на всю нашу страну. А снег везде разный. Тут влияет и рельеф, и высота, и климат. Вот я на Западном Тянь-Шане зимовал, так там снег может достигать двух метров, и его трактором не сдвинешь. А здесь чуть больше полметра, так и смотри в оба. А почему? Там снег слежавшийся, монолитный, плотный, как мрамор, а здесь у нас везде в самом нижнем слое снега глубинная изморозь. Кристаллы у нее рыхлые, хрупкие, чуть что — и пошла, красавица.

Володя кивает и вновь наклоняется к приборам, заполняя графы полевой книжки колонками цифр.

*

Как-то наш верный «Урал» захандрил, Сокол с безнадежным лицом полез в его стальные потроха, и мы с Володей отправились на обход маршрута пешком.

Дорога была пустынной — по нашему прогнозу движение закрыли. Нам предстояло определить свойства снега в шурфе двенадцатого лавиносбора—в месте, которое мне не очень нравилось. Поднялись по склону. Володя достал лопату и стал раскапывать полузаметенный шурф. Я беспокойно огляделся. Как бы не... Внезапно от шурфа по всей поверхности снега пробежали глубокие извилистые трещины, снег с глухим гулом осел, зашевелился и, набирая скорость, пошел вниз. Все, что находилось выше нас по склону, сейчас катилось на нас закипающей, нарастающей волной.

— Держись! — испуганно рявкнул я.

— Держусь! — ответил откуда-то снизу Володя. Я рванулся в сторону, проехал вместе с лавиной и что было силы уцепился за торчащий из снега куст. Снег катился мимо. Я осмотрелся. Володя, собрав всю свою силу, пробовал было устоять боком против снежного потока, но был сбит с ног и вместе со снегом катился вниз, все более погружаясь в белое месиво. Как ему помочь?

Нас выручил кустарник, в котором завязла и остановилась лавина. Из снега торчала только Володина голова. Не то профессор Доуэль, не то жертва янычар. С большим трудом он выбрался из ловушки, попытался презрительно усмехнуться, но это ему не совсем удалось.

— Затягивает, черт ее возьми, как в болоте. Вроде и снегу-то немного.

Обрушилось всего кубометров полтораста. Но мы решили, что для нас этого более чем достаточно.

К вечеру дорожники прислали роторный снегоочиститель. Могучую машину трясло и качало от напряжения. Из трубы ротора на высоту трехэтажного дома летел снег. Но лавина становилась выше, шнеки вязли в плотном снегу.

Тогда взрывники закопали в снег четыре сорокакилограммовых мешка с аммонитом, соединили их детонирующим шнуром. Ну, держись, снег! Война так война!

Четыре белых фонтана, слившись в один, взметнулись в темнеющее небо. На пути ротора

зачернели глубокие воронки. И снова металл, движимый тремя сотнями лошадиных сил, вступил в борьбу со снегом.

А впереди были новые снегопады, новые метели, новые лавины.

❄

Объезд закончен. Теперь скорей на станцию, обработать материалы, получить метеопрогноз, построить графики, схемы, таблицы, просмотреть десятки страниц полевых книжек, сотни и сотни цифр, чтобы наконец отпечатать лавинный бюллетень, скрепленный подписями на-

Володя Тынянов, старший техник-лавинщик, пристально изучает склоны.

чальника станции и инженера, в котором четко и ясно будет сказано, когда и на каком участке ожидается сход лавин и насколько опасно это для дороги. Потом наше заключение прочтут в управлении Гидрометслужбы, в управлении дороги, в дорожно-эксплуатационном участке. А пока, круто развернувшись на месте, мы ложимся на обратный курс.

❄

Тому, кто имеет дело с лавинами, не привыкать к астрономическим цифрам их размеров. Однако и мы были ошеломлены, когда 15 марта 1968 года на 252-м километре дороги (от Фрунзе) в лавиносборе номер четырнадцать сошла лавина объемом более полутора миллионов кубометров.

Это была лавина другого класса, мокрая, и вызвал ее не снегопад, а необычно ранняя весна, очень ранние дожди, когда огромные массы снега, не успев растаять или даже осесть, были размыты и пропитаны талой и дождевой водой и, превратившись в мокрую, рыхлую массу, хлынули со склонов. Мокрые лавины обрушились во всех лавиносборах, но самая страшная была в четырнадцатом. Сходила она здесь не каждый год, последний раз такой гигантский снежный поток вырвался из этого ущелья пять лет назад. Но, как говорится, редко, да метко. Снег тронулся одновременно на двухстах пятидесяти гектарах. Трудно представить себе зрелище — сотни тысяч движущихся кубометров снега.

Длина остановившейся лавины — около двух километров, ширина — более полутораста метров (самая большая), максимальная глубина снега — около двадцати. На сто пятьдесят метров дорога была завалена снегом, высотой с трехэтажный дом. Лавина срезала четыре телефонных столба. Плотность мокрого снега доходила до 0,70 (плотность льда — 0,90), а там, где он был смешан с песком, глиной и камнями, была еще больше. И уж, конечно, ни грейдер, ни роторный снегоочиститель не могли справиться с этим страшилищем. Даже мощные бульдозеры, срочно присланные на место завала, остановились, словно в нерешительности, перед снежно-каменным хаосом.

И тогда снова за дело принялись взрывники. Полтонны, тонна, две тонны — взрывы потрясали воздух. И после каждого взрыва, словно танки за артподготовкой, двигались в атаку бульдозеры, расширяя и углубляя цепь воронок над засыпанной дорогой. А мы в это время обследовали верховья лавиносбора: не сорвутся ли оттуда случайно при взрыве оставшиеся на склонах снега? Но все, что только могло обрушиться, обрушилось.

Только через десять дней удалось пробить в лавине узкий и глубокий проезд, где проходила одна машина. Для этого передвинули более сорока тысяч кубометров снега почти бетонной твердости. Три процента всей лавины...

❄

Очередной объезд закончен. Подкатываем к нашей станции. Это стандартный каменный дом. В нем восемь комнат: радиостанция, кабинет, кухня и пять жилых. Рядом с домом сарай, гараж, баня, склад. Над крышей покачивается заиндевелое кружево антенн.

Не успел заглохнуть двигатель мотоцикла, как мы были окружены целой стаей разношерстных и разнокалиберных собак, постоянно обитающих на Итагаре. Убивать было жалко, прогоняли — они не уходили, не кормили — они находили пропитание на помойке. Мы махнули рукой — живите! И сейчас пестрый лохматый хоровод закружился вокруг нас.

Но в это время на крыльце с собачьей миской в руках появился Коля Жуков, самый молодой в лавинной группе, еще по-юношески худощавый и от этого, несмотря на немалый рост, кажущийся еще более высоким. Миг — и вся свора смешалась в разноцветный клубок шерсти. Наиболее нахальных приходится оттаскивать за «воротник». А сквозь окно зелеными глазами с брезгливым презрением глядит на эту суету станционная кошка.

Идиллия. И трудно представить, что несколько месяцев назад здесь, прямо возле дома, стояли, грозно задрав кверху стволы, гаубицы, тяжелые минометы. А впрочем, все по порядку.

❄

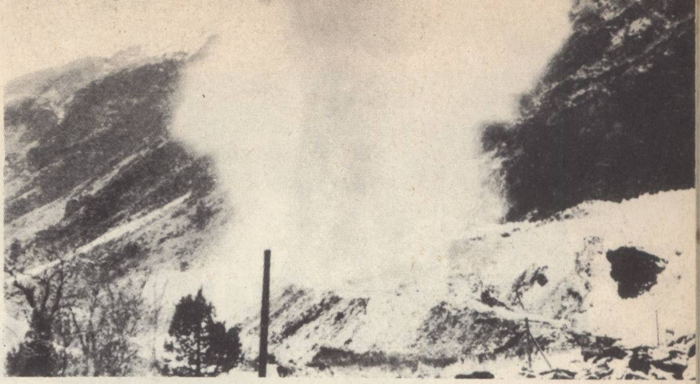
Как я уже где-то выше писал, в наши задачи входили не только лавинные прогнозы, но и практическая борьба с лавинами. Мы пытались сбрасывать лавины, взрывая у подножия лавиносборов по 700—800 килограммов взрывчатки, пока не убедились, что это пустая трата средств. Ударная воздушная волна затихает согласно кубу расстояния, а если лавиносбор длиной километра два-три да еще при этом извилист... В общем, на нашем участке подобная профилактика оказалась бесполезной, нужен был другой способ,— видимо, тот, который вот уже несколько лет применяли на комбинате Апатит, что в Хибинах, а именно — артобстрел склонов.

...Тяжелый длинноствольный миномет заряжался с казенной части, переламываясь, как ружье. Затем ствол вновь задирался к небу, окружающие отскакивали, зажимая уши или раскрывая рты. Рывок длинного спускового шнура — и тяжелый выстрел разрывал безмолвие гор. Проходило пять, десять секунд... И вот вдали на склоне возникал фонтан дыма и снега. Но первые мины вызвали только незначительную подвижку снега. Лавинщики, вооруженные фото- и киноаппаратурой, начинали с досадой посматривать на артиллеристов. Пятый выстрел. Снова долгий отсчет бесконечных секунд, далекий взрыв. И вдруг все увидели, как вокруг дымящейся воронки снег стал стремительно трескаться, двинулся вниз, пополз, поехал, помчался широкой рекой, окутываясь пылью, на мгновение исчез за поворотом. Я дрожащими руками крутил завод кинокамеры, не сводя ее с лавиносбора. Вот это кадры! Сзади щелкали затворы фотоаппаратов. И вот из-за поворота, клубясь, вырвалось огромное, круглое облако снежной пыли, плотное, ослепительно белое. Где-то в нем несся невидимый снежный поток. На широкой осыпи облако приостановилось, чуть осело и стало медленно рассеиваться, осыпая нас тонкими ледяными пылинками.

Минометчики замерли у своей боевой установки. Привыкшие к пустыне, они впервые видели такое. Несколько тысяч кубометров снега было обезврежено и мирно лежало теперь бугристой комковой грядой на дне ущелья. Отбой!

На следующий день минометчики отдыхали, а за тягачом, на котором мы мчались по нашей дороге, подпрыгивала и чуть переваливалась на неровностях пути тупорылая гаубица. Решено было обстрелять седьмой лавиносбор, небольшой, но в котором даже самая небольшая лавина обязательно перекрывала дорогу. Стреляли прямой наводкой с открытой огневой позиции (здорово это звучит!).

Снова резкие слова боевой команды: «Заряжай!», «Наводи!», «Огонь!» — и действительно, неяркое пламя на мгновение вместе с дымом вырывалось из дула, орудие дергалось, ствол стремительно откатывался назад, и резкий звук выстрела катился по долине Чичкана. Решено было ударить по скалистым склонам, сверху окаймлявшим лавиносбор. И после первого же

Взрывники расчищают дороги, а артиллеристы обстреливают и обезвреживают лавины, не допуская внезапного обвала.

выстрела со скал хлынули вниз белые каскады, рухнули на дорогу.

И снова, уже на других лавиносборах — «Огонь!». Звук выстрела тяжело бьет в уши. Но зато это настоящая борьба с лавинами. В общей сложности артиллеристы сбросили тогда более ста тысяч кубометров снега. Эх, если б каждой лавинной станции иметь у себя постоянно миномет, как в Хибинах! В опасный период за несколько часов мы обезвредили бы все лавиносборы, не нужно ни перекрывать движения, ни сообщать кому-то прогнозы.

Интересно, какой станет лавинная служба лет эдак через двадцать или тридцать, к концу нашего века? Наверное, на каждой лавинной станции будет несколько маленьких вертолетов, вооруженных мощными лазерами. И в случае лавинной опасности с вертолета мощным лучом лазера можно подрезать сверху, как ножом, весь опасный пласт снега. Может быть, вместе с лазерами появятся и другие приборы, например, мощные, направленного действия излучатели ультразвука, с помощью которых даже на расстоянии можно будет заставить задрожать и поползти по склону снежный пласт.

Раскатистая дробь крупнокалиберного пулемета заставляет вздрогнуть мою руку, дописывающую последние строчки. «Что за чертовщина?» — вскидываю я голову. Да это же наш «Урал». В окно я вижу, как невесть откуда появившийся дорожный мастер что-то быстро говорит Соколу, показывая на заснеженные склоны. Все ясно.

И снова в путь. ★

Провал операции „Хаос"

ПЕРЕДАЧА ВТОРАЯ

Десант был сброшен в 8.00. В районе станции Реболы появился диверсионно-разведывательный отряд (60 человек), в задачу которого входило взорвать водокачку, электростанцию и телефонную станцию.

В 10.00 о высадке вражеского десанта стало известно командиру батальона. Нельзя было терять ни минуты. Если враг сумеет осуществить свой зловещий замысел, жизнь города будет парализована. Город останется без воды и без света. Предприятия прекратят работу. Связь будет прервана.

Недаром же операция противника носила кодовое название «Хаос».

Три роты выслушали боевой приказ командира:

1. Не допустить уничтожения важных объектов.
2. Окружить диверсионно-разведывательный отряд и уничтожить его.

В 10.30 роты выступили на выполнение боевого задания.

Вы догадались, что речь идет о военно-спортивной игре «Зарница»? Она проходила недавно в Карелии, и участвовали в ней ребята из Ребольской средней школы.

Юнармейцы провели игру и прислали ее описание.

Прочтите их донесение, посмотрите, как батальон сумел в упорном бою обезвредить непрошеных пришельцев. А еще лучше, если вы подумаете, насколько правильно действовали юнармейцы, оцените тактику боя. И, может быть, сами проведете такую же игру.

Карту военных действий вы найдете на обложке журнала.

«...Итак, нельзя было тратить ни одной минуты. В 10.15 командиры всех трех рот уже знали свою боевую задачу. Первой роте предстояло выставить охранение у водокачки, второй — у телефонной станции, третьей — в районе электростанции. Основным силам разными маршрутами подойти к «Высоте-50» и вступить в бой с главными силами противника.

В 10.30 последовал сигнал красной ракеты, и роты начали выдвижение в район «Высоты-50».

Роты, преодолев минные поля, уничтожив засады, к 12.40 прибыли в район «Высоты-50».

В 12.45 комбат подал сигнал о наступлении. С криком «ура» автоматчики бросились в атаку.

В упорной схватке было «убито» 33 «диверсанта», 8 «ранено», 10 человек «взято в плен».

В 13.00 разведчиками юнармейцев был замечен катер, который спешил по Лекс-озеру на помощь «диверсантам». Батальон по приказу командира срочно выдвинулся к Лекс-озеру для отражения идущего на помощь «противника». Была поставлена задача уничтожить катер. Две гранаты попали в цель. (Катер размером 1,5×2 м, сделанный из фанеры, находился на удалении 30 м от берега.)

В то время, когда действия батальона были направлены на уничтожение главных сил «диверсантов», мелкие группы «противника» сумели незамеченными подойти к водокачке, электростанции и «уничтожить» их. При попытке «взорвать» телефонную станцию «диверсанты» были обнаружены часовыми и «захвачены в плен».

В ходе игры лучшими показали себя юнармейцы 7 «Б», 6 «А», 4-го классов. Первое место присуждено I роте, второе место—III роте, третье место—II роте.

В «боях» отличились юнармейцы: Захаров Сергей, Еркоев Коля, Марцуль Валера, Филиппов, Журко Таня, Гусева Наташа, Марков Саша и многие другие».

А ТЕПЕРЬ ПРОЧТИТЕ, ЧТО СКАЗАЛ ОБ ИГРЕ ГЛАВНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ «ЗАРНИЦЫ» ГЕНЕРАЛ-МАЙОР АРТИЛЛЕРИИ ЗАПАСА Г. С. ДЕСНИЦКИЙ.

Игра у вас, ребята, как видно, получилась интересная. Вы к ней серьезно подготовились: хорошо продумали тактическую задачу, удачно выбрали местность.

Это очень важно — правильно выбрать местность! Хорошо, если она окажется пересеченной: чем больше препятствий встретится на пути юнармейцев, тем легче проверить их закалку, ловкость и выносливость. Постарайтесь найти для игры место, неизвестное ребятам: на хорошо знакомой территории воевать легче.

Кстати, следите за тем, чтобы «район боевых действий» не шибко пострадал! А то в пылу боя недолго и посевы вытоптать и забор повалить или сломать дерево...

У вас была солидная «материальная база»: автоматы, гранаты, даже фанерная модель катера! Откуда у вас все это? Если смастерили сами, тогда молодцы!

Что же произошло у вас утром в день сражения?

В 10.30 три вооруженные роты выступили по направлению к «Высоте-50», захваченной «диверсантами».

К 12.40 прибыли в район высоты. В 12.45 комбат подал сигнал к наступлению. Юнармейцы бросились в атаку. Отряд «противника» был разбит, 33 «диверсанта» «убиты», 8 — «ранены», 10 — «взяты в плен». Казалось бы, блестящая победа!

Но так ли это?

Посмотрим, что произошло тем временем в других точках района боевых действий.

В вашем донесении сказано: «В то время, когда действия батальона были направлены на уничтожение главных сил «диверсантов», мелкие группы «противника» сумели незамеченными подойти к водокачке, электростанции и «уничтожить» их».

Постойте! Как же так? Что, по-вашему, важнее: «уничтожить» 40 «диверсантов» или сохранить для города жизненно важные объекты?

Тут вы совершили серьезную тактическую ошибку. Увлекшись «боем», «атакой», упустили из виду первую часть полученного вами приказа, где было ясно сказано: «Не допустить уничтожения важных объектов!» Объекты были уничтожены, и уничтожены до смешного маленькими группами «диверсантов». Нужно было усилить охрану объектов, тщательнее вести разведку. «Зарница» — это вам не казаки-разбойники! Недаром она называется военной спортивной игрой.

Придется поспорить и с тем, как вы оценили результаты игры.

„ЗДРАВСТВУЙ"

1.

2.

3.

1. Только что стало известно, что противник укрылся там, на холме. В это пока еще трудно поверить...
2. Последние минуты перед атакой. Напряжение ожидания.
3. Сигнал к наступлению подан. «Даешь высоту!»
4. Осторожно! — Зона возможного заражения.
5. В бою санитары рядом с солдатами — смелый, надежный, решительный народ.

4.

5.

Победителем оказалась у вас первая рота, за ней следует третья. Вспомните: первой роте было поручено охранять водокачку, третьей роте — электростанцию. Они не выполнили приказа. По их вине город остался без воды и без света. А вы признали их победителями! А вот второй роте, которая сберегла телефонную станцию, досталось последнее место! Справедливо ли это?

Разрабатывая условия игры, вы должны точно договориться о том, как будете оценивать действия отрядов в целом и каждого юнармейца в отдельности. Тут удобно вести счет на очки.

И еще насторожили меня в вашем донесении слова: «В упорной схватке было «убито» 33 «диверсанта».

Прежде всего, что это была за «упорная схватка»? Не драка ли? Или, может быть, свалка? И как вы определили, кто «убит», а кто «ранен»?

Я бы советовал вам вообще вычеркнуть из «Зарницы» слово «убит». К счастью, мы сейчас не воюем. Ведь против вас не враги, а ваши товарищи! Не надо их «убивать» даже на словах! А для того, чтобы определить, кого вывели из игры, есть простой способ: прикрепите к форме нарукавные значки или повязки. Если значок сорван,—значит, солдат выведен из строя.

Я хочу, чтобы мои советы помогли вам и другим юнармейцам в ваших будущих играх. Надеюсь, что все они будут смелыми, увлекательными и толковыми.

Главный консультант игры «Зарница»
генерал-майор артиллерии запаса
Г. С. ДЕСНИЦКИЙ.

Приказано: всем со всеми мириться!

Бойкот — это способ или не способ?

Сначала — обиделись, потом...

Все началось с конкурса революционной песни. Нет, началось гораздо раньше, но когда готовились к конкурсу, стало ясно, что мальчишки ни в чем не хотят принимать участия. Словно они не из 7 «Б», не из 28-й школы. Словно общие дела их не касаются.

Когда в классе сбор или собрание, например, к чему-нибудь готовятся, у мальчишек одна забота — удрать. И удирают. Портфели потихоньку снесут в коридор, а сами выйдут из класса, словно на минутку. Только их и видели!

Люся, командир отряда, становится в дверях: ловить мальчишек. Люся — девочка рослая, сильная. Она бы, пожалуй, справилась, да ведь охота была пускать в ход кулаки! Что ли она жандарм? Обидно...

Короче говоря, девчонкам надоело. У них лопнуло терпение. Так примерно к концу первой четверти. Между сбором металлолома, на который мальчишки не явились, и репетицией, с которой мальчишки сбежали.

Девчонки Решили Объявить Мальчишкам

Бойкот

Это страшное слово появилось утром на классной доске. Это не была шутка. Это не была угроза. Это было всерьез.

С этого дня девочки: больше не обращались к мальчикам за помощью, когда надо было собирать макулатуру или убирать класс.

(«Вот и хорошо!» — сказали мальчики); не звали их на сборы, спектакли, в походы.

(«Больно надо!» — сказали мальчики); не разговаривали с ними на переменах.

(«Подумаешь!» — сказали мальчики); и не подсказывали им на уроках.

(«Вот это нахальство!» — сказали мальчики).

Одним словом, девочки 7 «Б» делали вид, будто мальчиков 7 «Б» вовсе нет на свете.

Тем временем в 7 «Б» происходили интересные события.

Сначала был вечер, посвященный Юлиусу Фучику. В школу приехал лектор, рассказывал о Фучике. Девочки читали отрывки из книги «Репортаж с петлей на шее». Получился литературный концерт. Мальчики знали, конечно, что будет такой вечер. Но участвовать их не просили, прийти послушать не приглашали... Они обиделись — и не пошли.

Потом был конкурс на лучшее исполнение революционной песни. Надо было не просто спеть песню, а разыграть ее на сцене, как маленький спектакль. Участники выходили в костюмах, у каждого была своя роль.

На конкурс мальчики пришли, не выдержали. Они сидели в зрительном зале и до последней минуты надеялись, что их позовут на сцену. Но их не позвали. Девочки сами разучили их роли, переоделись в мальчишеские костюмы и отлично справились... Нет, честно говоря, справились они не отлично: им досталось только четвертое место. За то, что мальчики не участвовали в спектакле. А то, говорят судьи, 7 «Б» потянул бы на первое место. В крайнем случае на второе.

До сих пор в классе спорят, кто первый не выдержал бойкота: девочки говорят, что мальчики, мальчики говорят, что девочки. Вернее всего, и те и другие. Поняли, что пришла пора

Мириться

Тогда был объявлен сбор под названием «Разговор на совесть». Тут уж не пришлось Люсе дежурить в дверях: никто не рвался домой.

На сборе высказались все. Каждый должен был сказать, что он думает о бойкоте. Общее решение было такое:

1. **Всем со всеми помириться.**
2. **Всем все делать сообща.**
3. **Не воображать, не задирать нос друг перед другом.**
4. **Называть друг друга только по имени, а не по фамилии. Отменить клички и прозвища.**

Примечание: а кто кого обзовет кличкой или назовет по фамилии, пусть положит 5 копеек в общую копилку.

В классе началась новая жизнь. Все стали жутко вежливые, все со всеми здороваются, всем во всем помогают. Дни рождения всем классом справляют! В трудных делах мальчишки впереди. Как-то назначили сбор металлолома, а погода испортилась. Девочки испугались дождя, остались дома, а мальчишки пришли все до одного. Они справились. Все-таки мужчины!

Как-то старшая вожатая Галя заглянула в класс и говорит одному мальчику: «Послушай, Бульба!» Так сразу десять голосов напомнили ей: «Галя, его зовут Игорь!» Старшая вожатая уважала правила 7 «Б» и сказала как положено: «Извини меня, пожалуйста!»

Ребята говорят: «Так хорошо стало, в класс охота приходить!»

А почему?

Девочки считают, что помог бойкот.

Мальчики считают, что бойкот ни при чем. Что можно было заключить мир в классе как-нибудь иначе. Без бойкота. Ну, просто поговорить по-человечески. А то ведь девчонки сами обижаются, а сами как с ребятами разговаривали? Приказно! Как начальники. Не разговаривали — распоряжались. Тоже не каждый обрадуется...

Девочки говорят: ничего подобного. Мы с вами по-хорошему, а вы нас за людей не считали. Теперь, небось, посчитали...

Мальчики говорят: все равно, бойкот не способ. Хорошо у нас стало не из-за бойкота, а из-за нашего «разговора на совесть». Вот разговора дружного, начистоту нам действительно не хватало!

Девочки думают...

Кстати, а что ТЫ думаешь по этому поводу?

И что скажут ребята в ТВОЕМ классе?

Потому что я, например, не знаю, кто тут прав (кто виноват).

С. БОГАТЫРЕВА.

г. Воронеж.

В. КАВЕРИН

Летающий мальчик

СКАЗКА

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

«Летающие мальчики? Вздор!»

В газете «Немухинский голос» появилось объявление: «Для строительства воздушного замка требуются летающие мальчики».

Немухинцы прочитали его с удовольствием: это значило, без сомнения, что в городке будет строиться воздушный замок. Не поверил этому только Петька Воробьев, который случайно знал, что воздушный замок можно построить только в воображении. Потом он подумал о себе — летающий ли он мальчик? И решил, что едва ли. Впрочем, ему случалось летать во сне, и он решил, что в объявлении пропущены два слова: «Для строительства воздушного замка требуются мальчики, летающие во сне». Это было бы строго научно: мальчики, летающие во сне, приглашались построить замок в воображении. Но в редакции «Немухинского голоса» Петьке сказали, что он не годится. «Тут нужен не сон,— сказали ему,— а практический подход к делу».

На другой день это объявление повторилось по радио, с настоятельным предупреждением, что речь идет не о девочках, а именно о мальчиках, а еще через два-три дня в Немухин приехал корреспондент центральной газеты, которому поручили написать статью «Летающие мальчики? Странно!». Корреспондент обежал Немухин, заглянул на хлебный завод и застрял на футбольном матче между мухинцами и немухинцами, кончившемся вничью. Вернувшись в Москву, он написал две статьи. Одна называлась «Летающие мальчики? Вздор!». А в другой он упомянул, что у немухинцев, атаковавших ворота противника, положительно выросли крылья.

И объявление, хотя оно еще несколько раз повторилось по радио, стали забывать. Не за-

был его только Петька, который, никому в этом не признаваясь, непременно хотел стать космонавтом или по меньшей мере верхолазом.

Прямоугольный Смотритель

День был жаркий, и гонять по Немухину на велосипеде не хотелось, тем более что Петька и так не слезал с седла целое утро. Пожалуй, он погонял бы ворон, но на днях он узнал, что «гонять ворон» — это значит «бить баклуши». Весь Немухин бил баклуши в этот утомительный августовский день. Собаки сидели, высунув языки и скоро дыша, а люди плелись по Нескорой, отдуваясь и обмахиваясь газетой. Только из трубы хлебозавода валил дым. Но и дым валил как-то лениво.

Скучища! Можно было, правда, заглянуть к Таньке, но даже здесь, на дворе у Воробьевых, было слышно, как Танька пиликает на скрипке — она училась в музыкальной школе.

Оставалось только глазеть на забор, и Петька заметил, что если глядеть научно, то есть внимательно следя за собой, не уснешь, а ненаучно — уснешь. Однако уснуть не удалось, потому что через забор перелетела шляпа. Как будто выбирая, где приземлиться, она покружилась в воздухе и неторопливо уселась у Петькиных ног.

Шляпа была мягкая, велюровая, зеленая, с перышком, но мужская. Петька заметил все это сразу, потому что у него был натренированный взгляд. Но больше он ничего не успел заметить, потому что вслед за шляпой через забор перелетел нескладный, коротенький человек, с нескладными руками и ногами и ничего не выражающим прямоугольным лицом.

— Простите, если не ошибаюсь, вы тот известный мальчик, которого все зовут «Воробей с Сердцем Льва»? — спросил он, улыбаясь.

Петька отвечал, что иногда его действительно так называют, но это ошибка, потому что у него сердце как сердце.

— Сразу видно, что вы воплощенная скромность! Но скажите, пожалуйста, почему вы не удивились, увидев меня перелетающим через забор?

Петька сказал, что он не удивился потому, что еще в прошлом году дал себе слово ничему не удивляться. Насчет воплощенной скромности он промолчал.

Незнакомец снял плащ и оказался в поношенном зеленом мундире с высоким воротником и в узких брюках с зеленым же кантом.

— Между прочим, я летаю потому, что я из Летандии. Есть, вы знаете, такой островок. Не Исландия, не Лапландия, а именно Летандия. В географии говорится, что это остров ветряных мельниц и парусных лодок. Вздор! Это остров неслыханной красоты, парусных лодок и ветряных мельниц. Более того, это остров, на котором постоянно слышится музыка. Ветер играет на эоловой арфе.

Петька не удивился, что ветер умеет играть. Но насчет эоловой арфы он все-таки спросил, потому что был почти уверен в том, что никто не знает, что такое эолова арфа.

— Музыкальный инструмент, на котором может играть только ветер! И когда он играет, все приходит в движение: крылья ветряных мельниц начинают кружиться, а цветные паруса на лодках надуваются и трепещут.

— А в Летандии все умеют летать? — спросил Петька.— Или только начальство?

— Почти все. Летают по делам, иногда в гости. А под парусами ходят для отдыха, для развлечения. Вообще жизнь веселая, необыкновенная. Каждый год устраиваются, например, маскарады. Все переодеваются, ходят в масках, играют, танцуют, поют.

Он говорил, улыбаясь, но глаза оставались неподвижными на прямоугольном, ничего не выражавшем лице.

— Значит, если бы мне удалось попасть в Летандию, я бы тоже научился летать?

— Без сомнения. Но прежде надо было бы, пожалуй, взять два-три урока.

Можно было подумать, что нет ничего проще, как найти в Немухине человека, который научил бы Петьку летать.

— Жаль, что у меня нет времени. Я, понимаешь, Смотритель Маяка и не могу отлучиться надолго. Маяк в Летандии старинный, на керосине, и каждые три-четыре часа керосин приходится подливать. Но тут у вас живет один мальчик, который, пожалуй, может тебя научить, потому что сам он летает прекрасно.

— А где он живет?

— Вот этого-то я как раз и не знаю,— сказал Смотритель Маяка.— Но, может быть, тебе удастся его найти? Его зовут Леон Караскин, а по-русски, я думаю, просто Леня Караскин. Только не говори ему, пожалуйста, что его разыскивал Смотритель Маяка из Летандии. Отношения у нас превосходные, но на всякий случай лучше не говорить. А когда ты его найдешь, пожалуйста, напиши мне открыточку: «Летандия. Смотрителю Маяка. Нашел. Воробей с Сердцем Льва». Или даже просто: «Воробей». Я догадаюсь.

— Ну, что ж,— сказал Петька,— попробуем.

Незнакомец поднял шляпу и задумчиво повертел ее в руках.

— Я бы принял тебя в Летандии, как самого дорогого гостя.— Он засмеялся, а потом вздохнул, и Петька сделал наблюдение, что он смеется, когда нет ничего смешного, и вздыхает, когда для этого нет никаких оснований.— Я устроил бы в твою честь маскарад. Самый большой колокол на площади Розы Ветров встретил бы тебя торжественным звоном. Я зажег бы для тебя самый сильный тройной маячный огонь — белый переходил бы в красный, а красный — в изумрудно-зеленый. Ты опустился бы под эскортом семнадцати девочек из самых знатных семей, и сам Господин Главный

Ветер принял бы тебя в своем дворце, конечно, если бы у него оказалось время.

— Ну, что вы,— сказал польщенный Петька.— Зачем же такой шурум-бурум? Как вы говорите? Леня Караскин? Ладно, попробуем. А теперь покажите, пожалуйста, как это у вас получается? Крыльев у вас ведь, кажется, нету?

Незнакомец застегнул плащ, надел шляпу и протянул Петьке руку. Рука у него была тоже прямоугольная, и, когда он плавно поднялся в воздух и скрылся за пожарной каланчой, которую немухинцы давно решили переделать в телевизионную башню, Петька решил, что он похож на летающие пифагоровы штаны,— теорема, которую на днях он с блеском доказал на уроке геометрии, получив первую и единственную в его жизни пятерку.

Леня Караскин

Во всех школах всех Воробьевых зовут просто Воробьями. Что касается Петькиного прозвища, оно как раз не очень подходило к нему, потому что он, как это ни грустно, был трусоват. Но, с другой стороны, он был храбро трусоват, потому что однажды, собравшись с духом, пошел к Старому Трубочному Мастеру, умнейшему человеку, с которым иногда советовался сам Президент Столичной Палаты Мер и Весов.

Старик молча выслушал его, хлопнул по плечу и сказал:

— Трус никогда не сознался бы в том, что он трус. Ты не трус, а Воробей с Сердцем Льва. Ясно?

В тот же день Петька прыгнул в Немухинку с вышки, на которую еще вчера даже боялся смотреть. Сердце Льва ушло у него при этом в пятки. На школьном дворе он подрался с семиклассником, который был выше его на голову и вдвое сильнее, а в воскресенье на глазах у Тани Заботкиной спрыгнул, держа зонтик в руках, с крыши сарая. Зонтик, к счастью, остался цел.

Кстати сказать, он спрыгнул как бы между прочим — вертел, вертел зонтик в руках, а потом раз — и спрыгнул! Но на самом деле это было сделано потому, что ему хотелось, чтобы Таня больше не сомневалась в том, что у него львиное сердце.

Короче говоря, совершенно ясно, почему едва только Смотритель Маяка растаял в воздухе за пожарной каланчой, Петька со всех ног побежал к Тане Заботкиной.

— А в Летандии все умеют летать? — спросил Петька.

Она еще играла — пришлось подождать. Потом пришлось еще подождать, пока она укладывала скрипку в футляр, а ноты в нотную папку. Таня была очень аккуратная и не умела, как Петька, делать два или даже три дела сразу. Но вот он дождался наконец и выпалил все сразу: Смотритель Маяка, Летандия, эолова арфа, Леня Караскин. Она слушала его, устроившись в кресле с ногами, и была такая хорошенькая, что Петьке снова захотелось спрыгнуть ради нее с крыши сарая.

Потом она подумала и сказала:

— Реникса.

Это было ее любимое слово. Оно означало: «чепуха». И действительно, если прочитать «чепуха» по-английски или даже, на худой конец, по-французски, получалось «реникса». Но насчет эоловой арфы она призадумалась. Дело в том, что ни в одном городе Советского Союза по ночам никогда не бы-

вает так тихо, как в Немухине. Это объясняется тем, что вежливые немухинские собаки очень уважают своих хозяев и, чтобы не разбудить их, лают шепотом, а громко только с восьми утра, когда пора идти на работу. Тут уж они, конечно, отыгрываются за ночь!

Электричка тоже старается не очень шуметь. С колесами, понятно, ничего не поделаешь, но гудит она осторожно, негромко.

И вот в этой особенной, прославившей Немухин тишине Таня, просыпаясь иногда среди ночи, слышала какие-то странные, особенные, удивительно нежные звуки. Кто-то перебирал струны, но так легко, как будто не касался их пальцами, а просто дул на них то сильно, то слабо.

Известно, что каждый предмет отбрасывает тени. «Это — тени звуков, но не дневные,— думала Таня,— а ночные, лунные, то мягкие, то отчетливо резкие, точно на струны дул добрый человек, который иногда скучал или сердился».

Она рассказала об этом Пете.

— Может быть, кто-нибудь в Немухине играет на эоловой арфе?

С девчонками лучше не спорить, но немухинец, играющий, как ветер, на эоловой арфе,— это была, конечно, реникса, и Петька вместо ответа только подумал, что Таня заважничала, поступив в музыкальную школу.

— А ты не можешь разбудить меня, когда услышишь эти странные звуки? — попросил он.

Таня засмеялась. Она прекрасно знала, что Петьку можно разбудить, только окатив его ведром холодной воды. Тогда он просыпался с криком «Убью!», что было невежливо и опасно. Но все же они условились: ведро с водой он обещал каждый вечер ставить подле сеновала — он спал на сеновале,— а вместо «Убью!» кричать «Зашибу!», что было все-таки не так опасно.

Прошла неделя, другая. Дни были еще жаркие, а ночи прохладные, и в городе наступила такая тишина, что было слышно, как рвется под легким ветерком первая сентябрьская паутинка. И вот в такую-то бесшумную ночь Таня, проснувшись, услышала... Трудно объяснить, что она услышала, потому что это были не звуки, а как бы позабытые и вдруг вспомнившиеся впечатления, незаметно переходившие одно в другое.

И хотя Таня условилась разбудить Петьку, она полежала еще немного, вспоминая, как трепещут листья осины, как зеленая, поблескивающая лиственная дымка окружает березу и как ровно, важно и плоско качаются на своих длинных черенках молодые кленовые листья.

Потом эти звуки стали влажными, точно по дороге к ней они окунулись в речку, и Таня вспомнила, как, купаясь поздним вечером, она проплыла вдоль серебряной дорожки, которую по Немухинке проложила луна.

Но потом пришлось все-таки встать и, пройдя босиком на цыпочках через комнату, в которой еле слышно похрапывала мама, спуститься на Нескорую.

Она жила в начале этой улицы, а Петька — в конце. Ведро с холодной водой стояло, как было условлено, у сеновала, и она, недолго думая, выкатила его на Петьку.

Интересно, что на этот раз Петька мог обойтись и без холодной воды: он не спал, зачитался. На сеновале было строго запрещено зажигать огонь, и он читал при свете карманного фонарика очень интересную книгу, которую, как сказала ему библиотекарша, ему полагалось прочитать через три или даже четыре года. Впрочем, он не очень огорчился, получив неожиданный холодный душ, во-первых, потому, что его окатила Таня, а во-вторых, потому, что на книгу не попало ни капли. Он только встряхнулся, как собака, и спросил:

— Бежим?

Они вышли на Нескорую и побежали. Таня знала, куда они бегут. Что касается Петьки... «Ага, слышу!» — говорил он, когда где-нибудь во дворе шепотом тявкала собака. «Давай, давай»,— говорил он, когда Таня вдруг поворачивала то направо, то налево. В конце концов они остановились у домика, принадлежавшего тому самому Трубочному Мастеру, который назвал Петьку Воробьем с Сердцем Льва. Тут уже даже Петька, не умевший отличить музыкальной ноты от удара палкой по забору, услышал мелодию, которую невидимый музыкант играл на невидимом инструменте. Правда, она не напомнила ему ни серебряной дорожки на Немухинке, ни плавного раскачивания кленовых листьев. Пожалуй, так мог бы скулить в клетушке щенок. Но щенок едва ли был способен на такие сложные — как сказала Таня — пассажи. Калитка была гостеприимно приоткрыта, они вошли крадучись. На дворе спали куры, зарывшись в песок. Собаки не было, но котенок, сидевший у крыльца, промяукал вопросительно и даже с оттенком угрозы. Они обошли дом и, подняв головы, увидели чердачное окно, в котором смутно белело что-то худенькое, мигом исчезнувшее — это был худенький мальчик в белой рубашке, который, увидев Таню и Петьку, как-то странно, болезненно вскрикнул. Но еще более странным было то, что на чердачном окне, которое открывалось наружу, были натянуты струны. Стекло было выбито или выставлено, и струны, тени которых сломились под углом на стене, еще дрожали, как будто их только что касалась чья-то рука.

Впоследствии, когда Петька изучил Всемирную историю, он установил, что на земном шаре действительно существует инструмент, называемый эолова арфа.

Это обыкновенный деревянный ящик, в котором натянуты струны — от 8 до 12. Его вешают на дерево, как скворечник, и ветер играет на нем, когда ему больше нечего делать. Эол, оказывается, был повелителем ветров, отцом шести сыновей и стольких же дочерей, которые вели полную веселья жизнь в царском дворце.

Так или иначе, это было давно и, по-видимому, не имело никакого отношения к худенькому мальчику, который — это было видно с первого взгляда — вел в доме Трубочного Мастера очень скромную жизнь.

Мальчик выглянул из окошка, спрятался, но когда Таня ласково спросила: «Скажи, пожалуйста, как называется твой удивительный инструмент?» — снова выглянул и долго молча смотрел на нее большими испуганными глазами.

Возможно, что, если бы Петька, который мысленно уже видел себя в Летандии, спросил: «А ты случайно не Леня Караскин?» — он даже не вышел бы к ним. Но Петька удержался, не спросил, и мальчик как-то незаметно оказался подле них на дворе, такой худенький, с острым носиком, с грустным, падавшим на глаза беленьким хохолком и в таких залатанных штанах, что Тане захотелось заплакать.

Сразу стало ясно, что с ним надо говорить очень вежливо, может быть, даже на «вы». Но, чтобы он не обиделся, Таня все-таки обратилась к нему на «ты».

— Дело в том, что я учусь в музыкальной школе,— сказала она.— Но среди множества инструментов, на которых играют мои коллеги, я не видела ни одного, который напоминал бы твое окошко.

Она нарочно сказала «коллеги», а не ребята, потому что ей было интересно, знает ли этот мальчик такое интересное иностранное слово.

— О, в этом нет ничего поражающего слух или воображение,— тихо ответил мальчик.— И ваши уважаемые преподаватели и коллеги, без сомнения, лишь улыбнулись бы, увидев чердачное окно, на которое я от скуки натянул струны.

«Ого!» — подумала Таня. А Петька, который любил короткие энергичные фразы, подумал сперва: «Эк его!»,— а потом с уважением: «Лихо!»

— Но играть так искусно от скуки, мне кажется, почти невозможно?

Мальчик вздохнул.

— Играет ветер,— сказал он.— А я ему аккомпанирую. В той стране, откуда я прилетел, почти в каждом чердачном окне натянуты струны. Мне захотелось поступить точно так же потому, что я очень скучаю по своей стране, хотя в то же время я, к сожалению, ее от души ненавижу.

Это был такой вежливый разговор, что Петька, конечно, молчал как рыба. Но в том, что сказал Леня Караскин (Петька не сомневался в том, что это был именно он), Петька заметил противоречие, которое все-таки заставило его открыть рот.

— Как же ты можешь скучать по стране, которую ты ненавидишь? — спросил он.

Мальчик снова вздохнул, и на этот раз так глубоко, что одна из струн эоловой арфы ответила ему еле слышным звоном.

— Я родился в Летандии,— начал он.— Это

Подняв головы, они увидели в чердачном окне худенького мальчика в белой рубашке.

остров, о котором в любой географии можно прочесть, что он ничем не напоминает ни Исландию, ни Лапландию. Но нигде не указано, что жители острова умеют летать. Казалось бы, что может быть веселее, чем летать? Однако эта редкая способность уже почти никому не нужна. Летают до крайности редко, да и то по делам.

Очевидно, это было принято в Летандии — говорить так вежливо и длинно, точно читая по книжке. Но Петьку заинтересовало другое.

— Так Летандия — крепость? — спросил он.

— О да! Весь остров — крепость, в которую можно проникнуть только по мосту, висящему на железных цепях. Везде камень, куда ни бросишь взгляд,— с отвращением сказал худенький мальчик.— В гавани — парусные лодки, с которых ветер давно сорвал паруса. Ветряные мельницы не машут крыльями, даже когда начинается шторм. А Маяк! У меня нет ни отца, ни матери. Смотритель Маяка взял меня к себе на воспитание, а это человек, который всю жизнь провел в полном одиночестве, доказывая самому себе, что люди не нужны друг другу и что я, например, нужен только для того, чтобы подливать керосин в маячную лампу. Подумайте, не торопясь, и скажите, что может быть страшнее? Каждое утро он говорил мне: «Поступай сообразно своим обязанностям». После обеда: «Никогда не обнаруживай своих чувств». А вечером: «Нет ничего надежнее пря-

мого угла». Короче говоря, я просто умер бы от меланхолии, если бы однажды не собрался с силами, вспомнив, что я умею летать.

— И улетел?

— Улетел!

— Вот это да! — сказал с восторгом Петька.

Они разговаривали бы до утра, если бы Старый Трубочный Мастер, который просыпался раньше всех в Немухине, не вышел на крыльцо, протирая глаза. Он только сказал:

— Кыш!

И они разлетелись.

Стоит подумать

Таня с утра ушла в свою музыкальную школу, а Петька — в свою немузыкальную, из которой он после третьего урока удрал. Две Летандии представились — как сказал бы Леня Караскин — его воображению. Та, которую нарисовал Смотритель Маяка, нарядная, веселая. Маскарады, ветряные мельницы, лодки под цветными парусами. Главный Ветер, который принимает его как видного представителя города Немухина, и, наконец, эскорт — семнадцать летающих девочек из самых знатных семей. Заглянув в словарь иностранных слов, Петька, кстати сказать, выяснил, что эскорт означал «конвой» или «прикрытие». Но все равно приятно было опуститься на площадь Розы Ветров под конвоем семнадцати девочек из знатных семей.

Но была, оказывается, еще и другая Летандия, в которой все умеют, но никому неохота летать. Скучная, заброшенная крепость, построенная пятьсот или шестьсот лет назад, где нет ни радио, ни стадиона и где парусные лодки пришвартованы в гавани на вечной стоянке. О стадионе он специально спросил у Лени.

Словом, сравнивая одну Летандию с другой, Петька подумал о том, что слетать туда все-таки интересно. Но как? В первом разговоре он не решился попросить Леню дать ему два-три урока. Через несколько дней он снова отправился к Лене, и тут состоялся очень важный женско-мужской разговор, потому что вдвоем они говорили минут пять, а потом к ним присоединилась Таня.

— Значит, ты улетел потому, что тебе стало скучно? — спросила она.

— О, да. Ведь скука бывает разная: легкая, тяжелая. У меня она была смертная. Я чувствовал, что скоро умру, а что может быть скучнее, чем умереть от скуки. Но была и другая, не менее серьезная причина. Я перестал поступать, соображаясь со своими обязанностями, а Смотритель, соображаясь со своими, стал меня бить. И кончилось тем, что, собравшись с силами, я сказал ему, что он коварен, отвратительно прямоуголен, жесток и заслуживает сурового наказания за жестокое обращение с детьми.

— А он? — спросили в один голос Таня и Петя.

— Он на трое суток запер меня наедине с маячной лампой, и я не задохнулся от запаха керосина только потому, что в Летандии очень плохой керосин. Почти все керосинщики — лицемеры, подливающие в керосин много воды. Я зажег тройной проблесковый огонь, чтобы все корабли, приближаясь к Летандии, далеко обходили эту скучную крепость. Потом я немного поплакал, написал на стене Маяка: «Прости» — и улетел.

С точки зрения Петьки, мальчишка, который сознается в том, что он плакал, — это уже не мальчишка. Но Таня, по-видимому, поняла Леню совершенно иначе.

— Конечно, трудно расстаться с родиной, какова бы там она ни была, — мягко сказала она. — И ты действительно надеешься, что он может тебя простить?

«Как бы не так!» — подумал Петька, вспомнив коротенькую злобную фигуру Смотрителя с его ничего не выражавшим лицом.

— Нет, это было обыкновенной вежливостью, — ответил Леня. — Просто в Летандии вместо «прощай» говорят «прости».

— Ну, братцы, значит, так, — сказал Петька, которому не терпелось научиться летать. — Что же мы, товарищи, будем делать?

Конечно, прежде всего надо было сказать Лене, кто поместил в «Немухинском голосе» странное объявление о строительстве воздушного замка. Кто вслед за шляпой перелетел через забор к Воробьевым? Кто подъезжал к Петьке, приглашая его в Летандию, если он найдет мальчика, умеющего летать? Но так прямо и выложить все это худенькому, вежливому, нервному Лене?

Заранее было условлено, что начнет Таня — сперва что-нибудь о воздухе вообще или о воздушном опылении, которое они недавно проходили по ботанике. Потом, что между Мухиным и Немухиным, говорят, скоро начнут ходить вертолеты. Потом... Словом, все было бы в порядке, если бы Петька вдруг не заговорил о книге — той самой, которую, по мнению библиотекарши, он должен был прочитать через три или четыре года.

— Я ее даже захватил с собой, но не всю, потому что она очень толстая. Называется «Война и мир». Там две девчонки сперва разговаривают о том, какая чудная ночь, а потом одна садится на корточки и подхватывает себя под коленки. Причем совершенно ясно, — сказал он по слогам, — что она р а с с ч и т ы в а е т в з л е т е т ь.

Таня нахмурилась, и Петька догадался, что забежал вперед, хотя был убежден, что девчонка из «Войны и мира» была, в общем, на верном пути.

— А ведь, правда, это вышло удачно, что мы нашли тебя по эоловой арфе? — мягко заметила Таня. — Но, с другой стороны, ты ведь все-таки иностранец? Может быть, в Летандии недовольны тем, что ты улетел?

Леня погрустнел.

— Да. Но ведь я почти ничем не отличаюсь от других обыкновенных немухинских мальчиков, правда? Старый Трубочный Мастер устроил меня в школу, и, в общем, я хорошо учусь, хотя некоторые учителя утверждают, что я говорю слишком сложно. Учитель литературы, например, заметил однажды, что так говорят в шестьдесят с лишним лет. Но, вы знаете, это просто потому, что я постарел очень рано. Пройдет! Я, например, уже научился говорить, как другие: «Вот это да!» или: «А мне до лампочки!» Хотя совершенно не понимал, что это значит.

Он вздохнул.

— Конечно, труднее всего не скучать по Ле-

Потом я немного поплакал, написал на стене Маяка: «Прости» — и улетел.

тандии, которую я ненавижу. Но я не хочу ни за что возвращаться! И вас я прошу, если вы считаете меня своим другом, никому не говорить, что я умею летать. Может быть, для вас не составит труда дать мне клятву, чтобы я был совершенно спокоен?

— Клянусь!

— Клянусь!

— Впрочем, если бы даже мы рассказали кому-нибудь, что ты умеешь летать,— прибавила Таня,— все равно нам бы никто не поверил. А теперь, понимаешь, нам надо сообщить тебе одну неприятную новость. Дело в том, что тебя разыскивает один человек.

— В зеленом мундире,— брякнул Петька.— Он просил написать ему, когда я тебя найду. Но фигу я ему напишу! Кроме того, он говорил, что ты можешь научить меня летать. Как ты вообще смотришь на это дело?

Если бы кому-нибудь в голову пришло изобразить Леню в эту минуту, вполне достаточно было бы побледневшего носика, беленького хохолка, печально упавшего на лоб, и двух огромных добрых испуганных глаз.

— Это Смотритель Маяка! И я уверен, что он давно нашел бы меня, если бы мог отлучиться надолго. Он не может, потому что каждые двенадцать часов надо подливать керосин в маячную лампу. Но никто не захочет заменить его, потому что в Летандии, где все надоели друг другу, он надоел всем больше всех.

Тайна полета

Теперь стало совершенно ясно, как должен вести себя Леня Караскин: так, чтобы никто не мог догадаться, что он умеет летать. Больше того: надо было вести себя так, чтобы каждый, взглянув на Леню, сказал себе мысленно: «Вот парень, который в лучшем слу-

чае умеет прыгать через веревочку, как любая девчонка, но, уж конечно, никогда не сумеет взлететь».

И все это было только полдела. Надо было помочь Лене помолодеть, то есть научить его разговаривать как полагается в одиннадцать лет, а не в шестьдесят с лишком.

За эту работу взялся Петька, и надо сказать, что она у него пошла, хотя и не без затруднений.

— Как бы ты сказал, например, если бы немухинцы сыграли с мухинцами не вничью, а, скажем, пять — один?

Леня подумал.

— Я бы сказал, что усилия немухинцев увенчались заслуженным успехом.

— Вот видишь! А надо сказать просто: «Блеск!» А если бы они проиграли?

Леня снова подумал.

— Ну, может быть... «Не принимайте слишком близко к сердцу этого огорчения. Продолжайте работать, и я уверен, что в ближайшем будущем вас ожидает удача».

— Та-ак, — сказал с отвращением Петька. — А я бы сказал покороче: «Эх вы, сапоги!» Пойдем дальше. Если ты прощаешься с кем-нибудь, что надо, по-твоему, сказать?

— Позвольте пожелать вам всего самого лучшего.

— Ну вот! А надо сказать просто: «Пока!» — или в лучшем случае: «Привет бабушке, не забудь полить фикус». Если ты, например, сидишь над задачкой полчаса и не можешь ее решить, что надо сделать?

— Ничего. Сидеть, пока не решишь.

— Надо сказать: «Муть!» А потом можно, конечно, и посидеть, но лучше списать ее у кого-нибудь на уроке. Ну, и так далее. Можешь записать, с непривычки тебе, возможно, трудно запомнить. Ну, пока!

— Пока!

И Петька ушел.

Словом, дела шли недурно и в школе и дома. В школе Леня Караскин был самым незаметным из самых незаметных учеников шестого «б» класса. А дома Трубочный Мастер иногда сердился и даже кричал на него, но только потому, что, по его убеждению, каждый мастер своего дела непременно должен уметь кричать и сердиться. На Леню он сердился для практики, а на деле был одним из самых добрых людей в Немухине.

Леня залетел к нему случайно. Он очень устал от долгого полета и почти без сил нырнул в первое попавшееся чердачное окошко.

— «Муть!», «Пока!», «Привет бабушке!» — твердил по утрам старательный Леня. — «Эх вы, сапоги!», «Блеск!»

Но не все было так хорошо, как могло показаться с первого взгляда. Незаметно Леня становился заметным — и вовсе не потому, что умел летать: Петя и Таня сдержали слово. Он становился заметным, потому что никому и ни в чем не мог отказать. Каждый день кто-нибудь просил у него карандаш, резинку, линейку — конечно, в долг, но кому же придет в голову вернуть взятую в долг резинку? Хуже было, когда у него просили одиннадцать копеек на эскимо. Тогда он оставался без завтрака, и Трубочный Мастер кричал на него уже не для практики, а всерьез и усаживал за целую миску картошки.

Он как раз сидел над этой миской, размышляя, как бы обмануть его и съесть половину миски, когда зазвонил пожарный колокол и весь город побежал смотреть пожар — в Немухине любили смотреть пожары. Горела сама пожарная каланча. Дежурный успел ударить в колокол несколько раз, а потом скатился по лестнице вниз. У него обгорели усы, и в толпе, мигом окружившей его, многие справедливо заметили, что усы отрастут, а каланчу придется отстроить.

И вдруг... Впрочем, об этом надо рассказать по порядку.

Пожарник удрал, но вокруг деревянной, окруженной перилами вышки метался рыженький, нежный комок. Это был, без сомнения, котенок Трубочного Мастера, который каким-то образом попал на каланчу и теперь то вскакивал на перила, то становился на задние лапки, а передние складывал вместе, как человечек.

Наконец, потеряв надежду, он совсем уже собрался прыгнуть вниз — и без сомнения разбился бы насмерть, потому что это был котенок, а не кошка, которая с любой высоты падает непременно на лапы. Но котенок не прыгнул. Его остановило предчувствие. Из огромной толпы, окружившей в некотором отдалении горевшую каланчу, вылетел худенький мальчик и плавно направился к изумленному котенку.

Изумлен был, разумеется, не только котенок. Немухинцы утверждали впоследствии, что мальчик летел не как птица, а именно как мальчик, небрежно засунув руки в карманы. Приблизившись к вышке, он сказал «Кис-кис», и котенок прыгнул к нему, зажмурив глаза. Замечено было также, что мальчик, опустившись на землю, как бы провалился сквозь нее, то есть немедленно и бесследно исчез.

Все это произошло так неожиданно и скоро, что иные немухинцы стали даже утверждать, что ничего не было: каланча не горела, котенок почудился, а мальчик не взлетал, потому что это противоречит законам природы. Однако тот самый журналист, который написал статью «Летающие мальчики? Вздор!», немедленно приехал в Немухин и, опросив множество свидетелей, напечатал в центральной прессе длинный подвал, в котором доказывал, что если летающие тарелочки — вздор, то летающие мальчики, по-видимому, действительно существуют в природе.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛЕТАЮЩЕ
МАЛЬЧИКА НА ЭТОМ
КОНЧАЮТСЯ. В СЛЕДУЮЩ

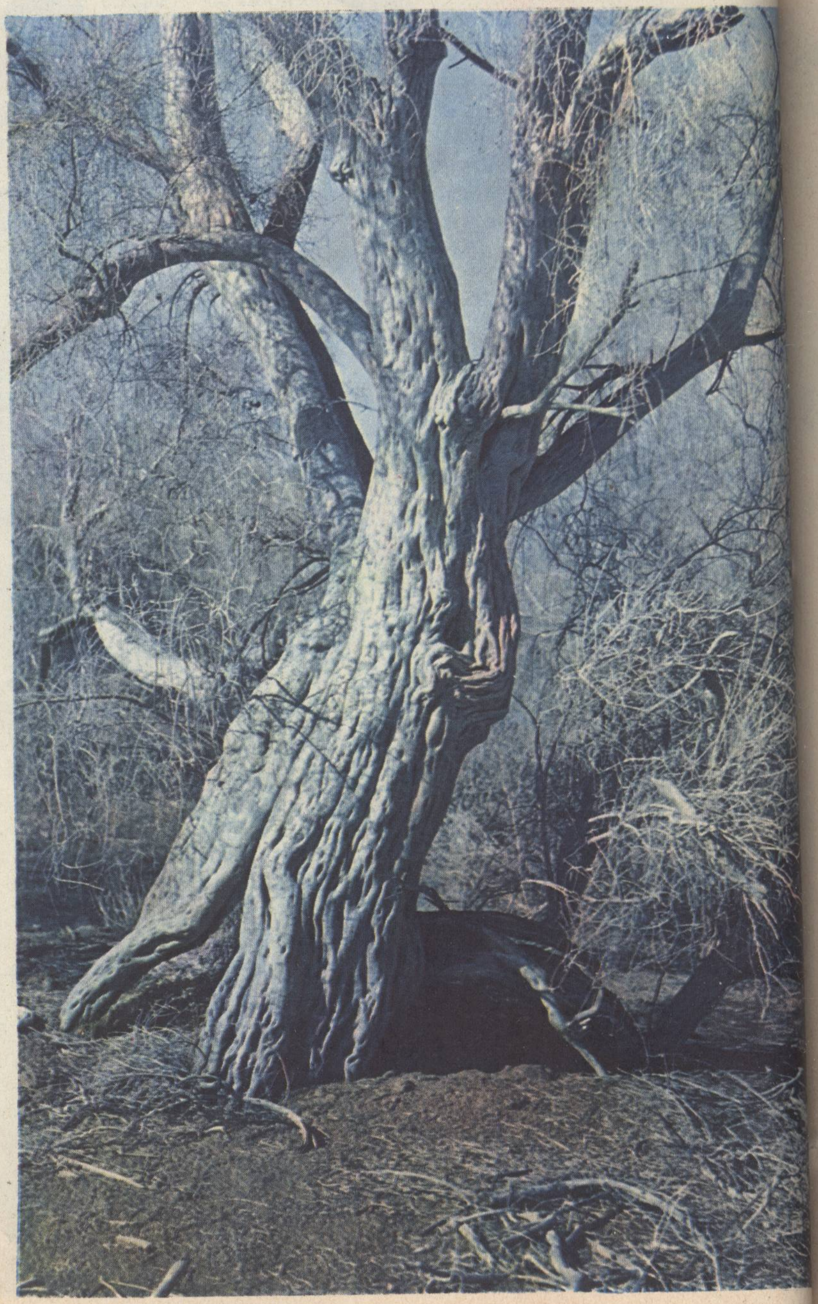
Приблизившись к вышке, он сказал: «Кис-кис»,— и котенок прыгнул к нему, зажмурив глаза.

НОМЕРЕ ТЫ СНОВА ВСТРЕТИШЬСЯ С ЛЕНЕЙ КАРАСКИНЫМ И ЕГО ДРУЗЬЯМИ.

Н. СЛАДКОВ
Фото автора.

СТРАН-НЫЙ ЛЕС

Пустыня — это желтое и голубое. Голубое — вверху, небо. Желтое — внизу и вокруг: впереди, сзади, справа и слева. Сколько видит глаз и еще дальше, за горизонтом.

Земля, опаленная солнцем. Звенящая глина, растрескавшаяся, как торцовая мостовая,— это такыр. Топкое болото, засыпанное белой солью,— солончак. Сугробы золотого песка — барханы.

Скалы, почерневшие от загара. Камни, лопнувшие от жары. Кусты, похожие на мотки ржавой колючей проволоки. Странные саксауловые леса...

Бывал я в лесах сосновых, еловых, березовых. В лиственных, хвойных, смешанных. И вот впервые вхожу в лес пустыни — саксауловый лес...

Деревца, похожие на раскидистые кусты. Стволы мутно-серые, гладкие, словно старые кости. Иные кручены-перекручены, будто удавы, умершие в муках и окаменевшие. Иные — как пугала-ведьмы с костлявыми растопыренными руками, с седыми космами на ветру.

Все непривычно для глаза. Лес не зеленый, а какой-то серо-оливковый. Тень под деревьями зыбкая, полупрозрачная, ненадежная. Такая бывает, наверное, под крыльями стрекозы. Да и как же тут тени быть, если

на деревьях нет... листьев! Вместо листьев зеленые веточки, словно тоненькие хвощинки. Лес без шороха листьев...

Под каждым деревом голое глинистое пятно. Оно как круг сыра: все в норках-дырках. В них живут подземные крысы-песчанки. Между деревьями — жиденькая песчаная осочка. Плодики на ней, словно поджаренные воздушные пончики. Их очень любят газели пустыни — джейраны. Когда они схватывают их губами, «пончики» лопаются с треском. Кажется, джейраны жуют пистоны.

Я вслушиваюсь в звуки странного леса. Шумят саксаулы, как сосны: ветер шипит и посвистывает.

С треском перелетают поверху саранчуки — большие, как птички. Хватаются цапучими лапками, долго возятся, качая оливковые ветки. А понизу шнырят пичужки — вертлявые скотоцерки. Они, словно мыши, шуршат у деревьев, помахивая торчащими хвостиками.

А вот и знакомый голос: где-то поет синица! Синица-то синица, да не наша белощекая, желтогрудая, а пустынная, тускло-серая. Знакомый стукоток — дятел стучит. Дятел-то дятел, да тоже не наш, а белокрылый, пустынный. Знаком и топоток — поскакал заяц! Но не русак, не беляк, а пустынный заяц-песчаник.

Змея тут живет — не гадюка, а эфа. Рысь не лесная, пустынная — каракал. И не ящерка-живородка, а огромная ящерица-варан.

Незнакомые деревья, неизвестные птицы, невиданные звери. Неслыханные звуки, непривычные запахи.

Странно шумит на ветру странный лес. Лес, в котором не укрыться ни от дождя, ни от солнца. В котором к осени осыпаются... ветки! В котором зимой вырастают... грибы! Лес без прохлады, без тени, без листьев. Лес таинственный и молчаливый.

Прогулка за город

Л. МОЧАЛОВ

Рисунок А. ВОВИКОВОЙ.

Лишь взобрались на
пригорок
пять ученых горожан,
по траве
какой-то шорох
перед ними пробежал.

Не ежонок, не мышонок,
а какой-то страшный
Шорох
быстро-быстро пробежал.

Притаился чуткий Шорох
под кустом наверняка
и взорвется, точно порох,
лишь задень его слегка!

Только Шороха не видно,
куст черемуховый пуст.
Горожанам так обидно,
что остался только куст.

Над кустом сидела птица,
на рябине, в вышине,
и, боясь пошевелиться,
все застыли в тишине.

Птица, может, ты видала,
если это все не сон,
Шорох был совсем недавно,
но куда же делся он?

Птица тонко прозвенела,
пронеслась над головой,
и осталось только небо
с глубиною голубой.

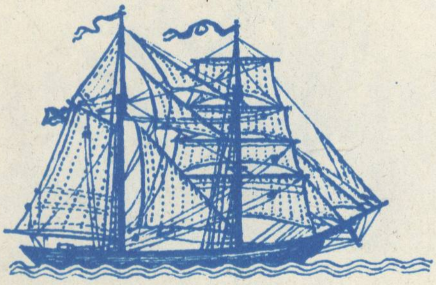
И направо и налево,
как неслышная река,
всюду было только
небо,
и на небе —
облака...

ПО МОРЯМ ВОКРУГ ЗЕМЛИ

ЧЕРЕЗ ГОД
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
ВЫЙДЕТ НОВАЯ
КНИГА «ПО МОРЯМ
ВОКРУГ ЗЕМЛИ.
ДЕТСКАЯ МОРСКАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ».
АВТОР ЕЕ —
СВЯТОСЛАВ
САХАРНОВ,
ХУДОЖНИКИ —
Б. КЫШТЫМОВ
И Э. БЕНЬЯМИНСОН.

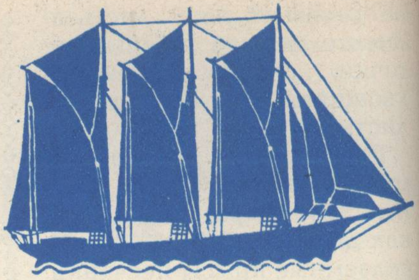
Раскроем некоторые страницы этой книги. В ближайших номерах мы расскажем тебе о военных кораблях, исследовательских и даже о пиратских.

КРЫЛАТЫЕ КОРАБЛИ

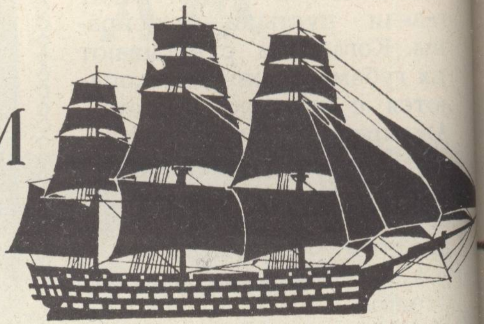

Парусники, крылатые корабли... Это им тысячи лет принадлежали моря. Это они первыми переплыли океан, открыли Австралию, Америку и Антарктиду. Это они летними тихими днями задумчиво бродят по рейдам и гаваням.

Вот двухмачтовый парусник — бригантина XIX века. Ее первая мачта — фок — несла прямые паруса, вторая — грот—косые. Бригантина была легким, хорошо управляемым кораблем. Говорят, не было судна строже и изящнее на вид.

Вверху — трехмачтовая гафельная шхуна XIX века. Такие шхуны были купцами, китобоями, перевозили грузы, ловили рыбу.

А это трехпалубный 130-пушечный линейный корабль XVIII века. Великие морские сражения вели такие корабли. Ушаков и Нельсон, Лазарев и Нахимов стояли на их палубах.

На соседней странице — 46-пушечный фрегат того же времени. Быстроходным фрегатам доверяли разведку и одиночное плавание. А внизу океанский броненосный крейсер «Генерал-адмирал». Кроме парусов, на нем уже была и паровая машина. Это первый броненосный крейсер в мире.

Следы на скале

У мыса Айя, близ Севастополя, есть скала. Высокая каменная стена уходит в воду. Стена покрыта глубокими круглыми вмятинами. Они метят ее как оспины.

Кто ранил камни?

Парусники. Сто лет назад шла русско-турецкая война. Прежде чем отправиться к берегам неприятеля, русские корабли приходили сюда. Они шли один за другим мимо мыса. Грохот пушечных залпов метался между берегом и кораблями. Офицеры проверяли комендоров, комендоры — орудия.

Отсюда был проложен путь к Синопу, Калиакре, Батуми.

Сто лет назад парусные корабли несли по морям славу России.

На этом старинном рисунке — Синопский бой. 18 ноября 1853 года русская эскадра под командованием адмирала Нахимова атаковала на рейде Синопа турецкую эскадру и потопила ее.

О парусах и мачтах

Фрегаты, барки, шхуны, бриги, тендеры — это названия разных типов судов в зависимости от количества мачт: три, две или вовсе одна (фок — передняя, грот — центральная, бизань — на корме).

Собственно мачтой называется только нижняя часть: первое и самое толстое бревно, уходящее под палубу, в трюм судна, и прочно укрепленное в чреве корабля. Вторая часть мачты называется стеньгой, а место соединения и площадка там — марсом. Еще выше идет брам-стеньга, место соединения ее со стеньгой называется салинг. Третья, самая верхняя часть мачты — это бом-брам-стеньга. Целая система снастей удерживает мачты в надлежащем положении. Например, вы все видели и в кино и на картинках, как по команде карабкаются матросы наверх по частым веревочным лестницам... Это ванты, они удерживают мачту с боков и крепятся к бортам. У нас на картинке это как раз хорошо видно. Итак — смотрим!

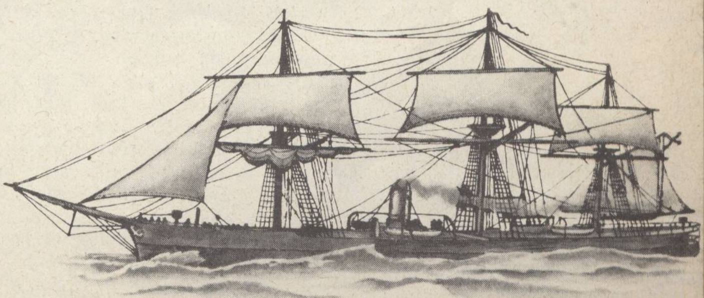
Снасти, которые помогают управлять парусами, называют бегучим такелажем, а паруса бывают прямые (поперек судна) и косые (под углом к нему). Прямые растягиваются на реях (это поперечные балки, серединой своей прикрепленные к мачте).

У нас на картинке фрегат, судно высшего класса парусного флота: три закрытых батареи на трех палубах, или деках, три мачты, вооруженные прямыми парусами. Смотрите, на фок-мачте трое матросов, кажется, ставят брамсель — все другие паруса уже распущены на волю ветров. Двое других полезли по вантам на грот-мачту, это, наверно, вперёдсмотрящие, и послал их наверх, возможно, один из тех двух офицеров, что только что вышли из рубки... Художник «снял» обшивку правого борта, и теперь нам легко заглянуть в самые темные уголки трюмов, где сложены ядра для пушек, бочки с пресной водой, запасные паруса, якорный канат с якорем, провизия и немало еще другого,— ведь судно в плавании — это целый мир, маленький, обособленный и довольно хрупкий островок, впрочем, далеко не безобидный — посчитай-ка, сколько пушек на трех его палубах!

Ну, кажется, ничего не пропустили. Теперь прямо о парусах. Берем среднюю, то есть грот-мачту. Нижний парус ее так и называется — нижний парус, выше — второй, который начинается от марса. Он называется марселем. Над ним помещается брамсель, а на самом верху — бом-брамсель. Иногда от концов рей вытягивают на обе стороны рейки — продолжения рей, и на них крепятся дополнительные боковые паруса — лиселя. Вот, если коротко, о парусах грот-мачты фрегата. Делались они из парусины, которой вырабатывалось целых восемь сортов, и сшивались особенно крепко.

Все то же самое можно сказать о парусном вооружении фок-мачты и бизань-мачты.

А теперь — попутного ветра, капитаны!

НА ДАЛЬНИХ РУБЕЖАХ

Далеко-далеко в Заполярье врезаются в ледяные воды свинцового Баренцова моря скалистые берега Кольского полуострова. Это море, как сказано в старой песне, «нелюдимо», берег пустынен, мрачен, но красив.

Художник Юрий Рогозин был там летом прошлого года, в июне, в самые «белые ночи». Попал он к морским пограничникам, которые служат на дозорных кораблях. И вот привез он нам свои рисунки да еще и рассказал о том, что увидел.

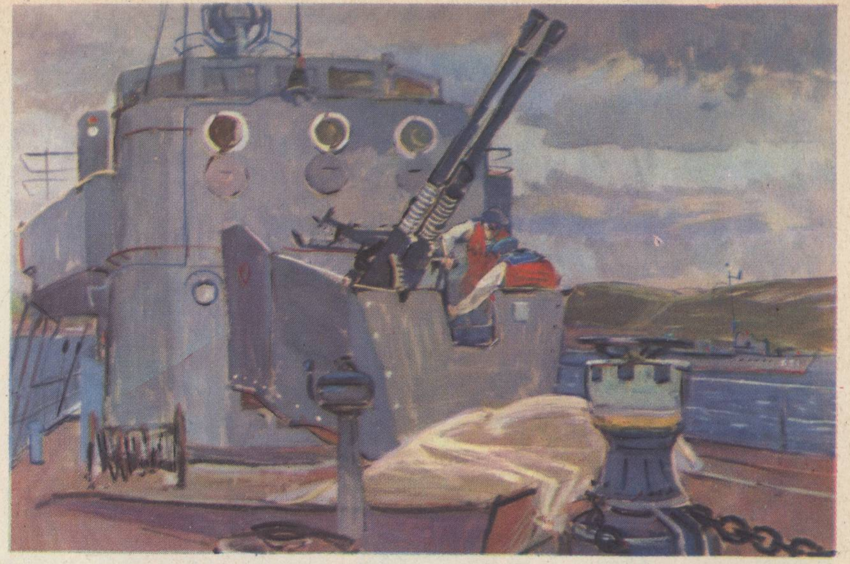
В суровых этих местах моряки живут очень дружно. Возвращается из похода корабль, и команды всех других кораблей выстраиваются на палубах для встречи. Вернувшиеся из похода отдыхают. Потом все — в баню, которая тоже плавает на воде: это железная баржа, и гулко в бане, как в бочке. Затем радушный флотский обед и знаменитые матросские концерты: прямо на палубе пляска и песни.

Тундра в Заполярье удивляет на каждом шагу. Художнику как-то посоветовали пойти на одно озерцо, оно, сказали ему, особенно красиво. А объясняя дорогу, помянули, что от березовой рощи надо брать вправо...

«Идем мы, идем,— рассказывал художник,— видим: впереди действительно что-то похожее на озеро, но вот рощи березовой, куда ни гляди, нигде нет... А потом нечаянно себе под ноги посмотрели и — вот она, роща! Верно, березовая, да только все березы нам до колена...»

Был художник с пограничниками и в море. Лето, а холод такой, что на палубу можно выйти только в тулупе, иначе и минуты не выстоишь.

Вот она — бухточка в узком проливе, вот они — корабли морских пограничников.

Зенитное орудие и его расчет к бою готовы! ▶

Шторм начинается! Пошли по морю тяжелые волны., Скорей все привинчивай, привязывай, задраивай, и все вниз! Только высоко на мостике остаются те, кто ведет корабль, и те, кто должен следить в бинокль, не нарушена ли наша граница...

Или трещат сигнальные звонки по всему кораблю — боевая тревога! Все по местам! Мгновенный, грохочущий топот ног, затем все стихает, и только с различных постов звучат короткие доклады о том, что каждый пост к бою готов!

Юрий Рогозин проработал у пограничников месяц, а затем устроил выставку своих рисунков для моряков. Она им очень понравилась... То, что вы видите здесь, видели и они.

★

Корабли вернулись из похода, готовятся к новому. Завтра они отойдут от причала, отправятся в извилистые, узкие заливчики, бухты и рукава между скалистыми берегами...

Роман **ПИСАРСКИЙ**
Рисунки **И. ГАЛАНИНА.**

Путешественник из Мариттимы

ПОВЕСТЬ

Окончание

У Лямпо оказались сломанными два ребра и нога. В тот момент, когда поезд остановился, а двери открылись, он упал на насыпь и скатился с нее. Из последних сил он подполз к кустам, растущим во рву, забился под ветки. Потому-то его и не могли увидеть пассажиры.

Нашла его старая крестьянка, гнавшая по тропинке осла. Она присела отдохнуть и увидела Лямпо, осмотрела, потом осторожно подняла и уложила в большую корзину на спине осла.

— Вот погоди, мой Пьетро тобой займется! — сказала она. Муж ее был овчар и умел складывать сломанные кости.

Лямпо болел очень долго. Только через месяц он начал ходить по двору. Но хромать так и не перестал никогда.

Старики кормили его чем могли. Хотя они и были бедны, но для Лямпо не жалели молока и каши. Как-то раз, когда зарезали курицу, дали и ему кусок мяса. Но такое угощение бывало редко.

Пришла зима. В том году она была суровее обычного. Даже на юге как-то выпал снег, а дожди лили то и дело. Лямпо предпочитал сидеть в хижине. У него была удобная постель возле кухонного очага.

— Скоро весна придет, песик, — утешала его хозяйка. — По зеленой травке тоскуешь, я понимаю. Придет весна — и поправишься. А может быть, и сейчас бы побегал по полю, а?

И она открывала дверь. Но Лямпо не двигался.

— Сил у тебя как у мухи, — качала головой старушка.

*

Сначала начальник станции не огорчился, когда Лямпо снова пропал. Не впервой! Он знал, как бы далеко собака ни уехала, через несколько дней вернется. Но через неделю и он забеспокоился.

Несколько раз он звонил своим коллегам, но ни на одной станции собаку не видели.

— Могли украсть и увезти бог знает куда, — опять ворчал буфетчик. Этот человек всегда и все видел в темных тонах.

— Могли и украсть, — вторили ему другие железнодорожники.

— А я знаю, что делать! — сказал как-то помощник. — Нам надо обратиться к тому газетчику! Что без конца звонить по всем станциям? Лучше дадим объявление в газете, и его прочитают все.

Спустя несколько дней в газете появилось объявление о том, что потерялась собака, и ее фотография. Но газета эта не попала в деревушку на юге Италии. Да и вообще старики, которые приютили Лямпо, не читали газет...

А Лямпо уже окреп. Целыми днями отлеживался он на солнцепеке, бродил по двору. И все тосковал.

— Странная ты тварь, — ворчал хозяин. — Должен бы прыгать, а ты ползаешь, как улитка. Ведь лапа-то у тебя уже не болит?

Лямпо клал морду на колени старику и смотрел ему в глаза.

— Ну, что с тобой? — допытывался пастух. — Если бы я знал, в чем дело, я бы тебе помог. Но я же не знаю...

Однако он подозревал, что собака тоскует по старому хозяину. И потому не удивился, когда однажды Лямпо исчез и больше уже не появлялся.

— Что поделаешь, — сказал старик. — Так уж, видно, должно быть. По правде говоря, я этого ждал...

— Не огорчайся, — утешал он жену, которая сморкалась в фартук. — Если бы ему плохо было у того хозяина, так он бы к нему не вернулся.

*

Начальник станции сидел в своем кабинете, когда Лямпо вошел и тихо приблизился к столу. Он толкнул хозяйскую руку влажным носом и сел у его ног, дрожа всем телом.

— Лямпо, — прошептал человек. И больше не смог произнести ни звука.

Через несколько минут о возвращении собаки знала вся станция.

— Как похудел-то! — сокрушался буфетчик.

— Расскажешь о своих похождениях? — смеялись другие.

— Ах, брат, если бы ты умел говорить!

Некоторые украдкой вытирали слезы.

Вечером начальник отвез собаку в Пьомбино. Чтобы подготовить детей, он послал вперед знакомого обходчика. Сам же остался с собакой на станции.

Обходчик сделал все как надо. Сначала он прищурился, а потом выпалил:

Это карта нашего путешественника. Посмотрите, следя за странствиями этой удивительной собаки, можно как следует разобраться в географии Италии.

— А что бы вы сделали, если бы вернулся Лямпо?

— Вы его видели? — взволнованно спросил Роберто.

— Не видел, — уклончиво ответил обходчик, — но говорят, что он уже тут.

— Не верю, — покачал головой мальчик.

— Не веришь? Тогда пошли! — засмеялся обходчик.

Дети помчались к станции. Лямпо вырвался из рук хозяина и полетел им навстречу. Они столкнулись и исполнили перед домом радостный танец. Маленькая Адель, которая уже начала ходить, вышла на порог и обняла собаку за шею.

Роберто, играя со своим другом, обнаружил утолщение на лапе и показал отцу.

— Это след перелома, — сказал отец, хорошенько оглядев лапу, и покачал головой.

На следующий день в Мариттиму приехал незнакомый железнодорожник. Оказалось, что это как раз он привез Лямпо вчерашним поездом.

— Я знал, что это ваша собака, — сказал он начальнику. — Сегодня у меня свободный день, вот я и заглянул...

И он рассказал, что собаку ему вручил товарищ, который приехал с юга.

Гость поиграл с Лямпо, посидел еще с часик и уехал. В тот же день позвонил знакомый журналист и сказал, что завтра он будет на станции.

Через два дня в газете появилась статья со снимками собаки. Были там и фотографии железнодорожников, и даже домик начальника станции, и портреты его детей.

«Лямпо, который всегда возвращается», — так звучал заголовок.

Вскоре на станции появились люди из римского телевидения. Они сняли целый небольшой фильм. По радио пустили серию передач о собаке-путешественнице. Один композитор сочинил песенку, ее наиграли на пластинку, спустя месяц вся Италия знала эту мелодию. Она была очень веселой, а в припеве слышался лай.

*

Заведующий отделом железнодорожной дирекции, который вызвал к себе начальника станции, был в очень дурном настроении.

— Вы догадываетесь, о чем будет разговор? — спросил он.

— Да, — сказал хозяин Лямпо.

— С этим надо кончать! — взорвался заведующий. — Железная дорога, голубчик, — это вам не цирк и не зоопарк. Станции не для того, чтобы там пристраивать бродячих зверей!

Начальник станции молчал.

— Собак я даже люблю, — продолжал заведующий уже более мягким тоном. — Но не могу позволить, чтобы на вашей станции творились такие вещи, как в последнее время...

Начальник станции знал, что вообще-то это не злой человек. Но что говорить, он прав... История с Лямпо стала слишком громкой...

— Я видел недавно фотографию собаки, — проворчал заведующий. — Какой-то шутник снял ее в железнодорожной фуражке и с трубкой в зубах. Вы не находите, что это подрывает честь нашего мундира?

— Да, — сказал начальник станции. — Но я же не велел делать этот снимок...

— «Лямпо у семафора», «Лямпо на дежурстве», «Лямпо в вагоне-ресторане», — принялся перечислять заведующий. — Вы ведь отвечаете за все, что происходит на станции... Не так ли?

— Так...

— Я мог бы привлечь вас к ответственности, — фыркнул заведующий. — Я не сделаю этого... Но... одним словом, вы должны убрать собаку со станции. Это все. До свидания.

Железнодорожник поклонился и направился к выходу.

— Да, погодите, — тихо сказал заведующий. — Я же не заставляю вас выкидывать собаку на мостовую. Вы можете оставить ее у себя дома... Разумеется, при условии, что посадите ее на цепь. И еще можно отдать ее в хорошие руки... Я думаю, найдется много людей, которые охотно возьмут такую собаку.

— Я постараюсь сделать так, чтобы не было причин для жалоб, — тихо отвечал начальник станции.

— Благодарю, — буркнул заведующий.

«Да, это единственный выход, — думал железнодорожник по пути домой. — Дядя уже много лет вдовец, любит зверей, и у него чудесный сад. А Сицилия, как известно, остров... И Лямпо вынужден будет там остаться навсегда».

*

Ответ на письмо, посланное в Палермо, пришел через несколько дней. Старый садовник охотно согласился выполнить просьбу своего племянника.

«Я думаю, что подружусь с твоим Лямпо, — писал он. — Мне как раз нужен умный пес. Если не можешь привезти его сам, то постарайся посадить в Неаполе на корабль «Ля Бандьера». На нем плавает мой хороший знакомый, который обещал присмотреть за Лямпо до самого Палермо. Будь спокоен, все уладится как надо...»

Письмо было длинное и кончалось приветами всей семье. Прочитав его, железнодорожник успокоился. Он знал, что должен действовать немедленно. Чтобы не огорчать товарищей и детей, он решил не выдавать им своего плана. «Подумают, что Лямпо опять отправился путешествовать. А там забудут» — так решил он.

В тайну был посвящен только один из телеграфистов. Этот молодой человек уезжал в отпуск к семье, которая жила в Неаполе. Начальник вручил ему записку с названием корабля и фамилией моряка, который обещал доставить собаку в Палермо.

В тот же вечер молодой человек сел с Лямпо в поезд, а на другой день он звонил на станцию...

— Вы знаете, что Лямпо удрал? Прыгнул с поезда сразу после Рима.

— Где это было?

— В Веллетри, — сказал юноша. — Мне очень жаль...

Начальник положил трубку. Он не знал, то ли ему смеяться, то ли плакать...

Лямпо появился на станции через два дня. Он выпрыгнул из вагона с такой довольной мордой, что у начальника не было сил сердиться. В конце концов это же положительное качество собаки, что она всегда возвращается домой... В тот же день он упросил знакомого кондуктора из римского экспресса забрать собаку и, прибыв в столицу, отправить ее дальше.

Звонок, который раздался несколько часов спустя, был сигналом, что на этот раз все прошло удачно.

— Благополучно доехали до Рима, — сказал кондуктор. — Несколько минут назад я передал собаку начальнику поезда, который следует до Неаполя. Это толковый человек. Не сомневайтесь, уж он-то доставит вашего пассажира на корабль.

Хотя известие было хорошее, начальник почувствовал, как что-то кольнуло его в сердце. В эту минуту он понял, что́ для него значит эта разлука...

Лямпо вернулся через неделю. Вернулся худой, но веселый.

Встретили его, как всегда, радостно. Начальник забрал собаку в кабинет, прижал к груди и расплакался. А еще через два дня он сам отвез Лямпо в Неаполь. Ему повезло: корабль, отправляющийся в Сицилию, стоял в порту, но до отплытия уже оставались считанные минуты.

— Я думал, что никто не явится, — сказал боцман. — Мы сделали уже несколько рейсов... Это и есть ваш пассажир?

Послышался корабельный гудок. Моряк взял собаку под мышку и взбежал по мосткам на палубу.

— Лямпо! — шепнул начальник станции,

Тут начальник станции Мариттима получает выговор.

закусил губу, потом повернулся и пошел из порта.

Прошел месяц. Ни один человек на станции не знал о тайне начальника. Люди все еще полагали, что собака может в любой день вернуться.

*

Внимательно приглядывались они к каждому поезду, проходившему через станцию. Начальник как-то сам поймал себя на том, что по привычке и он впивается глазами в дверцы вагонов.

Дети в Пьомбино ходили грустные. Может быть, догадывались? Они мало говорили с отцом о Лямпо, но в глазах их стоял немой вопрос. Отец не мог больше выносить этих взглядов. Как-то он собрался с духом и выдал семье печальную тайну.

— Не грустите, — сказал он, прижимая к себе детей. — Лямпо наверняка счастлив. Он попал в хорошие руки.

И в тот же вечер пришло письмо из Сицилии. Старый садовник сообщал, что собака благополучно доехала до Палермо.

«Это умное животное, — писал старичок. — Мы ему очень рады. Но он тоскует. Первое время даже не хотел есть. Теперь уже немного оправился и ест. Хороший сторож и друг. Только с причудами. Убегает из дому и скитается. Уже два раза был в Патти, а недавно добрался даже до Мессины. Видимо, приглядывается, как ему попасть к вам. Но через море не перепрыгнешь... Будьте спокойны, у меня ему неплохо».

Начальник прочитал письмо детям. Те не успокоились, а погрустнели еще больше.

— Вот видишь, — сказал маленький Роберто, — он хочет вернуться к нам.

Целыми днями сидели они теперь на пляже и смотрели на море, которое отделяло их от друга. Как же далеко от Пьомбино до этой Сицилии, таящейся где-то за горизонтом! В ясные дни с пляжа можно было увидеть только вершины гористой Эльбы.

*

...Некий железнодорожник из Реджио никак не давал сбить себя с толку, упорно твердя одно и то же...

— Значит, вы видели его на станции? — переспрашивал начальник.

— Как вас вижу. Неужели я бы его не узнал? Я тут же позвал его из окна. Он узнал меня и побежал за поездом. А я не мог выскочить...

Назавтра, чтобы проверить это известие, начальник послал в Сицилию телеграмму. Старый садовник ответил, что пес действительно исчез неделю назад и больше не появлялся. «Хлопот мне с ним хватает, — писал старик. — Бедняга выглядит жалко, больно смотреть. Но я не верю, чтобы ему удалось выбраться с острова. Я уверен, что скоро он опять вернется ко мне...»

«Посмотрим!» — подумал железнодорожник.

Прошло еще несколько недель. Постепенно о Лямпо перестали говорить. Никто уже не всматривался в поезда. Все устали ждать.

Была поздняя осень, когда в кабинет к начальнику станции постучал незнакомый человек. Постучал и постоял перед дверью, как будто раздумывая, входить ли? Наконец он нажал ручку...

Начальник взглянул на сверток, который держал этот человек в обеих руках, и понял все.

— Живой? — спросил он.

— Живой. Только еле дышит... Передали со скорого, — объяснил он, кладя свою ношу на стул и отводя взгляд. — Чуть на ногах держался, но слез сам. С характером собака.

Начальник развернул тряпку, которой был прикрыт пес, и взглянул на своего друга. Лямпо поднял голову и попытался встать.

— Ничего, все будет хорошо. — Голос начальника сорвался... — Ничего... Ребята! — закричал он, выбежав на перрон. — Лямпо вернулся!

*

Вся станционная бригада занялась больным. В тот же день из городка доставили ветеринара, который осмотрел раны несчастной собаки и ревностно принялся за дело. Даже денег не захотел взять.

— Выживет! — сказал он. — Ручаюсь.

Позже позвонили из дирекции. Начальник взял трубку.

— Мне стало известно, — произнес знакомый голос строгого заведующего, — о возвращении собаки. Поздравляю.

— Спасибо, — выдавил начальник станции. Он не знал, что и сказать.

— Я рад, — сказал заведующий. — Действительно рад. А теперь прошу выслушать распоряжение свыше и выполнить его в точности. Так вот...

— Слушаюсь, — пробормотал начальник станции и почувствовал холодок в сердце.

— Вы должны приложить все старания, чтобы этот бродяга выздоровел. Понятно? Таково наше желание.

— Есть, будет сделано, господин заведующий! — крикнул железнодорожник. Ему вдруг захотелось танцевать.

— Вы оба заслужили поощрение, — продолжал строгий заведующий. — Можете оставить собаку на станции навсегда... Трудно бороться с преданной любовью, — рассмеялся он и повесил трубку.

Спустя две недели Лямпо снова начал бродить по станции. Он уже чувствовал себя лучше. Только стал какой-то серьезный и не проявлял прежней охоты к забавным проделкам.

А это художник нарисовал очень веселую минуту, когда пес вернулся, он жив и здоров и все ему рады...

Начальник хотел, чтобы собака навсегда поселилась в Пьомбино. Как-то он даже отвез ее туда и отдал на попечение детей. Но Лямпо, хотя и обрадовался при виде маленьких друзей, на другой же день исчез из дому и вернулся на поезде в Мариттиму. Видимо, он считал, что его место там.

— Еще не хочешь в отставку? — смеялся начальник. — Хорошо, дружище, пойдем на пенсию вместе.

Дети так соскучились по своему другу, что почти ежедневно после школы навещали его в Мариттиме. Как-то раз туда даже приехала их мама с маленькой Аделью.

*

...Вот-вот должен был пройти мимо Мариттимы дневной экспресс. Уже слышался свист приближающегося локомотива. Начальник не выходил обычно к этому поезду. Но на этот раз какое-то предчувствие заставило его пойти на перрон.

Станция была пуста, будто вымерла. Из своего помещения как раз выходил помощник. Оба они взглянули вперед и вскрикнули!

На рельсах третьего пути, в нескольких десятках метров от мчащегося локомотива, преспокойно играла маленькая Адель. Мужчины бросились к ней, прыгая через рельсы, но их опередил Лямпо. Он прыгнул, оттолкнувшись от земли, как резиновый мяч, метнулся перед самым локомотивом и успел столкнуть девочку с рельс.

Поезд с визгом проехал еще десяток метров и остановился.

— Адель! — крикнул начальник. Вместе с помощником они перебежали на другую сторону состава. Адель отряхивала свое платьице...

— Адель!

Девочка взглянула на отца и улыбнулась. Она, наверное, не понимала, что произошло.

Подбежал машинист. Из окон выглядывали любопытные пассажиры.

Начальник взял дочурку на руки и пошел к станции. Он знал, сейчас ему придется вернуться за Лямпо, который остался там, под колесами. В кабинете он сел и уткнулся лицом в ладони.

*

Вот она, эта история о необыкновенной собаке, которая действительно жила несколько лет тому назад в Италии. Ее знает каждый итальянский ребенок. Могила ее находится неподалеку от станции, где она погибла, и там по сей день живет память о верном Лямпо.

Мне кажется, маленький герой заслужил, чтобы о нем знали и наши читатели.

Перевел с польского Ю. АБЫЗОВ.

С. ФЕДОРОВ

РАССКАЗЫ О ДЕДУШКЕ КРЫЛОВЕ...

О чем рассказывал Пушкин

Впервые в русской истории имя Крыловых мелькнуло во время Пугачевского восстания в 1773 году, когда Пугачев взял Яицкий городок и осадил его крепость, где заперся небольшой гарнизон. В числе командиров этого небольшого отряда был и капитан Андрей Крылов. По словам А. С. Пушкина, этот человек, решительный и благоразумный, принял начальство над отрядом, успокоил и ободрил солдат, после чего натиск был отражен.

Через некоторое время, продолжает Пушкин, приступ повторился. Ночью пугачевцы взорвали крепостной вал и кинулись вперед. Этот бой длился девять часов подряд, однако кончился и на этот раз ничем. Рассерженный Пугачев поклялся повесить своих упорных противников, офицеров Симонова и Крылова, и вдобавок все семейство последнего.

Маленькому Ивану Андреевичу было тогда четыре года, и, случись обещанное Пугачевым, не знали бы мы с вами ничего про Кота и Повара, про Моську и про Слона. Однако капитан Крылов сумел переправить свое семейство подальше от опасностей, в Оренбург.

Подканцелярист

Капитан Крылов умер в Твери, оставив свою семью в совершенной бедности, без средств к существованию. Сколько ни писала его вдова прошений о пенсии, жалуясь на крайнюю бедность, буквально умоляя о помощи, осиротевшей семье храброго капитана никто не помог. Пришлось бедной женщине ходить по домам, читать молитвы по покойникам, тем добывая себе хлеб. А десятилетнего Ивана Андреевича определили на службу в тверской магистрат в качестве подканцеляриста.

Маленький десятилетний чиновник быстро узнал, как тяжка рука чернильного начальства, и тут же, будучи в должности, как говорилось тогда, нагляделся он на чиновничий грабеж средь бела дня, на взяточничество и казнокрадство, особенно ярко цветшие по глухим углам в провинциях Российской империи.

Все это потом еще пригодится писателю, и читатели его времени станут: одни

Басни старые, самым младшим из них лет полтораста, а вот рисунки к ним новые. Они сделаны в этом году художниками Н. Строгановой и М. Алексеевым. Видите, Крылов живет, печатается и иллюстрируется сегодня, в наши с вами дни, а родился, вы об этом прочитаете ниже, двести лет тому назад.

Здесь помещены четыре рисунка к басням «Щука и Кот», «Осел и Соловей», «Волк и Лиса», «Лиса и Петух», а всего сделано 50 картинок, и скоро они выйдут из печати, одни в виде альбома, другие в виде почтовых открыток. Так что даже можно будет послать кому-нибудь письмецо с «Лисой и Петухом».

удивляться, другие негодовать на то, как много и сколь хорошо знает баснописец звериные повадки казенного беззакония и лицемерия. Только узнавать подобные премудрости жизни было мальчику и в самом прямом смысле больно.

Крыловы не долго остаются в Твери, а перебираются в столицу. Мать снова безуспешно принимается хлопотать о пенсии, а тринадцатилетний Иван Андреевич снова служит. Но теперь он уже не «под», а самый полный «канцелярист», правда что разница невелика, и тоскует юный чиновник на своей службе по-прежнему.

В эти же столь еще молодые годы пробует подросток Крылов и писать, но до знаменитых басен еще очень далеко. Сейчас он завзятый любитель театра, поклонник «Недоросля» Фонвизина, которому много подражает в своих сочинениях. Сочинял он в то время пьесы, однако сцены они не увидели, а их автор вскоре совсем отстал от драматургии, сделался поэтом и журналистом.

«Утренние часы», «Почта духов», «Зритель» — так называются журналы, где печатались разные стихи молодого Ивана Андреевича, и среди них вот такие, например, многозначительные строчки:

...Мне чин один лишь лестен был,
Который я ношу в природе,—
Чин человека...

Одинокий...

О себе, о своей жизни Иван Андреевич рассказывать не любил, когда любопытствовали,— отмалчивался, но кое-что все же становилось со временем известным.

В воспоминаниях современников Крылов всегда одинок: ни родственников у него, ни жены, только одни приятели... Но вот есть свидетельство, относящееся к тем временам, когда он издавал в Петербурге журнал «Зритель», то есть к 1790—1791 годам.

Надо прежде сказать, что в молодости Иван Андреевич вовсе не был таким домоседом, каким он стал известен впоследствии, когда анекдоты ходили о том, как он из Петербурга ни шагу... Но в то время случилось ему быть в Брянске, и там Иван Андреевич полюбил молодую девушку. Звали ее Анною, была она из рода потомков Ломоносова, красива и не бедна, а Иван-то Андреевич — очень беден. И хотя они полюбили друг друга, однако пришлось им расстаться. Больше они так и не увиделись в жизни, но прожили людьми

одинокими. Остался холост Иван Андреевич, не вышла замуж и Анна Алексеевна, много раз помянутая в его ранних стихах.

Слава и почести

Известность, а потом и великую славу принесли Крылову его басни, очень русские по языку своему и самые российские всем содержанием.

Прожил Иван Андреевич очень долгую жизнь — три четверти века. На его глазах Россия не раз воевала, поднимала восстания, хоронила царей, бывала и тиха и бурна. Крылов застал еще екатерининскую Россию. По приказу «императрицы-просветительницы» произведен был обыск в типографии «Г-н Крылов с товарищи», а затем Иван Андреевич был допрошен в полиции и «Зритель» ему пришлось закрыть. Еще позже вынужден был он уехать из Петербурга, и долгое время его имя не появлялось в печати.

В царствование Павла, время свирепой армейской муштры, шагистики и цензуры, по прямому приказу царя были просто вычеркнуты из русского языка слова «гражданин» и «отечество»... И об этих временах рассказывает язвительная «шуто-трагедия» Крылова «Подщипа», где с намеком на Павла глупый принц Трумф собирается весь народ перестрелять из пушек... Кстати, эта комедия найдена была впоследствии в бумагах у многих декабристов.

Иван Андреевич пережил и Павла, а при Александре I наступил относительно свободный период русской истории, который как раз счастливо совпал с лучшей порой в творчестве Крылова.

С 1806 года уже до смерти своей Крылов никуда из Петербурга не выезжал, разве что на дачу, под город. Целых тридцать лет он прослужил в Публичной библиотеке под началом у А. Н. Оленина, с которым был тесно дружен и в доме которого бывал чуть не ежедневно. Здесь, у Оленина, собирались самые интересные люди той поры: Батюшков, Пушкин, Гнедич, переводчик «Илиады» Гомера, и еще многие другие писатели, художники, артисты и ученые.

Про некоторые из крыловских басен сохранились рассказы, толки, предания.

И вот, пожалуй, что самое знаменательное: басни о войне 1812 года знали наизусть простые солдаты, люди, как правило, ни читать, ни писать не умевшие. Особенно велика была слава «Волка на псарне». Рассказывают, что эту басню знал и любил сам Михаил Илларионович Кутузов, ему нравилось, как говорит Ловчий Волку:

Ты сер, а я, приятель, сед...

В волке все видели Наполеона, который думал покорить Россию, да просчитался и вместо «овчарни» попал на «псарню». Рассказывают даже, что, произнося эту крыловскую строчку, Кутузов лукаво поднимал свою фуражку, и делались видны его седины...

Вот другая история. Дело было в петербургском Английском клубе во время обеда. Один из сидевших за столом горячо уверял других, будто ел он недавно огромную стерлядь...

Тут этот человек встал и принялся показывать, какой величины была необычайная рыба. Он развел руками, прикидывая на глазок и приговаривая: «Она была длинной вот как от меня и... вот как до Ивана Андреевича». Крылов сидел за столом напротив.

При последних словах Иван Андреевич, ничуть не улыбнувшись, отодвинулся вбок вместе со стулом и очень серьезно, даже с готовностью спросил рассказчика: «Не мешаю ли я вам?»

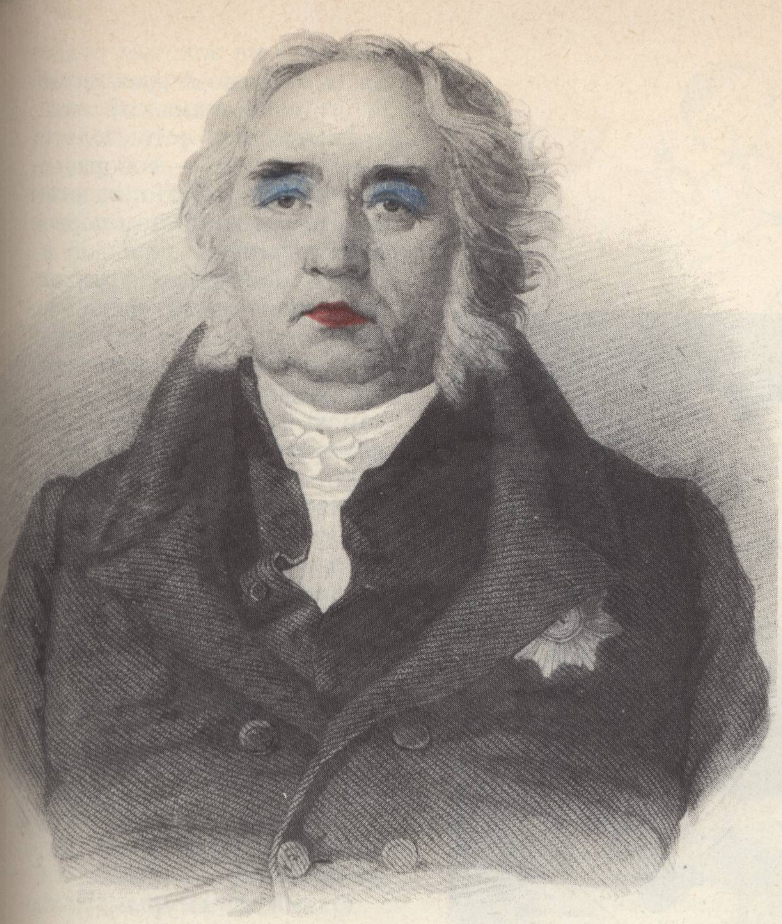
Посмотрите басню «Лжец» — она явилась на свет как раз из этой смешной истории.

Два брата

Был у Ивана Андреевича младший брат, Лев Андреевич, тоже с детства хлебнувший горя человек. Он был бедным армейским офицером, судьба которого печальна и несчастна: вечно без гроша, в латаном мундире, а вот душу он имел чистую, добрую и возвышенную и бесконечно был предан старшему брату.

Последние годы братья не виделись. Младшего не пускали служба и бедность, да и долго было в ту пору ехать с юга России в Петербург. Семнадцать лет не виделись братья, но очень любили друг друга, и Иван Андреевич всегда помогал Льву: то деньги посылал, то книги, то скрипку — «прогонять скуку»... А Лев Андреевич по-детски, беззаветно радовался успехам старшего брата, гордился его баснями. Чтобы стали понятнее их отношения и чтобы представить себе, в какой манере писали тогда русские люди письма друг дружке, вот вам одно из писем от брата Льва к брату Ивану:

«Я вчера начитал в «Инвалиде» («Русский Инвалид»— журнал), что было в Академии большое собрание и с неизреченной радостью увидел, что тебе и г. Карамзину за отличные ваши сочинения все единодушно согласились поднести золотые медали, а особливо тебе, голубчик-тятенька, сам президент поднес медаль... Теперь мне желательно знать, кто такой президент, а также и другие... Пожалуйста, уведомь меня, голубчик, какое изображение на медали и на какой ленте, и не поленись, срисуй мне ее и пришли, чем много меня обрадуешь...»

И. А. Крылов. Гравюра на меди с рисунка К. Брюллова.

Мы уже говорили тут с вами о милом сердцу Крылова доме Олениных, где был он не гость, а свой, домашний человек... Так вот, у Олениных вдруг заметили, что сделался Иван Андреевич молчалив больше обычного и мрачен. Однако о причине мрачности никому ничего не говорил, а спрашивать его не решались. Только позже, спустя много времени, Елизавета Марковна Оленина, к которой Крылов был особенно привязан, спросила:

— Что это с вами было, Крылочка? Вы на себя не походили.

— У меня, — отвечал Иван Андреевич, — был родной брат, единственное существо на свете, связанное со мной кровными узами. Он умер. Теперь я остался один.

«И с тех пор,— прибавляла Елизавета Марковна,— в доме у нас разговор об этом никогда не возобновлялся». Так по своему обыкновению все личное и тем более грустное Крылов таил от других, ну а многое забавное расходилось между людьми как-то само.

Картина

Вот анекдот о Крылове, записанный А. С. Пушкиным. Тут, в этих строках, как древние травинки в куске янтаря, сбереглись до нас две драгоценные улыбки: одна Пушкина, другая Крылова.

«У Крылова над диваном (где он обыкновенно сиживал), сорвавшись с одного гвоздика, висела наискось по стене большая картина в тяжелой раме. Кто-то дал ему заметить, что и остальной гвоздь, на котором она еще держалась, не прочен и что картина когда-нибудь может упасть и убить его. «Нет,— отвечал Крылов,— угол рамы должен будет в таком случае непременно описать косвенную линию и миновать мою голову».

Пером и кистью

Вы тут видите великолепный портрет Крылова, нарисованный Карлом Брюлловым, а вот еще и другой, на этот раз словесный. Он сделан И. С. Тургеневым.

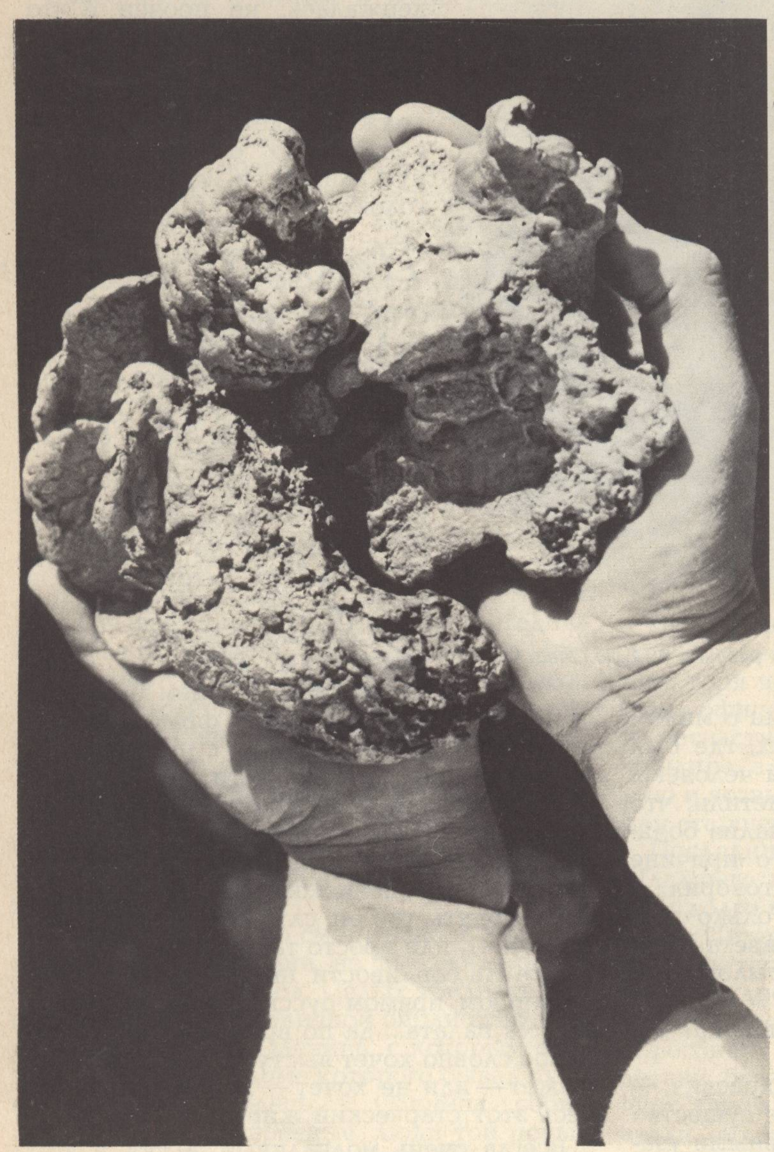
«Крылова я видел всего один раз — на вечере у одного чиновного, но слабого петербургского литератора. Он просидел часа три с лишком, неподвижно, между двумя окнами — и хоть бы слово промолвил! На нем был просторный, поношенный фрак, белый шейный платок; сапоги с кисточками облекали его тучные ноги. Он опирался обеими руками на колени и даже не поворачивал своей колоссальной, тяжелой и величавой головы, только глаза его изредка двигались под нависшими бровями. Нельзя было понять, что он, слушает ли и на ус себе мотает, или просто так сидит и «существует». Ни сонливости, ни внимания на этом обширном, прямом русском лице, — а только ума палата... да по временам что-то лукавое словно хочет выступить наружу и не может — или не хочет — пробиться сквозь весь этот старческий жир».

Всегда очень молчаливый, а тут, в этот вечер, видимо, еще и скучающий, но удивительно мощный старик встает за строками этого описания так же живо и ярко, как глядит он с портрета Брюллова.

И вот так же живо, со всем разнообразием ума и способностей, глядит из крыловских басен никогда не унывающее, и лукавое, и простодушное лицо русского народа. Весь характер народа виден! Вот за эту-то правду портрета, нарисованного с пониманием и большой любовью, за это и любим в России Крылов.

Его басни помнятся, фразы из них вошли в повседневный язык, стали в нем пословицами, которые и мы с вами употребляем едва ли не ежедневно.

САМОЕ-самое-самое

Колымский самородок

А. ИВАНЧЕНКО

Как-то на золотом руднике в Южно-Африканской Республике меня спросили:

— А у вас есть золото?

— Как же, — говорю, — конечно, есть! По запасам золота мы занимаем первое место в мире.

И я рассказал африканским шахтерам о нашей золотоносной Колыме. Нигде на свете не добывают столько золота, как в Магаданской области, юго-западную часть которой называют Колымой. Река там протекает такая — Колыма.

Суровый это край. Тайга и тундра. Тепло бывает только три месяца в году. Потом как запуржит — неделями за метелью ничего не видно. И мороз такой, что железо становится хрупким, как рафинад. Ударишь топором по лесине, ей ничего, а топор — вдребезги.

Неласковый край, зато золота много.

Однажды хмурым, дождливым днем побывал я на таежном прииске Мальдяк. Пришли мы туда с Виктором Васильевичем Ивановым — колымским конструктором автоматических золотодобывающих установок.

Чудно было. Как где-то на другой планете. Посреди тайги огромная голая долина. Ни былинки. Все пространство как щебнем усыпано. Стоит в этой долине похожая на железнодорожный мост установка. От дальней сопки бежит к ней лента транспортера, жужжит что-то, рокочет, а вокруг — ни души.

— А где же люди? — спрашиваю Виктора Васильевича.— Или у вас тут все роботы делают?

Он засмеялся.

— Роботов пока нет, но всяких хитроумных автоматов хватает. Раньше весь этот щебень вручную перемывали, а теперь золотые крупинки из него автоматы достают. На участке работает всего один человек, инженер Тарасова.—

И громко позвал: — Валентина Федоровна!

— Иду! — откликнулся где-то за электробудкой женский голос.

К нам подошла девушка в больших кирзовых сапогах и брезентовой куртке.

— Ой, Виктор Васильевич, что я нашла! — поздоровавшись, сказала она восторженно.— Вот идите сюда, гляньте.

Мы пошли за электробудку, и от неожиданности я даже ахнул. На сером гранитном щебне лежал ноздреватый золотой самородок. Словно кусок застывшей вулканической лавы. Только цвет не вулканический — желтый.

Иванов поднял самородок, взвесил на ладонях и довольно ухмыльнулся:

— Да, килограммов девять, наверное, будет.

И вдруг бросил находку на ленту транспортера. Лента двигалась быстро, и самородок тут же затерялся в плывущих по ней кусках камня.

Я остолбенел.

— Зачем вы, Виктор Васильевич?!

Я чувствовал себя так, будто стал соучастником преступления.

Валентина Федоровна смотрела на меня и весело смеялась.

— Думаете, пропадет? От наших автоматов и пылинка золота не уйдет, не то что такая золотая глыба. Наш будет, никуда не денется!

Потом уже в Москве я прочитал в газете заметку о том, что на колымском прииске Мальдяк нашли золотой самородок весом в 9 килограммов 637 граммов — самый большой самородок, найденный на земле за последние двенадцать лет.

Звоню в Магадан Иванову, спрашиваю:

— Виктор Васильевич, тот это самородок?

— Тот,— слышу в трубке и радостно улыбаюсь: я видел, как его нашли.

ПОСЫЛКА, А В НЕЙ СЕКРЕТ

Жил на свете неумеха. Ничегошеньки-то он не умел. Ты знаешь, встречаются изредка такие чудаки. Разумеется, все над ним смеялись. И, представь, ему это не нравилось.

И вдруг однажды случилось чудо. За что ни возьмется наш неумеха, все у него получается. Обрадовался он — и поскорей за дело. Все старые вещи перечинил, да и новые делать принялся. Тебе ли говорить,— много есть таких вещиц, которые и видом радуют, и хитрым устройством удивляют, и пользой своей нас привлекают.

И даже в тех делах, в которых мальчики не очень-то сильны — пуговицу пришить, костюм погладить, незаметную заплатку положить,— стал неумеха большим и искусным мастером.

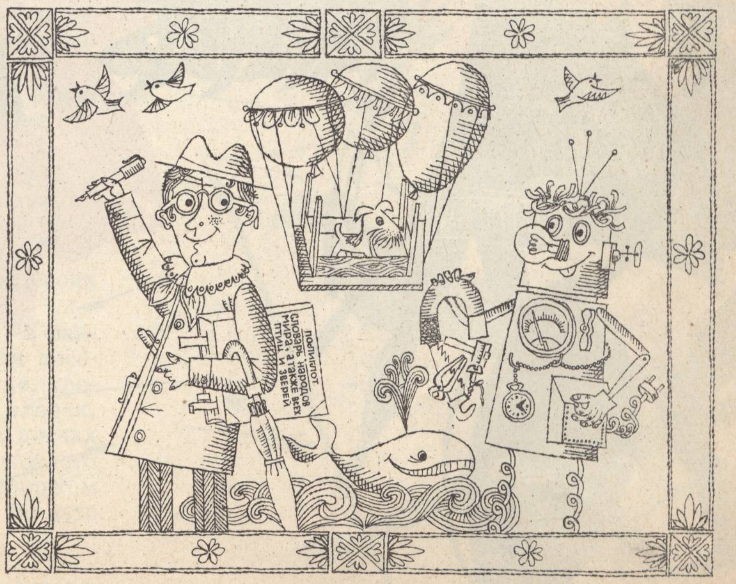
Долго у него допытывались, как случилось с ним такое превращение. Наконец узнали: оказалось, выписал он себе через магазин **«Книга — почтой»** (Москва, В-168, ул. Кржижановского, 14, маг. № 93) подготовленный издательством «Малыш» комплект брошюр **«Дружим с техникой и трудом»**.

В брошюрах тех говорится, и какие инструменты для работы нужны, и что с их помощью можно сделать, и чертежи, схемы, рисунки приводятся. И вот еще что интересно: эти десять брошюр и мальчикам и девочкам могут пригодиться. И тем, кто умеет и любит все своими руками делать, и тем, кто только учится.

Если и тебе захочется такой комплект получить, магазин и тебе его вышлет наложенным платежом.

Цена всех десяти брошюр — 1 руб. 05 копеек.

*

Ждите! В следующем номере — приключения Смехотрона и д-ра Полиглота на ледяной горке и в поднебесье. Ждите!

Мессенская война

ПОВЕСТЬ

Продолжение

Л. ВОРОНКОВА

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Царь Аристодем

В Мессении не стало царя.

Если бы у Эвфая был сын, он стал бы теперь царем. Но у Эвфая не было сыновей.

Надо было выбрать на царство достойного человека. И когда мессенцы собрались, чтобы выбрать царя, то первым прозвучало имя Аристодема.

Пусть будет царем Аристодем! Аристодем — лучший наш военачальник! Аристодем как никто доказал свою любовь к Мессении — он отдал в жертву богам родную дочь!

Но тут заявили свои права полководцы Клеонис и Дамис. Они не хуже Аристодема сражались со Спартой, а может быть, даже и лучше.

Так почему же царем должен быть Аристодем?

Оба жреца Мессении Эпебол и Офионей дружно подали голос против Аристодема:

— Не давать чести Эпита и его потомков человеку оскверненному, на котором лежит проклятие за убийство дочери!

Но как ни кипел злостью Эпебол и как ни спорили полководцы, доказывая свое право на царство, народ все-таки избрал Аристодема.

Аристодем правил мудро, осмотрительно. Он не добивался ни богатства, ни почестей. С тех пор, как умерла его дочь, личные радости жизни навсегда покинули его.

Снова потекло время год за годом. Сражений со Спартой не было. Но и мира не наступало. По-прежнему отряды спартанцев налетали на мессенскую землю, грабили поселян, увозили урожай, угоняли скот... Мессенцы платили тем же.

И никому в этой прекрасной солнечной, омытой теплым морем стране не было ни счастья, ни довольства, ни спокойствия. И больше всего, тяжелее всего, конечно, страдал от этих неурядиц народ, который пахал землю, выращивал виноград, ухаживал за скотом. Все их труды зачастую пропадали даром, враги непрестанно разоряли их.

Наконец ни Спарте, ни Мессении не стало сил терпеть эту изнуряющую жизнь. Снова была объявлена война.

Теперь заволновались не только Спарта и Мессения. Заволновался весь Пелопоннес, и особенно те страны, что лежали по соседству с Лаконикой и Мессенией.

К мессенцам на помощь спустились со своих гор аркадяне.

Пришли хорошо вооруженные воины — в панцирях, с копьями, со щитами... Пришли поселяне и пастухи, у которых ничего не было, кроме пращи. Пришли охотники, живущие в горах, где водится много зверей. У этих на плечах были медвежьи и волчьи шкуры, и у каждого был запас дротиков и стрел. Не слишком сильное было вооружение у аркадян, но зато сильна была ненависть к Спарте, они устали от вечного страха перед этим жестоким племенем.

Пришли к мессенцам и сильнейшие отряды Аргоса и города Сикиона. У них тоже были свои старые счеты со Спартой.

К спартанцам на помощь пришли только коринфяне.

Настал день сражения.

Аристодем расположил свое войско с таким расчетом, чтобы враги не могли окружить его. Он поставил отряды спиной к горе Итоме. А на горе, в лесных зарослях, спрятал аркадских

Натиск был грозный, спартанские фаланги всей силой своей обрушились на мессенцев.

пастухов и охотников, привычных к быстрому нападению, умеющих хорошо бегать. Вооруженные копьями и дротиками, они притаились на склонах горы, выжидая момента, когда понадобится их помощь.

Команду основным войском Аристодем поручил полководцу Клеонису, который еще с царем Эвфаем не раз ходил в сражения. А пращниками и отрядами стрелков командовал он сам, и с ним — Дамис. Однако мессенцев даже вместе с их союзниками было меньше, чем спартанцев. Выдержат ли они натиск огромного спартанского войска?

Спартанцы, сомкнув щиты и выставив копья, железной стеной двинулись на мессенцев. Сейчас они сомнут, растопчут и уничтожат этих пастухов и хлебопашцев!

Натиск был грозный, спартанские фаланги всей силой своей обрушились на мессенцев. Конец! Не жить Мессении!

Но что это? Спартанцы в изумлении отхлынули назад. Мессенские войска выдержали их натиск, не отступили, не поколебались!

Спарта не учла, что за эти несчастные годы, когда Мессении все время приходилось защищать свои города и пашни, мессенцы тоже научились воевать.

А мессенцы, увидев, что строй их не разорван и не смят, сами удивились. И обрадовались. Это придало им еще больше мужества, они с новой силой бросились на врага.

И вот спартанские ряды дрогнули. Мессенцы сразу почувствовали это и начали нападать с еще большей дерзостью и отвагой. А тут неожиданно для Спарты из ущелья выбежало аркадское войско и с копьями в руках бросилось с двух сторон на спартанскую фалангу. Аркадяне издали метали в них копья и дротики, осыпали их стрелами. Те, что посмелее, подходили к спартанцам вплотную и, как говорит Павсаний, «били с руки».

Спартанцев, привыкших к боям, было трудно смутить. Нападение аркадян было неожиданным и стремительным, однако спартанцы удержали строй. Они всей фалангой поворачивались к врагам, старались разбить и уничтожить их. Но те легко убегали, а потом нападали снова. Тяжелая плотная фаланга ничего не могла с ними поделать, и это приводило спартанцев в ярость. Они начали терять терпение. Первые ряды падали, как скошенная трава, раненые и убитые лежали под ногами, мешая двигаться... В бешенстве, забыв свои военные правила, спартанцы выбегали из строя и гнались за легковооруженными врагами, которым ничего не стоило убежать и скрыться в зарослях. Спартанцы с досадой и проклятиями снова становились в строй. А те снова возвращались и тотчас начинали их бить дротиками со всех сторон.

Тяжеловооруженные мессенцы в медных шлемах и панцирях, с копьями и мечами в это время шли стеной на спартанцев, бились с ними лицом к лицу. Чувствуя, что побеждают, они теснили врага все смелее, все отважнее.

И вот случилось то, чего никак не ожидали спартанские полководцы: их тяжеловооруженная фаланга не выдержала, расстроила ряды — и побежала!

Спартанцы бежали с поля боя как безумные, так, что земля гудела под их ногами. Пораженные ужасом и позором того, что случилось, вместе с простыми воинами бежали их военачальники и цари. И мессенцы били спартанцев, уже не встречая сопротивления.

В этот день в спартанском войске были очень большие потери. Может быть, если бы мессенцы и аркадяне гнались за ними до самой Спарты, они могли бы захватить и разорить ненавистный город. Но добивать бегущего врага было не в их обычае. И спартанцы, разбитые, измученные, беспрепятственно добрались до Спарты.

Их союзникам-коринфянам вернуться домой оказалось тяжелее. Им пришлось пробиваться в Коринф через земли враждебных стран — Аркадии и Сикиона, с воинами которых они только что сражались. И здесь их тоже не щадили.

Совет пифии

Мессенцы ликовали. Похоронив с почестями убитых, они приносили богам благодарственные жертвы, праздновали, прославляли своего полководца царя Аристодема.

Теперь можно жить спокойно. Спарту так проучили, что она не посмеет больше вступать на мессенскую землю. Мессенцы снова могут пахать и сеять и убирать урожай. Их дети снова могут играть на улицах, не боясь быть убитыми. Девушки и юноши могут снова справлять праздники, не опасаясь нападения и кровопролития.

Но царь Аристодем слишком хорошо знал Спарту и спартанских правителей. Может, и оставят они Мессению в покое, но ненадолго. Они не успокоятся, пока не достигнут своего. Они не смогут примириться со своим позором. Мессеняне победили, но победа эта непрочна. Спартанское войско сильнее, а сила свое возьмет.

Так думал царь Аристодем. Но он скрывал свои тревожные думы. Только зорко следил за тем, что делается там, в долине Тайгета, в стане их коварного врага.

А в Спарте поселилась мрачная печаль. Принесли на щитах с поля боя и похоронили многих своих полководцев, отважных и прославленных в битвах... Много цветущей молодежи легло в этом несчастном бою.

Молодые спартанцы ходили, не глядя в глаза старикам и женщинам. Сердца их кипели от ненависти к мессенцам, и кровь бросалась в лицо от стыда при воспоминании о том, как мессенские пахари и аркадские пастухи преследовали их и гнали с мессенской земли...

Военачальники, старейшины и цари без конца обсуждали эту битву, перебирали события этого дня, искали, где они сделали ошибку, чего не предусмотрели... И — Аристодем знал их! — вовсе не собирались положить конец войне.

И, по обычаю всех эллинов, когда возникало затруднение в решении какого-нибудь важного вопроса, послали в Дельфы дары с просьбой дать совет.

Пифия ответила спартанцам так:

«...Обманом держит народ мессенскую землю; тою же хитростью она будет взята, с какой ему досталась».

Такой вот лукавый совет дали Спарте дельфийские жрецы: не можешь взять силой — возьми обманом. Припомнили древнее предание о Кресфонте — первом царе Мессении. Рассказывают, что Мессению добывали по жребию. Налили в сосуд воды, и те, кто спорил из-за Мессении, опустили в воду глиняные шарики: чей шарик раньше всплывет на поверхность — тот и получит Мессению. Тут Кресфонт схитрил. Шарик его противника был сделан из глины и высушен на солнце. А шарик Кресфонта — тоже глиняный — был обожжен на огне. Необожженный шарик в воде распустился. А шарик Кресфонта всплыл на поверхность, и Кресфонт получил Мессению.

Вот об этом обмане и припомнили теперь дельфийские жрецы. Их ответ ясно подсказал Спарте, что нужно делать. Кресфонт схитрил в свое время — действуйте хитростью и вы. Бороться можно не только мечом, но изворотливостью ума тоже.

Спартанские правители стали думать: какой бы хитростью обмануть мессенцев.

Прикидывали одно, другое...

Наконец придумали: «Пошлем в Итому сто человек — будто бы они перебежчики. Пускай посмотрят, что там предпринимается. А мы для вида присудим их к изгнанию!»

«Изгнанные» явились к Аристодему.

— Нас изгнали из Лаконики за сочувствие к вам,— сказали они.— Прими нас, пусть ваша земля станет нам родиной. Больше нам некуда идти!

Аристодем молча посмотрел на их лица с опущенными глазами, на их горестные мины... И ответил:

— Выдумка эта старая. А обида со стороны Спарты — новая. Идите домой и несите обратно свою ложь!

И спартанцы в досаде вернулись домой.

Тогда Спарта придумала новую уловку: «Надо поссорить с Мессенией ее союзников — Аркадию и Аргос. Если бы не они, мы бы не проиграли бой».

И вот идут посланцы Спарты в Аркадию. Карабкаются по крутым тропам в горную подоблачную страну.

Что они говорили там, как старались очернить и уронить мессенцев в глазах аркадян,— неизвестно. Но известно, что они вернулись оттуда с позором. И в Аргос уже не пошли.

Аристодем скоро узнал о происках Спарты. Что еще придумывают там? Какую гибель готовят? Он отправил послов в Дельфы. Боги знают все. Пусть помогут советом, как избавиться Мессении от ее неотступного врага.

Послы принесли странный ответ:

«Бог подаст тебе славу войны, но думай: да не превзойдет тебя обманами коварно враждебная хитрость Спарты. Ибо Арей понесет славные их доспехи, и венец стен обнимет горьких обитателей, когда двое, судьбою, разверзнут темный покров и вновь сокроются; но не прежде конец тот узрит священный день, как изменившее природу должного достигнет».

Аристодем и жрецы много размышляли над этим изречением. Но поняли смысл его только спустя несколько лет.

Глиняные треножники

Шел уже двадцатый год с того времени, как началась война со Спартой.

Занятая этой упорной борьбой, Спарта окончательно превратилась в военный лагерь.

До начала этой изнурительной войны Спарта мало отличалась от остальных эллинских государств. Здесь любили стихи, любили музыку и, кроме спортивных состязаний, устраивали веселые состязания плясунов. Спартанские девушки могли выходить замуж за неспартанцев, и права их мужей приравнивались к правам граждан Спарты...

Теперь же Спарта словно стеной отгородилась от всего мира. Жесткая дисциплина, повседневная военная тренировка — этим была наполнена суровая жизнь Спарты. Спартанцы жили неугасающим стремлением — победить Мессению, захватить Мессению, поработить Мессению!

Мессения устала от войны. Аристодем мучительно искал выхода из этого положения. Все, что от него зависело, он сделал. Он привлек союзников. Он водил войска в битвы. Он отдавал все силы, чтобы отстоять Родину. Он отдал жизнь своей юной дочери за свободу Мессении...

Никто не знает, что боль этой утраты до сих пор живет в его сердце, что, возвращаясь домой, он каждый раз остро чувствует, как опустел его дом с того дня, когда дочери не стало, когда замолк навсегда ее голос. Никто не знает, как стонет он по ночам — он видит ее залитое кровью беспомощное тело у своих ног...

А враг не побежден. Враг по-прежнему грозит Мессении. Что же сделать Аристодему? На это никто не мог ответить. Ни старейшины, ни близкие царскому дому люди. Народное собрание тоже не решило ничего. А решило только одно: еще раз посоветоваться с божеством. Снова отправили послов в Дельфы спросить: надо ли воевать, будет ли победа? И как добыть победу?

Пифия ответила:

«Первым, поставившим вокруг жертвенника Зевса Итомского дважды пять десятериц треножников, свыше дается земля Мессенская со славой войны. Таково мановение Зевса. Обман поставил тебя высоко, но за ним воздаяние: не обмануть тебе бога. Совершай, что суждено: беда у одних раньше других».

Мессенцы обрадовались.

— Прорицание дает нам славу войны! Невозможно, чтобы спартанцы раньше нас поставили жертвенные треножники, ведь святилище Зевса Итомского в нашем городе!

И они принялись готовить треножники. Делали их из дерева, потому что на медные не было денег.

Так успокоенные мессенцы готовились к празднеству посвящения Зевсу треножников.

Спартанцы тем временем всеми силами добивались узнать: что ответила мессенцам пифия? Но мессенцы хранили это в крепкой тайне.

Тогда спартанцы обратились к дельфийским жрецам. И нашелся один дельфиец, который,

как видно, за хорошую плату и выдал Спарте мессенскую тайну.

Однако и раскрыв эту тайну, цари и вельможи Спарты не знали, что же здесь можно сделать? Зевс Итомский — в Итоме, за крепкими городскими стенами. Как могут спартанцы поставить треножники в его святилище, да к тому же раньше мессенцев?

Дело казалось безнадежным.

Но тут пришел к царям некий человек, горазд на выдумки. Его звали Эвол.

— Я знаю, что сделать! — сказал он.

Он замесил глину и принялся из нее делать треножники. Делал и ставил их на солнце. Пока он сделал сотый треножник, остальные уже высохли. Когда все сто треножников были готовы, Эвол положил их в мешок. Вскинул мешок за спину, взял охотничьи тенета и будто бы пошел охотиться.

Эвола никто не знал. Даже в Спарте он был мало кому известен. Он незаметно прошел в Мессению. А потом с мешком за плечами и с тенетами в руках он вышел из леса и направился в сторону Итомы. Все, кто видел его, думали, что человек удачно поохотился и теперь несет добычу в мешке.

Эвол не спеша шел через поля и рощи. А вечером, когда мессенцы, закончив работу на полях и виноградниках, пошли домой, в Итому, Эвол незаметно присоединился к ним и вместе с ними вошел в город.

Наступила ночь. Мессенцы спокойно погасили огни. Всем уже было известно, что завтра жрецы поставят Зевсу треножники. Воля бога будет исполнена, и Мессения защищена. Треножники эти, гладко оструганные и украшенные, были уже готовы.

Утро наступило ясное, праздничное. Прозрачное небо лучилось над Итомой. Оливковые рощи на склонах горы серебрились под солнцем. Внизу, в долине, ярко зеленели луга. И далеко на горизонте сквозь перламутровую дымку утра густо синело прекрасное море, глубокий Мессенский залив...

Жрецы Эпебол и Офионей, в белых одеждах, с зелеными венками на голове, торжественно направились в храм Зевса Итомского. Их помощники несли следом жертвенные треножники, наилучшие, какие смогли и успели сделать.

Вслед за жрецами шли все знатные люди Мессении — царь Аристодем, полководцы, старейшины... Веселая толпа народа окружала храм.

Жрецы вступили на порог храма. И, словно окаменев, остановились. Аристодем, почуяв недоброе, нетерпеливо отстранил их, вошел в храм.

На алтаре Зевса Итомского лежали глиняные треножники. Сто глиняных треножников, сделанных в Спарте. Помощники жрецов, увидев это, в растерянности уронили на пол свои деревянные треножники. Стук дерева глухо отозвался в гулких стенах храма.

Ужас и отчаянье охватили мессенцев. Женщины кричали и плакали. Мужчины мрачно молчали. Теперь все кончено. Спартанцы отняли у Мессении покровительство бога, и теперь им уже не победить Спарты! Зевс отступился от Мессении!

Аристодем, тотчас овладев собой, начал успокаивать народ:

— Еще никогда не кончалось победой дело, начатое обманом и хитростью. Как может божество принять дар предательства, принесенный тайком, ночью, без жрецов и обряда?

Он успокаивал мессенцев, как мог. Велел поставить деревянные треножники вокруг жертвенника. И сказал жрецам, чтобы они делали свое дело.

— Будем считать, что ничего не случилось.

Но тут произошло что-то непостижимое. Жрец Офионей, который был слепым с детства, вдруг прозрел. Говорят, что перед этим у него сильно болела голова.

Жрец Эпебол напомнил о давнем пророчестве: «Бог подаст тебе славу войны, но думай, да коварно враждебная хитрость Спарты не превзойдет тебя обманом...»

Все слушали не переводя дыхания, когда Эпебол начал читать старую дельфийскую табличку.

Да. Хитрость Спарты превзошла их обманом!

«...Ибо Арей понесет славные их доспехи...»

Арей, бог войны, будет помогать Спарте. Значит, теперь Спарта обязательно победит!

«...и венец стен обнимет горьких обитателей...» Это они, мессенцы, горькие обитатели итомских стен!

«...Когда двое, судьбою, разверзнут темный покров...» Вот оно! Двое разверзли темный покров — прозревшие глаза Офионея!

Предсказание сбылось. Теперь надо ждать гибели. Боги не ошибаются.

Это так. В Дельфах ошибались редко. Ведь там знали все, что происходит в стране: все народы Эллады несли жрецам свои горести и радости и свои тайны. А когда у дельфийских жрецов не было уверенности в том, какой дать совет, они давали его с двойным смыслом — можешь так толковать прорицание, а можешь иначе. Если прорицание не сбудется — сам виноват. Значит, неправильно истолковал божье слово.

Поэтому в Дельфах обманывать не боялись.

Смерть Аристодема

Вскоре еще одно зловещее предзнаменование поразило мессенцев. В Итоме стояла медная статуя богини Артемиды со щитом в руке. И случилось так, что этот щит отвалился и упал на землю.

— Артемида бросила щит! — в ужасе повторяли мессенцы. — Она больше не защищает нас! Близится наша судьба, предсказанная богами...

Аристодем, глубоко опечаленный, решил умилостивить богов, принести жертву Зевсу.

Жрецы совершили обряд жертвоприношения, зажгли на жертвеннике огонь. Бараны, приведенные для жертвы, смирно стояли рядом. Но, когда их хотели подвести к жертвеннику, чтобы пролить в огонь их кровь, бараны словно взбесились. Они начали биться рогами о жертвен-

ник и до тех пор бились, пока не упали мертвыми.

В глубоком и тяжелом молчании разошлись мессенцы по домам.

— Бог не принял жертвы. Защиты нет. Бороться бесполезно. Зевс на стороне Спарты: ведь они первыми положили треножники!..

Однажды ночью по всей Итоме вдруг завыли собаки. Пораженные мессенцы вышли из домов. Они увидели, что собаки собрались в стаю и воют на залитой лунным светом площади. К утру они умолкли и ушли из города. Пастухи, пасшие стада на склонах горы, следили за ними — куда пойдут собаки?

Собаки ушли по дороге в Лаконику. Они покинули Мессению.

Это странное, тяжелое предзнаменование лишило мессенцев последних надежд. Они забыли о том, как побеждали спартанцев в боях, как гнали их до самой Лаконской границы... Уже ничто не могло вернуть им отвагу.

И Аристодем не выдержал, мужество его сломилось. Он больше не мог успокаивать и ободрять народ, потому что пал духом и почувствовал себя бессильным. Поддержать его было некому.

Жрец Эпебол, так и оставшийся до конца враждебным ему, словно радовался, что такие страшные, угнетающие дух приметы одна за другой являлись в Мессении. И кто знает, не с его ли помощью вошел в храм Зевса Итомского спартанец со своими глиняными треножниками?

Аристодем, как и все древние греки, верил в сны, верил, что это боги предупреждают о чем-нибудь человека или предсказывают его участь. Он жил в эти дни с глубоко омраченной душой. И не удивительно, что ему приснился зловещий сон.

Аристодему снилось, что он собирается на войну. Он надел свой медный шлем с красным султаном, надел панцирь, пристегнул меч, взял копье и щит... На столе перед ним лежали внутренности животного — он должен сейчас принести жертву.

Вдруг явилась его дочь. Она распахнула черные одежды и молча указала на свою рассеченную отцовским мечом грудь. Потом сбросила со стола то, что было приготовлено для жертвы, отняла у Аристодема оружие... Вместо шлема надела ему на голову золотой венец и вместо панциря накинула ему на плечи белый плащ.

Аристодем проснулся в ужасе и тоске. Смерть его близка — в белых одеждах и в золотом венце погребают мессенских царей.

Вскоре ему сообщили, что жрец Офионей снова ослеп. Эпебол тотчас напомнил мессенцам предсказание пифии:

«...двое, судьбою, разверзнут темный покров и вновь сокроются...»

— Предсказание исполнилось! — зловещим голосом повторял жрец,— теперь, мессенцы, ждите гибели!

Аристодем не мог больше бороться. После того сна, когда дочь молча упрекнула его в своей смерти, он не находил покоя. Как-то ночью, когда его никто не видел, он пошел на могилу дочери. Ударил себя кинжалом в сердце и умер.

Аристодем царствовал шесть лет и несколько месяцев. И так же, как царь Эвфай, все время своего царствования боролся со Спартой, защищая отечество.

Изгнание

Народ мессенский, узнав о смерти Аристодема, пришел в отчаяние. Самый лучший их военачальник умер. Что делать? Собрались на совет. Собрание было тихим, печальным. Многие так пали духом, что готовы были сдаться на милость врагов.

Но еще больше было тех, которые не могли себе представить, что будут рабами Спарты.

На этом совете мессенцы выбрали уже не царя, а полководца, военачальника. Военачальником выбрали Дамиса и дали ему неограниченную власть. Дамис взял себе в помощники Клеониса и Филея, людей отважных и сведущих в военном деле.

Тем временем к Итоме подошли спартанские войска и осадили город. Дамис велел запереть ворота.

— Сдавайтесь! — кричали спартанцы.— Все равно вы рабы! Сдавайтесь, илоты!

Дамис собрал всех, кто еще мог воевать. Но силы мессенские были невелики, и надежды на победу не оставалось. К тому же кончались хлебные запасы и мессенцам грозил голод.

Несмотря на всю эту безнадежность, у мессенцев хватило мужества выдерживать осаду почти пять месяцев. К концу года, чтобы не умереть голодной смертью, они сдались и оставили Итому. Мессенского государства не стало. У мессенцев больше не было отечества.

Спартанцы, победив, прежде всего разорили Итому, раскидали ее стены и дома до основания.

Мессенский народ во множестве уходил из Мессении. Мессенцы пахали и возделывали свою землю, когда были свободными. Но пахать и возделывать ее, будучи в рабстве у Спарты, они не хотели. Уходили в Сикион, в Аргос, в Аркадию, где могли их принять друзья или родственники. Мессенские жрецы Эпебол и Офионей ушли в Элевсин.

Спартанцы тем временем заняли все мессенские города. Разграбив Мессению, они захватили большую, богатую добычу. В Лаконике, недалеко от Спарты, в местечке Амиклы у них было святилище Аполлона Амиклейского. Там стояла статуя Аполлона — высокий, гладко отесанный столб с маленькой головой и висящими по бокам прямыми руками. В знак благодарности они поставили своему Аполлону три больших медных треножника.

Теперь спартанцы хозяйничали на всей мессенской земле. Тех мессенцев, которые остались в Мессении, Спарта принудила принести клятву, что они никогда не отпадут от Лаконики и никакой войны не предпримут. Пашни и сады им оставили. Но половину урожая их полей и садов было приказано отправлять в Спарту. А если умирали спартанские цари или полководцы, мессенцы должны были надевать черную одежду и оплакивать своих господ... А это было для мессенцев тяжелым унижением.

Собаки собрались в стаю и к утру ушли из города.

ВТОРАЯ МЕССЕНСКАЯ ВОЙНА

Аристомен — герой Эллады

Снова открываю старые книги, и с их пожелтевших страниц, сквозь строчки старинного шрифта, встает образ Аристомена — героя древней Эллады, озаренный легендами, увенчанный славой побед и славой страданий. Вот он стоит передо мной, подняв копье и заслонившись щитом, на котором от края до края раскинул широкие крылья орел.

Прошло около сорока лет в печали и рабстве мессенской земли. Мессенцы терпели нужду, когда, отдав Спарте половину всего урожая, не знали, как дожить до следующей жатвы.

Но еще тяжелее было гордым потомкам дорян бремя обид, бремя унижений. Мессенцы ненавидели Спарту, и ненависть эта не утихала, но все больше росла. Однако рабству не предвиделось конца, и никакого исхода из этого тяжелого положения не было. А кроме того, мессенцев держала клятва не отпадать от Спарты и не замышлять новых войн. Значит, надо молча терпеть, молча ненавидеть и умирать в рабстве.

Так думали старые мессенцы, когда-то проигравшие свою последнюю битву на Итоме.

Но совсем иначе думала подросшая за эти годы мессенская молодежь. То в одном месте страны, то в другом собирались молодые мессенцы и вели строптивые речи.

— Неужели мы всю жизнь должны быть, как ослы под ярмом? Разве не лучше умереть в сражении за свободу, чем жить в бесславном рабстве? Мы клятвы Спарте не давали!

Особенно гордой и воинственной была молодежь в городе Андании. И самым отважным, самым решительным среди них был светлокудрый, синеглазый Аристомен.

Разговоры привели к делу. Аристомен, а с ним и вся молодежь Андании задумали поднять восстание против Спарты. Постепенно к ним присоединились и молодые мессенцы из других городов. Опасаясь неудачи, они действовали осторожно, соблюдая строгую тайну.

Сначала Аристомен потихоньку отправил посланцев в Аргос и в Аркадию.

— Будете ли вы помогать нам так же решительно и неизменно, как помогали нашим отцам в первой войне?

И аргивяне и аркадяне живо отозвались на это. Да, они будут помогать мессенцам насколько хватит их сил.

И Мессения восстала.

Это было на тридцать девятом году после гибели Итомы. А по нашему летосчислению — в 685 году до новой эры. Так началась вторая Мессенская война.

Пастухи, пасшие стадо на склонах горы, следили, куда пойдут собаки.

В Спарте тогда были царями Анаксандр, внук Полидора, и Анаксидам, правнук Феопомпа.

Пока союзники мессенцев собирали войска, Аристомен со своим отрядом уже сразился со спартанцами. Битва произошла на мессенской земле, возле местечка Деры.

В этом сражении победа не досталась ни тем, ни другим. Спартанцы, захваченные врасплох, растерялись. Их ошеломил Аристомен своей боевой стремительностью, своей безудержной отвагой, дерзостью нападения и силой удара.

«Об Аристомене рассказывают, что он совершил подвиги бо́льшие, чем возможно одному человеку...» — говорил древний писатель Павсаний в истории о второй Мессенской войне.

Отряд Аристомена не победил в бою. Но ведь и Спарта отступила. Это сразу придало мужество мессенцам. Чтобы теснее объединиться, им нужен был вождь, царь. И мессенцы решили сделать царем Аристомена.

Но Аристомен отказался, ему не нужно было царской власти. Он хотел только одного — освободить отечество. Тогда его избрали полководцем и дали ему полную власть военачальника.

Скоро стало известно, что имя Аристомена в Лаконике произносят с ужасом. Этого и хотел Аристомен. Пусть знают, что и в Мессении есть люди, с которыми сражаться опасно. Пусть имя Аристомена заставит и в будущем трепетать его врагов.

Чтобы еще больше привести в смятение спартанцев, Аристомен однажды ночью пришел в Лаконику и проник в самую Спарту. В Спарте среди других храмов стоял храм Афины Халкиойкос — меднозданной. Меднозданной она называлась потому, что и храм и статуя были сделаны из меди. Вот перед этим-то храмом Афины Халкиойкос он и положил отнятый в бою спартанский щит. И оставил надпись:

«БОГИНЕ ДАР, ОТНЯТЫЙ
У СПАРТАНЦЕВ».

Утром жрецы увидели щит и надпись. Это сейчас же стало известно во всей Спарте. Аристомен был здесь — и его никто не видел! Аристомен явился во вражеский лагерь — и ушел невредимым!

Это поразило и напугало спартанцев.

Что делать?

Спарта давно перестала беспокоиться из-за Мессении. Так долго, почти сорок лет, молчал этот народ, так долго подчинялся и терпел свою рабскую долю.

И вот — опять война! Мессенцы воспрянули. Они сразу перестали подчиняться Спарте. И у них уже есть войско. И у них есть полководец, каких давно не видали в Пелопоннесе!

Что делать?

Ничего другого, как идти в Дельфы за советом.

Прошло положенное время, и Спарта получила ответ божества:

«ПРИЗВАТЬ АФИНЯНИНА
В СОВЕТНИКИ».

Спартанцы отправились в Афины:

— Дайте нам мудрого человека для советов. Божество повелело сделать это.

И показали табличку с изречением пифии.

В Афинах задумались. Послать в Спарту ка-

кого-нибудь уважаемого гражданина афиняне не хотели. Дать умного, знающего толк в военных делах и стратегии человека — только усилить и без того самое сильное в военном деле государство!

Проще всего было вообще отказать Спарте. Но повеление бога надо выполнять.

Тогда они решили послать в Спарту Тиртея, скромного афинского учителя, обучавшего грамоте детей. Человек небольшого ума, да еще и хромой — много ли от него проку Афинам? И Спарте помощь от него будет невелика, мудрых советов спартанцы от него не дождутся!

Нет, не дождутся!

Так думали афиняне, отправляя в Спарту Тиртея. И очень крупно ошиблись. Тиртей оказался талантливым поэтом, он писал песни и сам пел их. Сначала Тиртей пел свои песни в доме спартанского царя и в домах знатных спартанцев во время вечерних бесед, после позднего обеда. Потом стал петь для всех, кто приходил его послушать.

Он сочинял элегии, анапестические песни, солдатские песни. Он сочинял песни для празднеств, и спартанцы охотно пели их во время процессий.

Особенно нравились им солдатские песни.

«Песни спартанцев пробуждали мужество,— рассказывает древний писатель Плутарх,— звали к борьбе, прославляли счастливую участь погибших за родину и срамили трусов».

«...Сладко ведь жизнь потерять, среди
воинов доблестных павши,
Храброму мужу в бою ради отчизны
своей!..»

Солдатские песни Тиртея назывались «эмбатериями». Спартанцы пели их перед сражением под звуки флейт. И слова этих песен были именно теми «возбуждающими мужество и зовущими к борьбе», которые так нужны в этот час солдатам. Он сочинял песни хвалебные при победах. При неудачах запевал песню подбадривающую, поднимающую дух. И, пожалуй, ни один государственный вельможа не помог бы Спарте своими советами так, как помогал своими вдохновенными песнями хромой учитель Тиртей.

Тиртей всей силой таланта служил Спарте. И не только о сегодняшних делах и победах Спарты пел Тиртей. Но вспоминал и ее славное прошлое, о том, как воевала Спарта и как побеждала.

Спартанцы любили, когда их восхваляли, и любили восхвалять себя сами.

Прислушайтесь — у них праздник, у них поют три хора. Поют старики, мужчины и мальчики.

Прислушайтесь!

Старики. Когда-то были мы могучи и сильны.

Мужчины. А мы сильны теперь: не веришь — испытай!

Мальчики. Но скоро станем мы еще сильнее вас!

Спарта непобедима. Никто не поднимет головы, если Спарта положила на нее свою железную руку.

И вот — Аристомен!

Аристомен, мессенец, спартанский илот, поднял голову и грозит войной.

Битва при «Могиле кабана»

Решающая битва произошла около города Стениклара.

Целый год готовилось это сражение. Спартанцы ждали союзников из Коринфа.

К Аристомену собирались союзники Мессении. Из Аркадии спускались в долину уже испытанные в битвах и в дружбе многочисленные отряды. К аркадянам присоединились илийцы.

Спешила к Аристомену помощь из Аргоса и Сикиона. Прибыли к нему сыновья и внуки тех мессенцев, которые когда-то ушли из родной страны, не желая быть рабами Спарты. Даже внуки убитого мессенцами мессенского царя Андрокла — Финта и Андрокл вооружились и встали в строй. Любовь к родине была сильнее, чем кровная обида, нанесенная их семье.

Пришли к Аристомену и жрецы из Элевсина. Эпебола и слепого Офионея уже не было в живых. Пришли те, кто по наследству совершал таинства богинь в Элевсинском святилище. Жрецы неизменно вмешивались во все государственные дела своей страны и участвовали во всех войнах. Они не сражались с копьем в руке. Но их речи, призывающие к победе, часто делали больше, чем копье самого отважного воина.

Прошел год после битвы при Дерах. И снова спартанцы и мессенцы стояли друг против друга с оружием в руках и с ненавистью в сердце.

Во главе спартанских войск стоял царь Анаксандр. Во главе мессенцев стоял Аристомен, полновластный полководец. И рядом с ним — внуки царя Андрокла: Финта и Андрокл.

Вокруг Аристомена собралось восемьдесят человек. Это были самые лучшие, самые отважные и пылкие воины. Все они были молодые, одного возраста с Аристоменом. Все они хотели сражаться рядом с Аристоменом, у него на глазах, хотели, чтобы он видел их отвагу и готовность умереть за родину.

Аристомен со своим отрядом сразу встал против Анаксандра и лучших воинов Спарты, которые так и рвались прославиться в этом бою.

Войско Аристомена стояло тесно, плечом к плечу. В этот час воины все были дороги друг другу — ведь в какой-то мере от каждого из них зависела победа общего дела. И все вместе они не сводили глаз с Аристомена, боялись пропустить момент, когда он даст знак начинать битву.

И вот знак дан. Противники бросились друг на друга. Спартанцы, как всегда, бились отважно, уверенно и умело. Но мессенцы дрались с отчаянной яростью, они не щадили себя, не замечали ран и не страшились смерти. И вот случилось необычайное — мессенцы опрокинули своего неизмеримо сильнейшего врага!

Аристомен в счастливом азарте победы преследовал бегущих врагов. Он гнался за ними по широкому полю, и редко кто уходил от его копья.

Но тут опять — как рассказывает легенда — вмешались боги.

Далеко среди поля стояла дикая груша. Аристомен, преследуя спартанцев, бежал по направлению к ней.

— Не бежать около груши,— крикнул вслед Аристомену жрец Феокл,— там сидят Диоскуры [1]!

Братьев Диоскуров—Кастора и Полидевка—эллины чтили как богов, верили, что Диоскуры защищают людей от всех опасностей и дома и на чужбине.

Но на мессенцев Диоскуры разгневались, мессенцы оскорбили их. А было это так.

В Спарте справляли праздник Диоскурам. После положенных обрядов и жертвоприношений спартанцы начали игры и состязания. Двое мессенских юношей из Андании, Панорм и Гонипп, вздумали нарядиться Диоскурами. Они нарядились в белые хитоны, накинули сверху пурпурные хламиды, на свои кудрявые головы надели маленькие круглые шапочки. А потом сели на коней и с копьями в руках явились к спартанцам на праздник.

Спартанцы сразу поверили, что это сами Диоскуры явились к ним. Они бросились перед «братьями» на колени, стали молиться. А Панорм и Гонипп принялись их бить копьями. Перебили спартанцев сколько могли и ускакали обратно в Анданию.

И вот теперь Феоклу показалось, что на дереве сидят братья Диоскуры, которые готовы мстить мессенцам.

Аристомен не слышал, что кричал ему Феокл. А мстительные Диоскуры, сидевшие на груше, вырвали у Аристомена щит и забросили куда-то.

Возможно, что на дереве сидел спартанский воин, возможно, что Аристомен зацепился щитом за корявые ветки груши и щит вылетел у него из рук. Но Аристомен не сомневался, что щит отняли Диоскуры.

Потерять щит в бою было для эллинов великим позором. Поэтому Аристомен бросился его искать. А пока он искал щит, лаконцы, которых он преследовал, убежали.

Поражение ошеломило спартанцев. Неистовая отвага Аристомена, его необычайное геройство напугали их до того, что они уже не решались начать новую битву. Они готовы были сложить оружие и больше не трогать Мессению.

Но тут опять поднял свой голос хромой Тиртей.

— Не теряйте мужества! — повторял он всюду, где появлялся.— Если войско ваше сильно поредело, пошлите в бой илотов, пусть они заменят тех, кто уже не встанет с поля сражения и не возьмет оружия!

Он повторял это и в солдатских песнях и в элегиях.

«...Вражеских полчищ не бойтесь, не ведайте страха! Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов...»

Песни Тиртея помогли спартанцам воспрянуть духом. Тиртей прав, надо сделать так, как он говорит, собрать отряды илотов и с новой силой напасть на Мессению. Вслед за поражением придет победа!

И снова в Лаконике поднялись воинственные разговоры и забряцало оружие. Вот какую огромную услугу оказали Спарте афиняне, послав к ним человека, у которого, по их мнению, было очень мало ума.

А в Мессении ликовали. И когда Аристомен после победы возвратился в Андáнию, женщины осыпали его цветами и лентами. И всюду, по всей Мессении неслась торжествующая песня:

«...Вниз — по долинам градским Стениклара,
вверх — по вершинам,
Аристомен их гонял, Спарты трусливых
бойцов!..»

Щит Аристомена

Аристомен обошел все поле в поисках своего щита и не нашел его. Щит исчез. Значит, щит похитили Диоскуры — Кастор и Полидевк. Что теперь делать, Аристомен не знал. Потеряв щит, воин терял свою честь.

Жрецы повели Аристомена в святилище.

[1] Диоскуры—в древнегреческой мифологии герои-близнецы, сыновья бога Зевса. Спартанцы считали Диоскуров защитниками государства.

Без своего щита, который был известен всему войску, Аристомен не мог пойти в сражение.

И он отправился в Дельфы за советом: что ему сделать, чтобы вернуть свой щит?

Пифия приказала ему идти в Беотию и там, в святилище Трофония, отыскать щит.

Покорный воле богов, Аристомен отправился в Беотию, в святилище Трофония. Здесь, около горы, где находилось подземное святилище, дымились жертвенники, толпился народ, тревожно блеяли привязанные в стороне жертвенные бараны. У главного алтаря лежал только что зарезанный баран. Жрец вынул его внутренности, положил на алтарь и принялся их рассматривать, стараясь угадать волю Трофония...

Аристомен постоял в толпе, посмотрел, как приносится жертва. Потом пошел бродить вокруг святилища, присматриваясь, не лежит ли где-нибудь его большой, окрыленный орлом щит. Щита не было. Тогда он решил, что прежде всего ему тоже нужно принести жертву, и пошел приглядеть барана.

Между тем зоркие глаза жрецов приметили его. Один из них подошел к Аристомену:

— О чем ты хочешь просить Трофония?

— Я пришел искать у Трофония мой щит,— ответил Аристомен,— мой щит, на котором орел с раскинутыми крыльями.

Жрец велел Аристомену отойти от баранов.

— Жертва будет потом. Сначала — очищение.

Жрец повел его в какое-то здание, стоявшее у самой горы.

— Это храм Доброго Демона и Доброй Тихи,— сказал жрец.— Здесь ты проведешь несколько дней. Отдыхай. Теплой водой не мойся, но можешь купаться в нашей речке Эркине. Голодать не придется. У нас не одному Трофонию приносятся жертвы, но и Кроносу, и Зевсу, и Гере, и Деметре... Мяса довольно. А когда отдохнешь и очистишься, будешь достоин того, чтобы войти в святилище. Там ты найдешь свой щит.

Проходили дни, непривычно тихие, однообразно спокойные. Сначала Аристомену показалось, что он попал в какой-то счастливый мир, где не нужно ни воевать, ни тревожиться, где можно отдохнуть от всяких забот. Но уже на второй день он принялся нетерпеливо ходить взад и вперед в своем безмолвном жилище. Усталость прошла быстро, как бывает всегда у молодых и сильных людей. Его уже охватывали нетерпение и тревога. А может, пока он сидит здесь и бездействует, спартанцы идут в Мессению, а мессенцы в отчаянии ждут и зовут Аристомена!

Уйти? Но как уйдешь без щита? Боги отняли его щит. У богов он должен попросить его обратно.

Дни тянулись невыносимо медленно. Аристомен вставал до зари, смотрел на небо, на вершины гор. Ждал, когда упадет на них первый солнечный луч. Ел жертвенное мясо. Ходил купаться в холодной горной речке Эркине. Вечером глядел, как меркнет лучистое небо, как темнота поднимается снизу и понемногу застилает все дневные краски и отсветы. И, увидев первую звезду в черном небе, думал:

«Наконец день прошел. Еще один. Может, это случится сегодня ночью?»

В эти дни тишины и одиночества опасные мысли мучили Аристомена. Если на груше сидели Диоскуры, почему он не видел их? Может, кто-то другой, просто хитрый человек, чтобы спасти бегущих спартанцев, вырвал у него щит и унес? Ведь было уже темно, а глаза Аристомена застилали ярость и жажда мести. Может, здесь его держат жрецы, чтобы дать Спарте собраться с силами? Он уже и раньше замечал, что даже в Дельфах есть кто-то, кто помогает Спарте...

Аристомен гнал от себя эти мысли, они пугали его. Диоскуры могут угадать, о чем он думает, и наказать его еще сильнее.

Но вот наступил наконец тот ночной час, когда к Аристомену пришли два мальчика лет по тринадцати. Они молча вымыли Аристомена, намазали его тело елеем. Помогли одеться. И все время служили ему, как маленькие расторопные слуги.

Потом явились жрецы. Аристомен волновался, но спокойно и свободно шел за жрецами туда, куда они его вели.

Аристомен много слышал о святилище Трофония. Говорили, что тот, кто побывал в подземном храме, возвратившись на поверхность земли, становился почти безумным. Но что они видели там, никто не знал: рассказывать было запрещено. И вообще было опасно нарушать порядки этого святилища. Все помнят, что случилось с одним копьеносцем, который вздумал спуститься туда без всяких обрядов. Он полез под землю не для того, чтобы поклониться божеству, но просто решил награбить там сокровищ. Этот копьеносец спустился в святилище, а назад уже не вернулся. Его мертвое тело оказалось выброшенным оттуда. Жрецы умели заставить народ почитать своих богов.

Жрецы вели Аристомена. Большие лучезарные звезды озаряли небо, казалось, они лежат и мерцают в траве на склонах гор. От их сияния еще чернее была тьма в ущельях.

Аристомен незаметно оглядывался по сторонам, стараясь отгадать, в какую из этих расщелин горы они будут спускаться. Ему было не по себе. Война, бой с врагом, которого ненавидишь,— тут страху места нет. Но подземное святилище бога, о котором люди даже рассказать не смеют,— это совсем иное... Аристомен не искал бы такого общения с богами. Но щит! Он не может вернуться без своего щита!

Аристомен ожидал увидеть щель, где таится вход к Трофонию. Но жрецы привели его к источникам. Их было два, они журчали и лунно сверкали среди камней.

Жрецы подвели Аристомена сначала к одному источнику и велели напиться из него.

— Выпей воды из Леты, реки забвения. Ты забудешь все свои горести.

Аристомен наклонился и достал воды из Леты. Вода была холодная, капли с ковша падали и сверкали, как хрусталь.

Потом жрецы подвели его к другому источнику.

— Выпей воды Мнемозины, памяти, и ты запомнишь все, что увидишь под землей.

Аристомен выпил и этой воды. Жрецы повели его в густую рощу, которая росла у подножия горы. Здесь, среди черных узоров листвы, он увидел статую. Кто это был — божество или герой, Аристомен не разглядел. Ему велели поклониться этой статуе и помолиться перед ней. Аристомен поклонился и помолился.

После этого жрецы надели на него белоснежный льняной хитон, опоясали его шелковыми лентами. И, наконец, повели в святилище. Аристомен шел среди них, сам похожий на молодого бога со своей твердой поступью, величавой осанкой, с клубящимися светлыми кудрями на голове.

Жрецы шли куда-то в обход горы. Вскоре в темноте смутно забелела невысокая мраморная ограда. Свет луны теплился на остриях медных прутьев, венчающих ограду, и на переплетах медных ворот.

Они тихо вошли в эти ворота и вступили в квадрат небольшого, освещенного луной двора. И тут Аристомен увидел в скале таинственную черную пещеру. Пещера шла вглубь, и ступенек туда не было.

Жрецы дали Аристомену узкую лестницу. Дали несколько лепешек с медом. С этими лепешками он должен был спуститься в святилище.

Аристомен сделал все так, как его учили жрецы. Спустился по лестнице вниз, на дно пещеры. Там он увидел щель в две пяди шириной и в одну пядь высотой, которая чернела между полом и стеной пещеры. Это был вход в святилище.

Аристомен с медовыми лепешками в руках постоял в замешательстве перед этой щелью. Как он влезет туда, такой высокий и широкоплечий? А потом лег на пол, всунул ноги в отверстие, протиснул колени... И вдруг, сам не зная как, прижав лепешки к груди, соскользнул вниз.

Обратно он явился тем же путем, ногами вперед. Жрецы ждали его. Они тотчас подхватили Аристомена на руки и вынесли из пещеры. Аристомен еле сознавал, что с ним происходит, еле помнил себя.

Его посадили на «трон Мнемозины», трон памяти, в кресло, которое стояло недалеко от святилища. И тут долго расспрашивали о том, что он видел и что слышал в подземном святилище.

Что рассказал жрецам Аристомен, неизвестно. Он никак не мог прийти в себя. Тогда его снова отвели в храм Доброго Демона. Здесь он отдохнул, глаза его снова заблестели голубым огнем, и на устах появилась улыбка. Он снова был на земле, снова увидел солнце, и сквозистую рощу олив, и сияние снегов на вершинах гор...

Жрецы дали ему стилос и дощечки для письма. Аристомен написал на этих дощечках все, что он видел и слышал в святилище.

Теперь он мог уйти.

— Иди с миром,— сказали жрецы.

И принесли ему его щит с орлом, распростершим крылья. Аристомен сразу выпрямился, когда щит оказался у него в руках. Снова могучая сила заиграла в его мускулах, а душа наполнилась отвагой.

Скорее в Мессению!

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

В. ЛЁВШИН

Диссертация рассеянного магистра

Если в январском номере вы читали рассказ Магистра рассеянных наук, то, наверное, заметили там ошибки. Сегодня члены Клуба Рассеянного Магистра разбирают эти ошибки.

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

ШЕСТОЕ ЗАСЕДАНИЕ КРМ

должно было состояться за городом. Рано утром члены клуба собрались у пригородных касс Казанского вокзала. Отправиться решили на 42-й километр, где, по сведениям Севы, расположен большой сосновый бор.

— По ошибкам Магистра огонь! — скомандовал Сева, едва мы устроились на лужайке.— Слово предоставляется мне. Первая ошибка Магистра состоит в том, что, обратившись к астрономии, он «попал пальцем в небо». Ведь Зодиак вовсе не созвездие, а совокупность двенадцати созвездий. Они образуют небесный пояс, по которому Солнце путешествует в течение года, вернее, нам кажется, что оно путешествует. И в каждом из двенадцати созвездий оно задерживается ровно один месяц. А «зодиак» по-гречески значит «звериный круг».

— Ой! — обрадовался Нулик.— Прямо небесный зоопарк!

— Ничего удивительного,— объяснил Сева.— В древности людям казалось, что некоторые созвездия напоминают то льва, то рыбу, то скорпиона... Отсюда и названия «Овен» (то есть овца), «Телец», «Рак», «Лев», «Скорпион», «Рыбы»...

— А в каком из созвездий Зодиака находится звезда Проксима? — спросила Таня.

— В том-то и дело, что ни в каком,— усмехнулся Сева.— Проксима входит в созвездие Центавра, которое не имеет к Зодиаку никакого отношения.

Проксима маленькая, еле заметная звездочка. Вероятно, поэтому Магистр сказал, что она самая далекая. На самом деле Проксима среди звезд — наша ближайшая соседка. Недаром «проксима» по-гречески и значит «ближайшая». И свет от нее идет к нам не миллиарды лет, как утверждал Магистр, а всего примерно четыре с четвертью года.

Нулик только свистнул.

— Вот так «ближайшая»! Сколько же до нее километров?

— А ты сосчитай,— поддразнила Таня.— Как известно, свет за одну секунду пробегает 300 000 километров. Сколько же километров проделает он за четыре с четвертью года?

— Для сравнения не мешает тебе знать,— добавил Сева,— что от Солнца до нас всего каких-нибудь 150 миллионов километров, и свет пробегает этот путь за 8 минут.

— Вот именно, за 8 минут,— подхватила Таня,— а не за 8 секунд, как думает наш рассеянный математик...

— Не пора ли нам, однако, приземлиться,— вмешался Олег,— и перейти к разбору магистрова дома!

— Не успел человек построить дом, а его уже разбирают,— сострил Нулик.

Таня засмеялась:

— Кто ж виноват, что строитель запутался в трех соснах?

— Что — в трех! Он даже в двух запутался,— добавил Сева, никогда не упускавший возможности скаламбурить.— Ведь Магистр утверждает, что можно построить не только трехстенный, но и двухстенный дом.

— К счастью, он отказался от своей мысли,— сказала Таня,— поэтому займемся наконец трехстенным домом. Единичка, конечно, была права, когда говорила, что именно медиана, а не средняя линия делит пополам площадь треугольника.

— Медиана! Средняя линия! — негодовал Нулик.— Нельзя ли выражаться яснее?

Таня подобрала несколько прутиков, выложила треугольник, а потом проложила прутик из одной вершины треугольника до середины противоположной стороны.

— Вот это и есть медиана треугольника,— сказала она.

— Ага,— сообразил Нулик,— выходит, таких медиан можно провести в треугольнике три, из каждой вершины по одной.

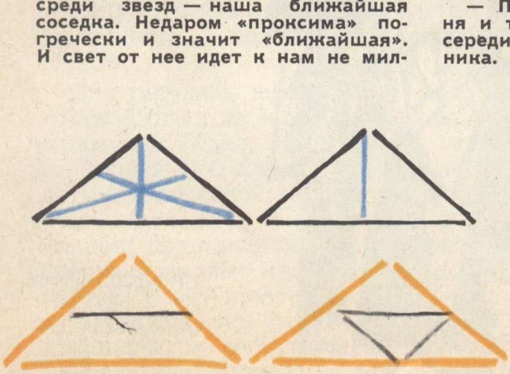
— Правильно,— подтвердила Таня и тем же прутиком соединила середины двух сторон треугольника.

— А это уж средняя линия! — догадался Нулик и тут же сам проложил две другие средние линии в треугольнике.

— Как видишь, ничего трудного,— сказала Таня.— Тогда продолжим. Магистр спутал равные треугольники с равновеликими. Ведь равные треугольники, если их наложить один на другой, обязательно совпадут, а для равновеликих это совсем не обязательно. Обязательно у них должны быть равны только площади. А теперь, Нулик, думаю, ты и сам докажешь, что не средняя линия, а именно медиана делит треугольник на два равновеликих.

Президент был польщен, но отложил доказательство до другого раза.

Нам предстояло еще разобраться в самом запутанном вопросе — о наскальных надписях, которые Магистр читал так, а Единичка почему-то этак. Кто же из них был прав?

Таня подобрала несколько прутиков и выложила треугольник.

А «зодиак» по-гречески значит «звериный круг».

На этот раз объяснять пришлось мне.

— Вся штука в том, что Магистр и Единичка читали наскальные числа в разных системах счисления. Магистр — в десятичной, а Единичка — в двоичной, то есть так, как было нужно.

— И как только она догадалась? — удивился Сева.

— На то она и Единичка,— ответил я, не моргнув глазом.

— А что прикажете делать нам, простым смертным?

— Хорошо,— сжалился я.— Давайте разберемся. По-моему, сами названия говорят о том, что в десятичной системе участвуют все 10 цифр, а в двоичной — только две. Как мы записываем числа в десятичной системе? Мы разбиваем их на разряды. Разряд единиц, разряд десятков, сотен, тысяч и так далее. При этом каждый следующий разряд в 10 раз больше предыдущего. Вот, например, число 425. Что это такое? Это сумма пяти единиц, двух десятков и четырех сотен. Значит, это число можно написать и так:

$$4 \cdot 100 + 2 \cdot 10 + 5 = 425$$

А если вспомнить, что 100 равно десяти в квадрате, десять равно десяти в первой степени и, наконец, единица равна десяти в нулевой степени (ведь всякое число в нулевой степени равно единице), то число 425 может быть записано и так:

$$4 \cdot 10^2 + 2 \cdot 10^1 + 5 \cdot 10^0 = 425.$$

Точно так же записываются числа в двоичной системе, только место десятков здесь занимают двойки в тех же степенях. Так, число, которое в десятичной системе читается как десять, в двоичной читается как два. Ведь в этой системе

$$10 = 1 \cdot 2^1 + 0 \cdot 2^0, \text{ то есть } 2.$$

А число 110 в десятичной системе не что иное, как 6 в двоичной системе:

$$110 = 1 \cdot 2^2 + 1 \cdot 2^1 + 0 \cdot 2^0, \text{ то есть } 6.$$

Ну, а теперь вы и сами разберетесь в разночтениях Магистра и Единички...

— Забавная система,— сказал Сева.

— Не только забавная, но и полезная. Ты ведь уже знаешь, что

(Продолжение смотри на 74-й странице.)

ВСТРЕЧИ С ТРЕМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ

Лошадь спасла шахтеров

Однажды утром сорок шахтеров из испанской провинции Овиедо ехали автобусом на работу. В одном месте дорога проходила через узкий туннель. На этот раз вход в туннель оказался загороженным возом и лошадью булочника. Невзирая на понукания и крики возницы, лошадь не хотела идти в туннель и тревожно ржала. И напрасно сигналил клаксоном водитель автобуса, напрасно кричали сорок его пассажиров, боявшиеся опоздать на работу. Лошадь упрямо стояла на месте.

Неожиданно в туннеле раздался грозный грохот, и из него повалили клубы пыли. Когда пыль рассеялась и шахтеры попытались войти в туннель, они увидели, что он совершенно завален камнями. Если бы автобус туда въехал, погибли бы все.

В награду за спасение шахтеры решили взять умную лошадь под свое покровительство, когда она не сможет уже развозить хлеб и «выйдет на пенсию».

ПЕРНАТЫЕ ЛИДЕРЫ

Жакотт родилась в Африке. Ее сосед по клетке Ито — на берегу Амазонки. Они оба — лидеры мирового чемпионата говорящих птиц, проходившего в 1967 году. У Жакотт первое место, Ито — на втором.

Их хозяин и тренер парижский адвокат Рауль Урс глубоко убежден, что птицы очень сообразительны и способны понять, чего от них хотят.

— Этих двух попугаев я начал воспитывать птенцами,— говорит он,— и обращался с ними, как с детьми. Один урок в день, не дольше чем четверть часа. Занятия птицам нравились. Каждое слово я иллюстрировал предметом или жестом, который оно обозначает. Так, с помощью зерен я научил Жакотт считать до десяти.

Жакотт не только говорит по-французски. Она поет «Марсельезу», песенку «Встреча во дворе» и знает несколько английских слов. Недавно Жакотт и Ито выступали по радио с необычной программой. Жакотт, как более смелая, отдавала приказания, а Ито выполнял их.

— Ито, что делает котенок?

Ито мяукал.

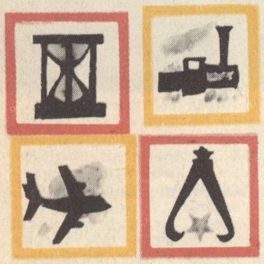
— Теперь спой, как канарейка. А теперь, как голубь...

Ито беспрекословно подчинялся.

ГОРОД ПОД ВОДОЙ

В XVII веке на острове Ямайка вырос крупнейший в западном полушарии город — Порт Рояль. Построил его знаменитый пират Генри Морган, грабивший испанские владения на Карибском море. В 1692 году пиратский город был разрушен землетрясением и затоплен водой — по мнению суеверных островитян, его постигла «божья кара».

Не так давно археологи нашли на морском дне тысячу восемьсот домов бывшего Порт Рояля. Обнаружены также сумка с гербом Филиппа Испанского, полная серебряных монет, закупоренные бутыли с вином, множество сосудов, курительных глиняных трубок, часы.

Перси на прогулке

Пеликан Перси — любимец Джорджа Хоутона, директора зоопарка в английском городе Плимуте. Недавно Перси стал жертвой несчастного случая и так сильно поранил лапу, что пришлось наложить швы. Теперь ему трудно ходить. Чтобы пеликан мог подышать свежим воздухом, Хоутон берет его с собой на велосипедную прогулку. Умная птица спокойно сидит на плечах человека. Предпочитает она быструю езду. Когда Хоутон сбавляет скорость, Перси бьет своего возницу крыльями, чтобы тот ехал быстрее.

Ансамбль пятилеток

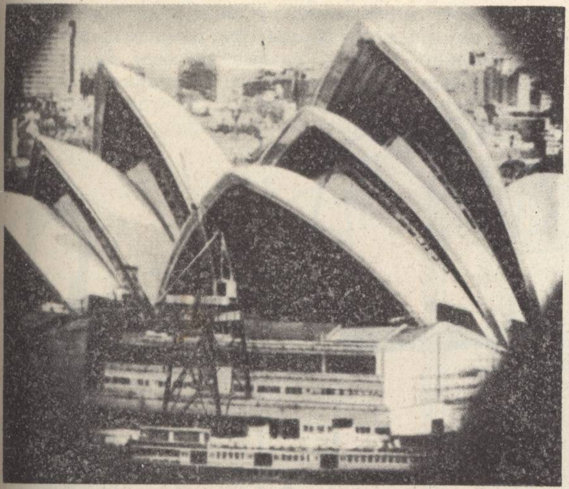
В Италии часто проходят музыкальные конкурсы и фестивали, в которых вместе со взрослыми исполнителями участвуют дети. Это и понятно: итальянские ребята — превосходные музыканты. Доказательством того, что возраст таланту не помеха, был успех фестиваля песни в Болонье. Первое место на этом «взрослом» фестивале занял ансамбль трех очень музыкальных ребятишек-пятилеток, выступивших под девизом «Дольче трио» («Три сладости жизни»).

Наш родной язык изучают народы самых дальних континентов и стран. Старательно выводит русские буквы на доске юный вьетнамец. Ведь это слова о Ленине!

ОПЕРА НА МОРЕ

Это необычное здание у моря напоминает паруса яхт. Таким его придумал датский архитектор Ерн Утцон — победитель конкурса на лучший проект первого в Австралии оперного театра. Стройка происходит в Сиднее. На нее уже израсходовано тридцать миллионов австралийских фунтов стерлингов. Длится она более десяти лет.

Мальчик из джунглей

Недавно итальянская научная экспедиция нашла в джунглях Конго одичавшего пятилетнего мальчика и привезла его в Европу. Мальчик не умеет еще говорить, а свои чувства выражает своеобразным криком. С исключительным проворством он лазит по деревьям. Ученые принимают все меры, чтобы новый Маугли побыстрее привык к людям.

ШПИОНЫ ПОВСЮДУ

Три человека, используя отмычки, забрались ночью в контору вашингтонского адвоката. Умело и ловко установили за книжной полкой миниатюрный радиопередатчик и скрылись.

Кто они? Взломщики? Тайные враги? Ни то, ни другое. Это официальные сотрудники налогового управления. В Америке таких легион. Они перехватывают письма, подслушивают разговоры.

Толстые стены домов уже не спасают американцев от полицейских соглядатаев. В стены втыкается тонкий металлический стержень — «микрофон-шпилька». Опасно и говорить по телефону: к линии могут быть подключены «детекторы подслушивания». В конторах, кафе, магазинах, автомобилях, больницах и школах — всюду американцев подстерегают шпионские ловушки.

Подслушивающие устройства прячутся в зажигалках, авторучках, часах. По признанию самих полицейских, в Соединенных Штатах вряд ли найдется хоть один человек, за которым бы ни разу не устанавливалась слежка. Вот какая она в самом деле, «свободная Америка»!

КРУГОСВЕТКА • КРУГОСВЕТКА • КРУГОСВЕТКА

(Начало смотри на 73-й странице.)

двоичная система принята в большинстве быстродействующих счетных машин.

— Это и я знаю,— обрадовался Нулик.— Нуль означает «нет», а единица — «да»...

Впрочем, президент не стал вдаваться в подробности. Он решил записать число 29 в двоичной системе и добился-таки своего, написал: 11101.

В самом деле, $11101 = 1 \cdot 2^4 + 1 \cdot 2^3 + 1 \cdot 2^2 + 0 \cdot 2^1 + 1 \cdot 2^0$, а это в сумме дает 29!

Ребята наперебой стали переводить числа из одной системы в другую. Похоже, этому не было бы конца, если бы Олег не вернул чересчур увлекающихся клубменов к их основной деятельности.

— Оказывается,— сказал он,— Магистр не совсем безнадежен. Он еще не забыл признака делимости чисел на 11. Но и тот запомнил не до конца. Он отделил цифры, стоящие в числе на нечетных местах, от цифр, стоящих на четных. При этом суммы их оказались разными. Из этого Магистр заключил, что число на 11 не делится. А ему надо было вычислить разность между этими двумя суммами. Ведь если эта разность делится на 11, то и все число непременно тоже разделится на 11.

— Проверим,— сказал Сева по примеру Нулика.— Число, которое Магистр прочитал на камне,— 6 111 116. Сумма цифр на нечетных местах $6 + 1 + 1 + 6$ равна 14, а сумма цифр на четных местах $1 + 1 + 1$ равна трем. Разность между 14 и 3 равна 11. Ну, а уж 11 на 11 обязательно разделится. Стало быть, и все число на 11 делится. $6\,111\,116 : 11 = 555\,556$.

Заливисто залаял Пончик.

— Шесть часов,— глубокомысленно заметил Нулик.— Он всегда лает в это время...

— Не собака, а хронометр! — сказал Сева, взглянув на часы.— Пора возвращаться...

Ребята быстро прибрали лужайку (не оставлять же после себя мусор!), и мы двинулись к станции.

По дороге нам предстояло обсудить еще один каверзный вопрос, который был задан Магистру при входе в пещеру: каковы наибольшее и наименьшее десятизначные числа, состоящие из всех 10 цифр?

— На этот вопрос отвечу я,— сказал президент.

Желание понятное: ведь камнем преткновения для Магистра на этот раз был нуль. Определяя наименьшее число, незадачливый математик подставлял нуль то в начало числа, то в конец — и все без толку. Нулик же поставил нуль тотчас же после единицы и получил искомое: 1023456789 — один миллиард двадцать три миллиона четыреста пятьдесят шесть тысяч семьсот восемьдесят девять. Лихо!

— Могу не только наименьшее, но и наибольшее написать! — расхвастался президент.— Вот, пожалуйста: 9876543210...

— Стоит ли? — возразил Олег.— Ведь это число и сам Магистр записал правильно. Лучше уж подсчитай, сколько вообще можно составить десятизначных чисел из всех десяти цифр. Ведь на этот вопрос Единички Магистр так и не ответил.

— Вот еще! — заартачился президент.— Он не ответил, а я мучайся.

На его счастье, как раз в это время подошла электричка.

Всю дорогу Нулик распевал какие-то карликанские песни, всем своим видом демонстрируя полную независимость от Магистра и его диссертации. И только при выходе на вокзальную площадь малыш вдруг спохватился:

— Чуть не забыл спросить: что такое софизм?

— Опоздал, брат,— сказал я.— Заседание закрыто. Так что уж подожди до следующего раза.

Секрет четырех платьев

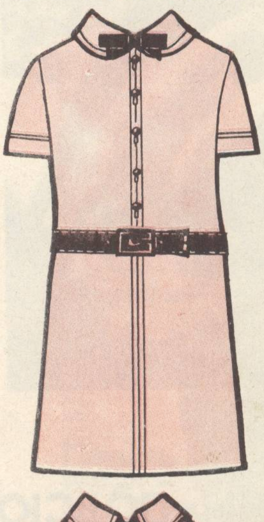
Знаешь ли ты, кто придумывает одежду для детей? Этим занимаются художники-модельеры.

Вот и я художник-модельер и очень люблю работать над детской одеждой.

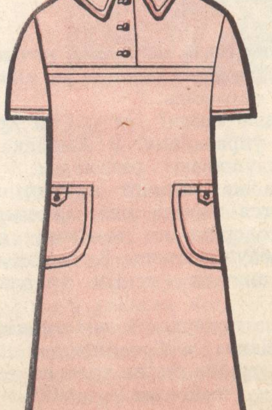
Хочу тебе предложить несколько платьев, которые сделаны по одной выкройке, то есть по одной основе. Посмотри на рисунок 1. Это силуэт платья, а рисунок № 4 — выкройка. Общая форма у платьев одна, а внутри этой формы при помощи разных деталей можно создать разные фасоны. Они могут быть спортивного характера. Отделка — строч-

1

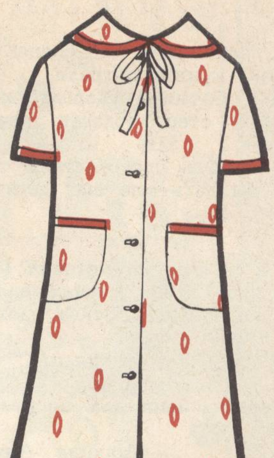
2

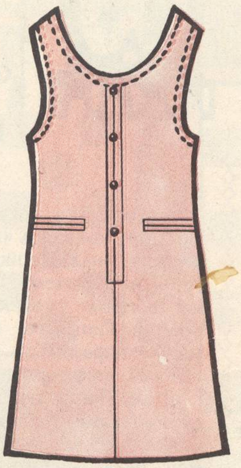
3

Ирина НАДГОРНАЯ,
художник-модельер.

6

5

ка, пуговицы, пояс (рис. 2, 3). Такие платья хороши для каждого дня, а если им дать красивую отделку: нарядный воротничок, бант, вышивку, то платье станет праздничным. Для этого ты можешь пофантазировать и сама.

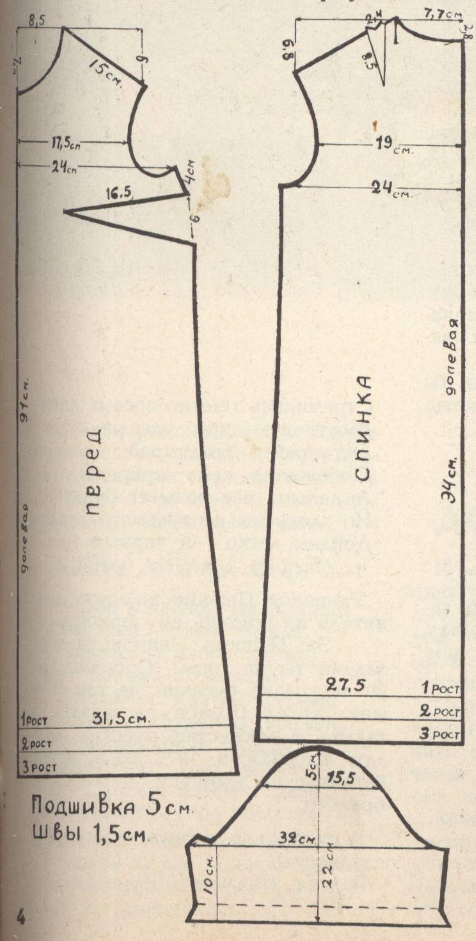
Если ты хочешь сделать себе нарядное платье, посмотри на фото 7. Силуэт тот же, что и у предыдущих платьев, и шьется оно по той же выкройке. Оно может быть из шерсти, шелка или льна с лавсаном. Конечно, лучше светлое — розовое, желтое, голубое. Полоски, которые ты видишь,— кружево или шитье. Между ними вышиваются розочки. Нитки для вышивки бледные, неяркие.

Если у тебя мало ткани или ты хочешь переделать старое платье, сделай себе сарафан (рис. 5). Он шьется по той же выкройке, что и платья. Отстрочи сарафан, как показано на рисунке, под него надень свитер или кофточку с воротничком и рукавами. Надеюсь, ты понимаешь, что сарафан этот зимний, и его нужно шить из плотного материала: из шерсти, легкого сукна, вельвета. Сарафан — одежда повседневная, поэтому его не нужно делать очень светлым. Ты можешь придать твоему костюму нарядный вид, если наденешь под сарафан светлую или яркую блузку, белые гольфы. Для дома сшей себе платье-халатик по той же выкройке (рис. 6). Украсит его цветная бейка. Ткань для него лучше взять хлопчатобумажную, гладкую или в рисунок.

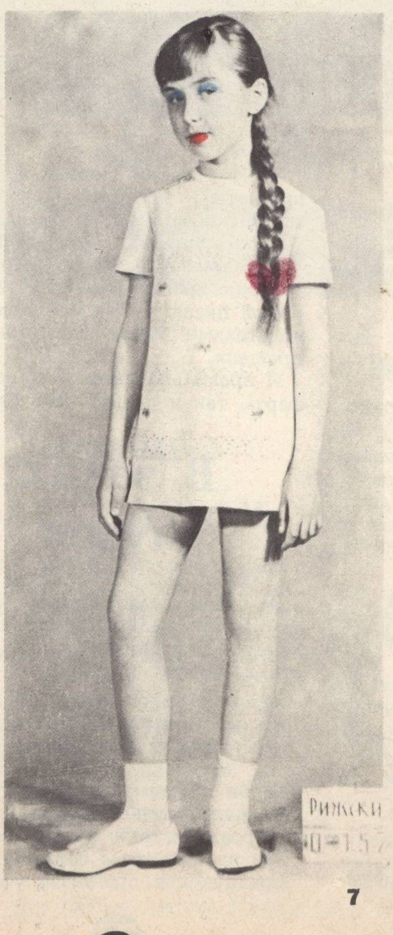
Ты видишь, как много можно сделать фасонов по одной выкройке. Нужны фантазия и труд.

Нравятся ли тебе эти платья? Напиши мне. И о чем ты хочешь еще узнать?

Еще один совет: выбирая материал на платье и отделку к нему, подумай о том, какого цвета у тебя волосы и глаза. Тогда ты не ошибешься в выборе. Подумай и о том, какие у тебя будут туфли и сумочка. Посмотри, какие отделки есть у тебя дома, и выбери материал так, чтобы можно было их использовать. И если ты заранее все хорошо продумаешь, то самое простое по форме платье будет выглядеть очень нарядным.

4

7

Смешинки

— Папа, дай мне денег. Мне нужно купить тетради.

— С большим удовольствием,— ответил отец, подавая двадцать копеек.

— А без удовольствия ты не мог бы дать мне еще десять копеек?

●

Папа. Ты приготовил уроки?

Поль. Уже выучил алфавит.

Папа. Какая буква идет после «А»?

Поль. Все остальные.

●

Девочка написала письмо подруге:

«Дорогая Аня, извини, что я забыла о твоем дне рождения. Будет справедливо, если и ты забудешь мой день рождения, который будет в следующую среду».

●

— Ты что, не умывался? Я вижу, что ты сегодня завтракал яичницей.

— Вы ошиблись, Вера Петровна, яичницу я ел вчера.

●

Учительница спрашивает:

— Почему ты всю неделю опаздываешь в школу?

— А я только неделю назад узнал, что учиться никогда не поздно!

●

— Дайте стакан воды.

— С сиропом или без?

— Без.

— Без какого — без лимонного или вишневого?

●

— Джимми, где пирожное, которое лежало на этой тарелке? — спрашивает мать.

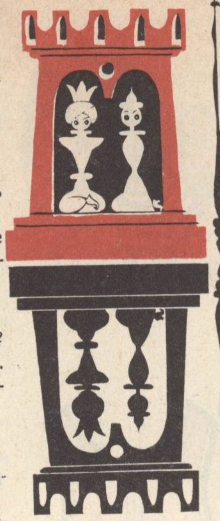
— Я отдал его одному голодному мальчику,— ответил сын.

— И хорошо сделал. Кто же этот малыш?

— Я, мамочка!

Рисунки Г. АЛИМОВА.

В СТРАНЕ ШАХА— ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

«Ферзь всяческая»

Ферзь — это каждому понятно. Но при чем здесь «всяческая»? Ничего не знал Пешкин о такой фигуре, вот почему, чтобы ответить на вопрос тульского школьника Володи Пашкова, пришлось Пешкину отправиться в «Музей шахматной старины».

С недавних пор есть и такой в стране шаха. Хотите адрес узнать? Пожалуйста. Это недалеко. Восьмая линия, район пункта h8.

Примчался туда Пешкин на своем шахматном коне, нашел хранителя музейных редкостей.

— Как же, помню,—сказал хранитель,— есть, есть такая фигура. Вот она перед тобой.

И достал он с полки шахматную книгу Бутримова, что вышла еще в 1821 году, и прочитал о ферзе, «могущем скакать и по-конскому».

— И с таким ферзем играли в шахматы?— удивился Пешкин.—И за обыкновенным не уследишь, а тут он еще и как конь прыгал...

— Давно уж так не играют,— ответил хранитель.— Еще и Бутримов писал: «Таковой ход законодателями игры шахматной запрещен».

И правильно писал. Уж если ты ферзь, так и нечего тебе скакать!

В залах музея

А потом гулял Пешкин по залам музея, редкости разглядывал. Увидел диаграмму, а под нею стихи вместо подписи:

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ БАЛКАНЫ

Герои перешли Балканы!
Ужасный путь их не был скор:
Мороз, и турки, и бураны —
Все вражьи силы грозных гор,
Соединясь в преграды злые,
Стремились тщетно восемь дней
Расстроить силы удалые,
Остановить богатырей.
Победжена сама природа!
А дальше все возьмет булат!
Но здесь мы до восьмого хода
Дойдем легко — и черным мат.

1—7 Кр.h3—a4. 8. С.. b3 мат.,

Удивился Пешкин, но опять хранитель на помощь ему пришел.

— Эх, Пешкин, Пешкин, и этой задачи ты не знал! Составил ее 90 лет назад русский мастер Шумов. Хотел Шумов рассказать в задаче о мужестве русских солдат, шедших в 1877 году через Балканы на выручку болгарским братьям.

А теперь на вторую диаграмму поглядите.

Задача эта тоже Шумовым со-

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

ставлена и рассказывает о борьбе негритянского народа зулу против английских колонизаторов в 1879 году. И к этой задаче автором были написаны стихи:

ВОЙНА АНГЛИИ С ЗУЛУ

В борьбе ужасной много пало
Любителей чужой земли,
И черных тысячи легли;
Зато положено начало
К восстанию других племен,
К вопросам будущих времен.
Не одному еще народу
Укажет этот шах и мат,
Как «друга» осадить назад
И возвратить себе свободу.

Игру начинают черные. 1... Cf2, и в страхе белый король! Мат на третьем ходу неизбежен, как бы белые ни защищались от у

Задачи-долгожители

И еще увидел Пешкин коллекцию удивительных старинных задач. Ни одной там не было, которой не исполнилось бы 100 лет, а были шахматные старушки и постарше.

Одна задача особенно понравилась Пешкину, и он решил включить ее в свой конкурс на получение спортивных разрядов. Вот она на диаграмме № 3.

Белые начинают и дают мат в четыре хода. Но есть и еще одно важное условие в этой задаче. Заматовать черного короля надо обязательно белым конем. Никакие другие решения в расчет не принимаются!

Долго искал Пешкин разгадку, нашел все-таки правильный путь. Он надеется, что и вы, ребята, справитесь с этой хитрой задачей.

И еще одну позицию из музейной коллекции включил Пешкин в свой конкурс. (Диаграмма № 4.) 110 лет этой интересной задаче. Ее решали еще ваши прапрадеды. Конечно, решите и вы, только поработать придется как следует.

Найдите, как, начиная игру, белые дают мат в пять ходов черному королю.

Пешкин желает вам успехов, друзья, и ждет ваших писем. А в «Музее шахматной старины» мы вместе побываем еще не раз.

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес редакции: Москва, А-15,
Бумажный проезд, 14. 11-й этаж.
Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.
Технический редактор В. Пархоменко.

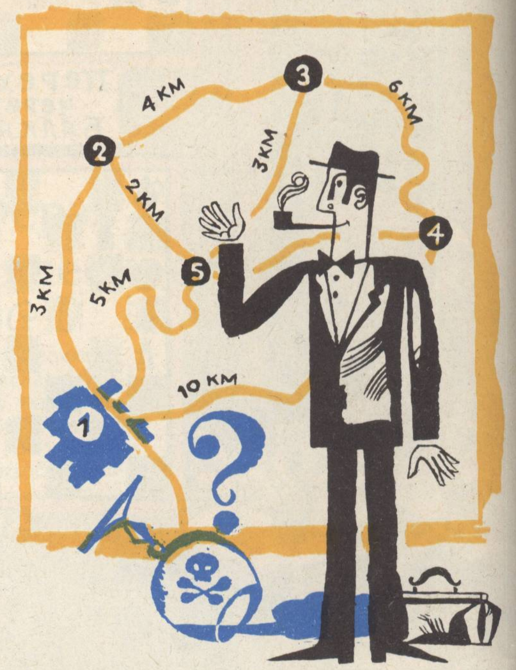
А 00236. Подписано к печати 27/XII 1968 г.
Формат бумаги 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л.
11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 165 000 экз. Изд. № 159.
Заказ № 23.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЭКЗАМЕН ПРИНИМАЕТ

На могиле английского писателя Артура Конан-Дойля, создателя образа великого сыщика Шерлока Холмса, выгравирована эпитафия, которую придумал сам писатель:

Я выполнил свою простую задачу,
Если дал хотя бы час радости
Мальчику, который уже наполовину мужчина,
Или мужчине — еще наполовину мальчику.

Почему писатель считал, что его произведения приносят читателю радость? Ведь в них нередко рассказываются и мрачные и страшные истории. Это чувство радости появляется оттого, что читателю, увлеченному повествованием, кажется, что и он сам рассуждал бы и действовал так же, как Шерлок Холмс, раскрывая загадочные происшествия.

Посмотрим, легко ли проявить при решении запутанных задач такую находчивость и проница-

Рисунки А. БОРИСОВА.

АРТУР КОНАН-ДОЙЛЬ

тельность, которыми обладал великий сыщик? Давайте представим себе, что в нашей «Палате ума» сам Артур Конан-Дойль задает хитроумную задачу и принимает у каждого экзамены на звание кандидата в младшие помощники Шерлока Холмса. Итак, попробуй проверить свои способности!

ПОСЛЕДНИЙ СТАКАН

КОНАН-ДОЙЛЬ. Фердинанд С., скупщик молока, вернувшись после очередного объезда ферм на сыроварню, внезапно скончался. Он успел лишь произнести: «Стакан... Вино... Яд». Шерлок Холмс, которого попросили расследовать этот случай, установил, что смерть произошла от быстродействующего яда, очевидно, подброшенного в стакан скупщика на последней из ферм. Фердинанд С. ежедневно заезжал на фермы, обозначенные на схеме цифрами 2, 3, 4, 5.

ТЫ. А что обозначает цифра 1?

КОНАН-ДОЙЛЬ. Это сыроварня.

ТЫ. В каком порядке скупщик совершал объезд ферм?

КОНАН-ДОЙЛЬ. У него не было твердо установленного порядка, но он никогда не проезжал дважды мимо одной и той же фермы и никогда не повторял дважды одного и того же маршрута.

ТЫ. Кто видел Фердинанда С. последним?

КОНАН-ДОЙЛЬ. Вблизи сыроварни его видел перед началом рейса владелец бензозаправочной колонки. Фердинанд С. заливал у него масло в машину. Этот свидетель сказал Шерлоку Холмсу, что после этого скупщик поехал в направлении к пункту 2 или 5, но ни в коем случае не к 4. Обратите внимание на стрелки!

ТЫ. Не осталось ли у владельца колонки чека на оплату масла?

КОНАН-ДОЙЛЬ. Чек приложен к делу, он помог Шерлоку Холмсу проверить расход масла и установить, что скупщик после заправки проехал 28 километров.

ТЫ. Удалось ли обнаружить, какого сорта было выпитое вино?

КОНАН-ДОЙЛЬ. Местное вино, которое могло быть на любой ферме. Однако обращаю ваше внимание на то, что уже имеющихся у вас сведений было достаточно Шерлоку Холмсу, чтобы решить, на какой из ферм было совершено преступление.

Как же рассуждал Шерлок Холмс?

Крокодил на диете

Я встретил крокодила. Никогда еще мне не приходилось видеть его таким грустным.

— Врачи посадили меня на диету,— сказал крокодил.— Они разрешили мне есть лишь то, что можно получить из букв, входящих в мое имя. Но ведь это ужасно!

— Ну почему же? Ваши дела не так плохи, вы можете, например, есть окорок!

— Нет, нет, в окороке три «о», а в моем имени только два «о», а я должен употреблять буквы лишь столько раз, сколько они встречаются во мне самом. Я перебрал их все и пока записал в свое меню только ил. Но ведь не могу же я питаться одним илом!

Действительно, печальная история. Может быть, вы сможете помочь крокодилу в выборе меню?

Волшебная таблица

Изнывая от усталости и голода, путешественник вошел в маленькую хижину. В хижине не оказалось никаких запасов продовольствия. Пустое ведерко, веревка, лист бумаги, карандаш — вот и все, что было на деревянном столе. Путешественник склонился над листом бумаги и увидел необычную таблицу с написанными на ней различными словами, разбитыми на слоги. Подпись под ней гласила: «Пришелец, прояви терпение, составь из этих слогов, переставляя их как тебе угодно, новые восемь слов, и тогда одно из них, выбранное по твоему желанию, превратится в то, что оно обозначает. Запомни: нужно образовать восемь новых слов так, чтобы в каждом было по четыре буквы. Каждый слог таблицы используй лишь по одному разу!»

Путешественник быстро решил задачу и до конца своего путешествия не знал ни голода, ни жажды.

Ответы на задачи № 1

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

КЛЮЧИ К ШКАТУЛКЕ

Догадались, какие ключи придумал к своей шкатулке Дед Буквоед?

1) Игрок, глыба, рыжик, обида, какао.
2) Хвост, валик, олифа, сифон, ткань.
3) Песок, егоза, совет, озеро, каток.

ГДЕ ЖЕ ЕЩЕ ФРАНК?
(Загадочный случай в парижском отеле)

Нужно быть очень внимательным, решая эту задачу. Из 27 франков нужно вычесть два франка, а не прибавлять их, как было указано в условии.

ДВЕ ДАМЫ

Поэт-юморист и художник зря поспорили. Нужно было перевернуть рисунок и посмотреть, что получится. Вы, наверно, так и поступили.

ГДЕ ЛЕД ВРЕТ?

А вот где:

1) Волосы на виске начинающего конькобежца зачесаны не так, как на первом рисунке.

2) По-другому нарисована складка на шапочке у этого же мальчика.

3) На 2-м рисунке у мальчика не видно уха.

4) На 2-м рисунке на небе не нарисовано облако.

5) Елка на 2-м рисунке достает до облака, а на первом — нет.

ДРЕССИРОВАННЫЕ ВОРОБЬИ

Если слетел воробей А, то следующие ходы будут: ДА, JД, ЕВ, KL, СК, АН, JК, IВ. Если слетел воробей В, то ходы будут такими: IВ, JК, ЕН, CF, НЕ, АД, ЕВ, КС.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

